

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта

На правах рукописи

Солдатов Антон Анатольевич

**СТЕФАН КЕНЕВИЧ
И ПОЛЬСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА**

Специальность 07.00.03 – «Всеобщая история»
(Новая и Новейшая история)

Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук,
доцент Дементьев И.О.

Калининград

2018

Введение	3
Глава 1. Становление историка (1907—1945)	37
§1. Семья и образование Стефана Кеневича.....	37
§2. Начало научной деятельности.....	50
§3. Польские восстания в довоенном творчестве Кеневича.....	60
Глава 2. Перелом и адаптация: Стефан Кеневич и польская историческая наука в 1945 — 1950-х годах	70
§1. Реформирование польской исторической науки.....	70
§2. «Оттепель» и десталинизация в польской исторической науке.....	91
§3. Марксистская методология в творчестве Стефана Кеневича.....	103
Глава 3. Стефан Кеневич на пути к историческому синтезу	113
§1. «Январское восстание. Материалы и документы».....	113
§2. Январское восстание в концепции Стефана Кеневича.....	128
§3. Роль Стефана Кеневича в исторической науке.....	139
Заключение	154
Список источников и литературы	157

Введение

Жизнь историка протекает в двух измерениях. Собственно, там, где он обитает физически, и в пространстве изучаемого им прошлого. Эти две сферы взаимно влияют друг на друга в интерпретации исторической или современной действительности. Учитывая, что историк живет не изолированно от общества, на его взгляды и мировоззрение влияют общественно-политические, экономические и культурные процессы. Таким образом, в его работах переплетаются прошлое и современное, личное и общественное. Задача интеллектуальной истории — распутать этот узел и попытаться разобраться в тех многочисленных наслоениях, скрытых смыслах и перипетиях, которые пронизывают жизнь и творчество ученого.

Как способ познания прошлого интеллектуальная история существует вот уже сто лет, претерпев за это время разные изменения¹. Но в своей сути она сохраняет акцент на исследовании творчества мыслителей, их влияние на развитие идеи и научного знания. В рамках интеллектуальной истории изучается не столько биография конкретного мыслителя, сколько контекст, в котором она существует. Подобный подход позволяет шире взглянуть на место конкретных событий в историческом процессе и их отражение в творчестве ученого.

Не стоит забывать, что интеллектуальный труд ученого — это не только один из возможных аспектов его жизни, а главная составляющая часть науки. Если государство может регулировать формальную сторону, например структуру системы науки, то только ученые могут эту науку творить. Соответственно, их исследования являются в некоторой степени отражением современной им реальности, а анализ прошлого историками — рефлексией над настоящим. Как справедливо отмечает Л.П. Репина, «чтобы понять авторское

---

¹ См.: *Шартье Р.* Интеллектуальная история или история ментальностей: двойная переоценка? // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/66/shart2.html> (дата обращения: 15.10.2018).

высказывание необходимо “увидеть” весь процесс его порождения, в котором “вызов” встающих перед мыслителем проблем соединяется с реальными социально-политическими и жизненными обстоятельствами, с его интересами, намерениями и целями, с располагаемыми культурно-интеллектуальными ресурсами, с событийным рядом его действий по производству текста, и проч.»²

Судьба польского историка Стефана Кеневича (1907—1992) во многом отражает противоречивую историю XX века. Он родился в Российской империи, начал научную карьеру во II Речи Посполитой, после Второй мировой войны встал перед проблемой выбора отношения к новой политике, а скончался с началом трансформации политической системы в Польше, посвятив свою жизнь науке. Библиография его работ насчитывает более 800 наименований³, а книги переведены на несколько языков, в том числе русский. Работы Кеневича занимают важное место в историографии польского повстанческого движения и, в частности, Январского восстания 1863 года. Изучение польской истории середины — второй половины XIX века невозможно без обращения к его исследованиям. Также ученый внес весомый вклад в развитие польско-советских научных отношений. На протяжении двадцати пяти лет он совместно с советскими историками И.С. Миллером, В.А. Дьяковым и другими руководил изданием источников по Январскому восстанию⁴.

Научная актуальность настоящего исследования обусловлена рядом причин. Во-первых, сохраняется актуальность изучения интеллектуальной истории бывших социалистических стран. Продолжается ревизия достижений исторической науки периода социализма после распада СССР и всей «мировой

---

² Репина Л.П. Контексты интеллектуальной истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2008. № 25/1. С. 8.

³ Konarska B., Sokołowska S., Szwarz A. Bibliografia prac Stefana Kieniewicza za lata 1930—1986 // Losy Polaków. Warszawa, 1987. S. 5-53; Szwarz A. Bibliografia prac Profesora Stefana Kieniewicza za lata 1987—1992 // Przegląd Historyczny. 1993. T. 84, z. 1. S. 1-6.

⁴ Powstanie styczniowe. Materiały i dokumenty. Восстание 1863 года. Материалы и документы. Wrocław; М., 1961—1986. Т. 1-25.

системы социализма». Нередки случаи, когда в основе исследовательских оценок историографии СССР или ПНР лежит дихотомия: «хорошая — плохая», «научная — ненаучная». Такие крайние позиции затрудняют адекватную оценку вклада историков в развитие науки. Чаще всего такой конфликт возникает на почве определения места и роли марксизма в исторической науке. Нередко можно констатировать нежелание некоторых специалистов по интеллектуальной истории разделять марксистскую идеологию и марксизм как метод исследования.

Во-вторых, диссертация помогает проследить развитие польско-советских научных отношений, в которых Кеневич сыграл не последнюю роль. Он был руководителем группы польских исследователей в совместном издании источников по восстанию 1863 года, членом Комиссии советских и польских историков и участником других совместных академических проектов. Взвешенная оценка польско-советских отношений требует изучения конкретных случаев сотрудничества и опыта взаимодействия отдельных участников этого процесса.

В-третьих, ни в Польше, ни в России до сих пор не было проведено комплексного исследования творчества Кеневича, хотя труды историка используются как при изучении польского восстания 1863 года, так и в целом истории обеих стран⁵. В то же время диссертационное исследование вписывается в ряд научных работ, подготовленных отечественными специалистами и посвященных польским ученым⁶.

---

⁵ См.: *Западные окраины Российской империи*. М., 2007. 605 с.; *Польское Январское восстание 1863 года. Исторические судьбы России и Польши*. М., 2014. 414 с.

⁶ *Гатилова А.В.* Виктория Сливовская как историк польской ссылки // *Clio Moderna*. Зарубежная история и историография. Казань, 2011. Вып. 8. С. 57-71; *Синицын В.О.* Польская интеллигенция после Второй мировой войны. Виктория и Рене Сливовские: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2012. 182 с.; *Туманин В.Е.* Ян Рутковский и развитие социально-экономических исследований в Польше // *Clio Moderna*. Зарубежная история и историография. Казань, 2008. Вып. 6. С. 119-133; *Туманин В.Е.* «Historia — moje życie»: Научное наследие Ежи Топольского. Казань, 2008. 240 с.; *Шарифжанов И.И.* Профессор Виктория Сливовская: «наша любовь» // *Clio Moderna*. Зарубежная история и историография. Казань, 2011. Вып. 8. С. 7-16.

В-четвертых, исследование способствует углублению понимания различных аспектов развития польской историографии в XX веке, преимущественно в Польской Народной Республике.

Объектом диссертационного исследования выступает польская историческая наука в контексте развития исторической мысли и общественно-политических изменений в XX веке.

Предметом исследования является жизнь и научное творчество Стефана Кеневича, отражающие сложности профессиональной деятельности историка и, в частности, его теоретико-методологического поиска, а также особенности его взаимодействия с научным сообществом.

Хронологические рамки работы обусловлены годами жизни Стефана Кеневича — 1907—1992.

Теоретическая и методологическая основа. Диссертация носит междисциплинарный характер, объединяя биографику, интеллектуальную историю и историю науки. В основе исследования лежат принципы научности и историзма, которые позволяют в динамике рассмотреть историю польской науки и взгляды Кеневича. Жизнь ученого представлена как череда переживаний общественных катаклизмов, личных и профессиональных достижений и судьбоносных решений. Благодаря анализу его творчества и научной деятельности в социально-культурном контексте можно определить влияние общественно-политических и научных тенденций на презентацию прошлого историком. Биография Кеневича используется как отражение особенностей развития польской исторической науки, многообразия подходов описания прошлого и перипетий советско-польских научных отношений.

При проведении исследования были использованы как общенаучные методы (анализ, синтез, обобщения), так и специальные: биографический, компаративистский и историографический анализ.

Биографический метод предполагает учет того, как особенности характера, интересов и внешней среды влияли на поведение и профессиональный путь Кеневича. Исследование отдельной личности

позволяет глубже понять конкретную эпоху. Биография, как пишет И.Ф. Петровская, — это «повествование об истории индивидуального жизненного пути от его начала и до конца, исследование жизни человека во всех проявлениях взаимодействия внешних событий и психики (деяния, общения, эмоциональное отношение к фактам своего и окружающего бытия и т.д.)»⁷. В силу недостатка и специфики источников трудно обеспечить полное «исследование жизни» Кеневича, но можно и нужно, опираясь на факты, стремиться к полноте выявления фактов взаимодействия его личности и окружающего бытия.

С другой стороны, именно знание контекста, на фоне которого разворачивается жизнь человека, позволяет лучше узнать его внутренний мир, вычленив поведенческие мотивы и осмыслить совершенные деяния. В этом случае исторический контекст, как указывает Л.П. Репина, задает «не только социальные условия любой деятельности, но также конкретные вызовы и проблемы, которые требуют разрешения в рамках этой деятельности»⁸. Такая точка зрения особенно важна для понимания поведения историков, и Кеневича в частности, в годы сталинизации польской науки.

Компаративистский анализ применялся в первую очередь к исследованиям Кеневича для определения его историко-теоретических взглядов. Сравнение его работ с трудами других историков позволило проследить изменения в видении Кеневичем прошлого на фоне развития исторической науки. Также благодаря этому анализу удастся проследить рецепцию идей и тезисов Кеневича в советской историографии и выявить оценки его творчества современными исследователями.

Историографический анализ позволяет вычленив в современной исторической науке проблемы и нерешенные вопросы по теме

---

⁷ *Петровская И.Ф.* Биографика: Введение в науку и обозрение источников биографических сведений о деятелях России 1801—1917 годов. СПб., 2010. С. 16.

⁸ *Репина Л.П.* Указ. соч. С. 6.

диссертационного исследования, и, соответственно, прирастить научное знание, восполнить некоторые пробелы в изучении прошлого.

Целью диссертационного исследования является определение роли Стефана Кеневича в развитии польской исторической науки на основе всестороннего изучения процесса адаптации историка к меняющимся политическим условиям в Польше XX века.

Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**:

1. Установить, какое влияние на Кеневича оказали его происхождение, воспитание, среда, в которой он вырос. Проследить основные этапы формирования Кеневича как ученого (учеба в Познани и Варшаве). Выявить факторы, сформировавшие мировоззрение Кеневича, и найти их отражение в довоенных работах историка.

2. Рассмотреть, как происходила трансформация теоретико-методологических взглядов Кеневича в контексте сталинизации и десталинизации науки. Этот анализ является важным для понимания позднейшей концепции польских восстаний Кеневича и ее места в польской историографии.

3. Проанализировать видение Кеневичем истории Январского восстания, выраженное в одноименной монографии, сравнить с его довоенными взглядами и определить место его концепции в историографии. Акцентировать внимание на 1863 году как на важной вехе в истории российско-польских отношений, ставшей центральной исследовательской темой в творчестве ученого. Проследить профессиональный путь историка в ПНР и его влияние на развитие польской науки.

Источниковую базу можно разделить на три группы источников:

— делопроизводство государственных (как политических, так и научных) институтов, в том числе материалы научных съездов и конференций;

— источники личного происхождения (их анализ произведен в соответствии с принадлежностью конкретным историческим личностям);

— историографические источники — научные работы Кеневича.

Первая группа источников — это делопроизводство разных научных и политических институтов, которые отражают историю польской исторической науки. В некоторых из них Кеневич работал (Польская академия наук и Варшавский университет), с другими сотрудничал (Академия наук СССР, Ягеллонский университет). В архиве Института истории ПАН (Варшава, Польша) сохранилось несколько служебных документов, связанных с биографией ученого: резюме, личная анкета, копии свидетельств о рождении, браке, рождении детей, диплома, докторской и диссертационной работ, заявления о выездах за границу, две характеристики Кеневича (Т. Мантейфеля и В. Кули)⁹. Часть материалов, связанных с защитой Кеневича, находится в архиве Ягеллонского университета¹⁰.

Остается неизвестным, что стало с внутренними документами Варшавского университета, где сорок лет работал историк. В картотеке архива университета есть информация о деле Кеневича, однако в этой папке содержатся другие сведения, касающиеся его дочери Терезы — доцента кафедры англистики Варшавского университета¹¹. В деле хранятся в основном копии документов официального характера. Судьба материалов, связанных со С. Кеневичем, неизвестна.

Личные дела Стефана Кеневича, отложившиеся в польских архивах, ранее не использовались исследователями.

В архиве РАН (Москва, Россия) находится обширная управленческая документация Института славяноведения и балканистики за 1947—1995 годы¹². В составе фонда большое количество документов (некоторые были ранее опубликованы¹³), иллюстрирующих международное сотрудничество института,

---

⁹ *Archiwum* IH PAN, Akta osobowe prof. S. Kieniewicz 1953—1968, sygn. 2/205.

¹⁰ *Archiwum* Uniwersytetu Jagiellońskiego, Akta Stefana Kieniewicza, sygn. Whm 36 Kieniewicz Stefan.

¹¹ *Archiwum* UW, Akta pracownicze Stefana Kieniewicza, sygn. K.12.323.

¹² *Архив* РАН (далее — АРАН). Ф. 1965. Оп. 1.

¹³ *Соглашение* 1957 года о научном сотрудничестве между Академией наук СССР и Польской академией наук // *Сотрудничество российских и польских историков: достижения,*

в том числе с ПНР: выезды за границу, приглашения иностранных историков, протоколы заседаний по совместной работе над научными, издательскими и другими проектами. Эти документы являются незаменимым источником в изучении советско-польских научных отношений.

Важной источниковой основой для настоящей работы стали материалы съездов и конференций польских историков, которые можно разделить на три категории:

— документация ПОРП, поскольку Отдел науки партии контролировал академическую сферу в Польше и зачастую отвечал за подготовку конференций и научное сотрудничество¹⁴;

— опубликованные сразу после проведения доклады и результаты конференций¹⁵;

— архивные материалы, в которые входят протоколы совещаний, служебные записки, планы проведения и прочее¹⁶.

Достоверность опубликованных в ПНР материалов требует подтверждения, поскольку издания имели официальный характер и контролировались партией. Таким образом, материалы, хранящиеся в архивах, дают возможность получить новую информацию. Сравнение данных из опубликованных и архивных материалов позволяет проследить подготовку к проведению мероприятий и то, как менялись составы участников и организаторов, а также выявить информацию, не вошедшую в официальные издания материалов конференций.

проблемы, перспективы. Изучение и публикация исторических источников в России и Польше. М., 2011. С. 25-33.

¹⁴ AAN, Wydział Nauki KC PZPR, syg. 237/XVI-178.

¹⁵ Koroluk W., Miller I., Misko M. Nauka polska na VII Zjeździe Historyków we Wrocławiu w 1948 r. // Zbiór artykułów historycznych o Polsce w literaturze radzieckiej. Warszawa, 1950. S. 257-309; Pierwsza Konferencja metodologiczna historyków polskich. Warszawa, 1953. T. 1. 535 s.

¹⁶ APAN, I Kongres Naukowy, syg. I-10/36 «Komitet wykonawczy (sprawozdania z działalności Biura, Sekcji i Podsekcji. 1950—1951)». Powszechne Zjazdy Historyków Polskich w Polsce Ludowej. Dokumenty i materiały. Toruń, 2014. 682 s.

Вторая группа источников — личного происхождения, к которым относятся документы, отражающие межличностную коммуникацию и автокоммуникацию. Авторы писем и мемуаров отражают современную им реальность, описывая в этих документах события, участниками или свидетелями которых они стали, а также дают оценку пережитому.

Соответственно, среди источников личного происхождения, непосредственно связанных с Кеневичем, можно выделить несколько подгрупп: 1) автобиографические; 2) корреспонденция и 3) художественные и публицистические произведения. Каждая подгруппа требует более детального рассмотрения.

1. Стефан Кеневич прожил долгую жизнь, которая охватила практически целое столетие. О событиях, свидетелем которых он стал, а также о поворотах в собственной биографии польский ученый рассказал в нескольких автобиографических статьях. Первая из них — «Из размышлений летописца времен после разделов» — была опубликована в 1980 году¹⁷. Собственно, только она именовалась автобиографией. В других статьях «То и это. 1938—1948»¹⁸, «Смысл или бессмыслица борьбы за независимость»¹⁹, «А я до библиотеки...»²⁰ оценки Кеневича не меняются радикально (может быть, становятся менее осторожными) или опираются на дополнения, новые факты, в том числе о 1980-х годах. Пятого мая 1992 года через три дня после кончины историка на канале TVP в рамках передачи «Почет польских историков» вышло интервью Станислава Фалиньского с ним. В 1993 году оно было

---

¹⁷ *Kieniewicz S. Z rozmyślań dziejopisa czasów porozbiorowych (Autobiografia) // Kwartalnik historii nauki i techniki. 1980. R. XXV, № 2. S. 243-267.*

¹⁸ *Kieniewicz S. To i owo 1938—1948 // Polskie Towarzystwo Historyczne 1886—1986. Zbiór studiów i materiałów. Wrocław, 1990. S. 233-235.*

¹⁹ *Kieniewicz S. Sens czy też bezsens walk o niepodległość? // Kultura i społeczeństwo. 1991. № 35/2. S. 23-31.*

²⁰ *Kieniewicz S. A ja do biblioteki... // Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo w polskiej historiografii / pod red. A. Szwarca. Warszawa, 2010. S. 293-297.*

напечатано в научном журнале²¹ и цитируется в настоящей диссертации по публикации 2010 года²².

Любую автобиографию необходимо рассматривать с точки зрения достоверности и учета авторской интерпретации. Автор мог неточно отразить какие-то события²³ или сознательно их исказить, поэтому нужно проверять факты с помощью других источников. Анализ интерпретации излагаемых событий служит более точному пониманию мировоззрения автора, его ценностей и взглядов. Повествуя о своей жизни, автор создает собственный образ. В этом случае важно на какие детали он обращает внимание, как и о чем рассказывает, какие проводит параллели и прочее.

К сожалению, до сих пор не открыт доступ к личному архиву историка, хранящемуся у его семьи. По утверждению А. Шварца, согласно завещанию доступ должен был быть предоставлен спустя 25 лет после ухода из жизни С. Кеневича, то есть в 2017 году²⁴, тем не менее до настоящего времени семья не передала архив в публичное пользование.

2. Корреспонденция Стефана Кеневича с историком Хенрыком Верещицким (1898—1990)²⁵. В их многолетней переписке отражены не только эпизоды жизни, но и события, связанные с наукой и Польшей в целом. Переписка была опубликована в 2012 году другом семьи Верещицких историком Эльжбетой Орман. К сожалению, в книге представлены преимущественно письма Х. Верещицкого, которые Кеневич хранил с 1947 года, поэтому его точку зрения на те или иные события, мнения и оценки в некоторых случаях приходится восстанавливать по текстам его друга и

---

²¹ *Kieniewicz S.* O sobie i historii // *Przegląd Historyczny*. 1993. T. 84, № 1. S. 7-12.

²² *Kieniewicz S.* O sobie i historii // *Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo w polskiej historiografii* / pod red. A. Szwarca. Warszawa, 2010. S. 283-291.

²³ Например, Кеневич указывал, что после конференции в Сулеювке ему предложили принять участие в советско-польском издании источников Январского восстания [*Kieniewicz S.* *Z rozmyślań dziejopisa...* S. 257.], когда на самом деле соглашение о совместной работе было подписано еще до начала конференции. См.: Гл. 2, § 2.

²⁴ *Szwarc A.* Przedmowa // *Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo w polskiej historiografii* / pod red. A. Szwarca. Warszawa, 2010. S. 9.

²⁵ *Stefan Kieniewicz — Henryk Wereszycki.* *Korespondencja z lat 1947—1990.* Kraków, 2012. 791 s.

коллеги. Сохранившаяся корреспонденция позволяет не только проследить профессиональный путь историков, но и увидеть их оценки современных событий — Кеневич был более сдержан в выражении собственного мнения, а вот «классовый враг» Верещицкий, как о нем отзывались партийные историки²⁶, не скупился на жесткие оценки, критикуя коммунистическую систему и поддерживавших ее ученых.

3. В библиографии Кеневича можно обнаружить художественные и публицистические произведения. К первым относится повесть «Бездомные», в которой юный шляхтич в творческой манере представил переживания из-за переезда семьи из имения в польскую столицу в результате Русской революции 1917 года и Первой мировой войны²⁷. Повесть единственный раз была издана в репринтном виде Яном Кеневичем в 2007 году. В ней одиннадцатилетний Стефан Кеневич изложил историю французской гувернантки и помещицкой семьи Чарноских²⁸. В произведении больше художественного вымысла, чем исторической достоверности, однако его ценность заключается в том, что оно позволяет реконструировать видение молодым человеком революционных и военных лет, переживания о судьбе обычной дворянской семьи польских кресов. В этом случае важна не правдоподобность изложения революционных событий и даже не художественное мастерство, а отражение душевного состояния юноши, который прибегает к вымышленному рассказу, чтобы пережить потрясение от одного из самых глубоких кризисов начала XX века.

Среди публицистических работ можно выделить статью Кеневича «Счет совести»²⁹, опубликованную как ответ на критику польских историков со стороны депутата Юзефы Хенненлёвой (1925 г.р.). Польша, уверенно шедшая в это время к трансформации, переживала раскол в обществе (в какой-то степени он не завершился до настоящего времени). Некоторые политические и

---

²⁶ См.: *Stefan Kieniewicz — Henryk Wereszycki. Korespondencja z lat 1947—1990*. S. 131.

²⁷ *Kieniewicz S. Bezdumni. Powieść z czasów rewolucji rosyjskiej 1917 r.* Mysłówice, 2007. T. 1. 96 s.

²⁸ Датировка установлена Я. Кеневичем в предисловии к книге. См.: *Kieniewicz J. Kilka słów wyjaśnienia // Kieniewicz S. Bezdumni...S. VI.*

²⁹ *Kieniewicz S. Rachunek sumienia // Tygodnik Powszechny*. 1989. Nr. 52-53. S. 5.

общественные деятели стали в популистской манере критиковать все, что было в Народной Польше и всех, кто открыто не сопротивлялся коммунистической партии. В этом же ключе Хенненлёва отозвалась о польских ученых-марксистах, то есть тех (в ее понимании), кто осуществлял научную деятельность, издавался и работал в ПНР. В свою очередь Кеневич в ответе призывал читателей не спешить с оценками, а коллег — быть честными и признать ошибки прошлого. Эта статья представляет ценность с точки зрения анализа Кеневичем сложных поворотов в собственной судьбе.

Также к группе источников личного происхождения относятся дневниковые записи Антония Кеневича (1877—1960), отца польского ученого³⁰; документы партийного деятеля Якуба Бермана (1901—1984)³¹; историка Жанны Кормановой (1900—1988)³² и интервью автора диссертации с польской исследовательницей В. Сливовской³³ и опубликованные в Польше интервью некоторых историков-современников Кеневича³⁴.

Свои воспоминания Антоний Кеневич начал записывать после Второй мировой войны «для внучат»³⁵. В записках он больше уделял внимание дворянскому быту и будничной жизни в Варшаве в межвоенной Польше, чем событиям, на фоне которых разворачивалась жизнь его семьи.

В Архиве новых дел в Варшаве (Archiwum Akt Nowych) собраны, помимо прочего, документы разных коммунистических деятелей, принимавших участие, помимо прочего, в реформировании польской исторической науки. Одним из них был Я. Берман — член Политбюро ПОРП (1948—1956), вице-премьер Правительства ПНР (1956—1958). Как руководитель Отдела политической безопасности Берман ответственен за репрессии во второй

³⁰ *Kieniewicz A. Nad Prypecią, dawno temu... Wspomnienia zamierzchłej przeszłości. Wrocław, 1989. 556 s.*

³¹ *AAN, Akta Jakuba Bermana, sygn 325.*

³² *AAN, Akta Żanny Kormanowej, sygn 1573/242.*

³³ *Сливовская В. Интервью (2015) / беседовал А.А. Солдатов. Варшава, 23.11.2015 (личный архив автора).*

³⁴ *Geremek B., Vidal J.C. Rozmowy. Warszawa, 2015. S. 43-46; Jarocki R. Opowieść o Aleksandrze Gieysztorze. Warszawa, 2001. 359 s.*

³⁵ *Kieniewicz A. Op. cit. S. 5.*

половине 1940-х — середине 1950-х годов. В партии в его ведении находились также вопросы культуры, просвещения и пропаганды.

Другой фонд принадлежит Ж. Кормановой и содержит большой объем разного рода документов. Как историк она занималась исследованием рабочего движения, но также была активным коммунистическим деятелем. С 1944 года руководила Отделом программ и реформ образования Польского комитета национального образования, позже стала директором Департамента реформы образования и воспитания Министерства просвещения. Ж. Корманова была одним из главных проводников политики ПОРП в сталинизации исторической науки. Глубокая идейность историка и убежденность в истинности коммунистических идей объясняют обильное использование пропагандистской лексики в ее текстах. Биография Ж. Кормановой, чье участие в жизни страны было заметным, давно привлекает внимание исследователей науки своей неоднозначностью³⁶. В настоящей диссертации были использованы ее личные записи, сделанные на разных конференциях и съездах историков. Интерес вызывают в первую очередь ее пометки и замечания в конспектах докладов коллег. Предметный поиск ее оценок, данных Кеневичу, позволил найти новую информацию, которая ранее не использовалась историками.

Интервью с В. Сливовской (1931 г.р.) было взято автором диссертации в Варшаве в 2015 году. Польская исследовательница была одной из первых учениц Кеневича (в 1953 году она с мужем Рене Сливовским вернулась в Варшаву из Ленинграда, где окончила педагогический университет имени А.И. Герцена), а позже коллегой, постоянным членом редакции издания источников по Январскому восстанию. Рассказ В. Сливовской во многом перекликается с ранее опубликованными воспоминаниями о Кеневиче. Важность представляют некоторые уточнения, касающиеся личности историка

---

³⁶ См., напр.: *Kaniewicz J. Żanna Kormanowa (1900–1988) // Kwartalnik Historyczny Ruchu Zawodowego. 1988. № 4. S. 161-163; Rutkowski T.P. Kormanowa Żanna // Encyklopedia Białych Plam. Radom, 2003. T. 10. S. 124-126; Stobiecki R. Żanna Kormanowa (1900–1988). Szkic do portretu «wojującej» marksistki // Historycy polscy wobec wyzawań XX wieku. Poznań, 2014. S. 205-233.*

и сотрудничества с советскими учеными. В. Сливовская не только рассказала о своем учителе, но и передала в дар автору диссертации отдельные оттиски ряда собственных публикаций и статей С. Кеневича (с дедикациями).

Также в исследовании были использованы интервью других польских историков А. Гейштора и Б. Геремека, опубликованные отдельными изданиями³⁷. В них не только представлены биографии историков и их субъективные мнения о прошлом, политических процессах и польской науке, но и общий взгляд на роль польских интеллектуалов в истории страны.

Третья группа объединяет исторические работы и рецензии Кеневича. Поскольку в диссертации неоднократно поднимаются историографические вопросы, то все научные труды историка можно отнести к источникам. Такое рассмотрение библиографии является традиционным для историографических исследований³⁸, такая классификация уместна и для работ по интеллектуальной истории. В статьях и монографиях Кеневича отражаются как эволюция его теоретических взглядов, изменение научных интересов, так и превратности развития исторической науки в Польше в результате противоречивых социально-политических процессов, разворачивавшихся в XX веке. Посредством научных работ ученый знакомит публику с прошлым, напрямую объясняя его. Но в то же время тематика исследований, их теоретическая и методологическая основа, язык (метафоры, аналогии и прочее) позволяют читателям интерпретировать настоящее, найти корни тех событий, современниками которых они стали. В диссертационном исследовании из всей обширной библиографии Кеневича используются те монографии, статьи и рецензии, которые позволяют проследить как менялись его интерпретация прошлого и используемая методология, как развивалась польская наука в ее связи с наукой советской³⁹.

---

³⁷ *Geremek B., Vidal J.C. Op. cit.; Jarocki R. Op. cit.*

³⁸ См., напр.: *Туманин В.Е. «Historia — moje życie»: Научное наследие Ежи Топольского...*

³⁹ *Kieniewicz S. Brandt Henryk // PSB. T. 2. Kraków. S. 388; Kieniewicz S. Ignacy Działyński 1754—1797. Kórnik, 1930. 177 s.; Kieniewicz S. Społeczeństwo polskie w powstaniu poznańskim 1848 r. Warszawa, 1935. 455 s.; Kieniewicz S. Adam Sapieha i Galicyjskie Towarzystwo*

В исследованиях по интеллектуальной истории значительное внимание уделяется историографическим аспектам, что позволяет в разных плоскостях рассмотреть изучаемый объект. Однако в рамках такого подхода затруднительно провести традиционный анализ используемой в диссертации литературы, поскольку большая ее часть является одновременно и источником, и исследованием по изучаемой теме. Так, работы польских (Х. Верещицкого и других) и советских (В.А. Дьякова, И.С. Миллера и других) историков, с одной

Gospodarskie w przededniu powstania styczniowego (1860—1862) // Ziemia Czerwińska. 1936. R. 2, z. 1. S. 70-111; *Kieniewicz S.* Pułkownik Ludwik Sczaniecki o powstaniu poznańskim 1848 roku // Rocznik Historyczny. 1936. R. 12. S. 117-130; *Kieniewicz S.* Udział Galicji w powstaniu // Przegląd Historyczny. 1937—1938. T. 34, № 2. S. 611-614; *Kieniewicz S.* Adam Sapieha (1828—1903). Lwów, 1939. 474 s.; *Kieniewicz S.* Dookoła Lelewela // Tygodnik Powszechny. 1946. № 37. S. 6; *Kieniewicz S.* Sprawa włościańska a sprawa niepodległości w dobie porozbiorowej // Nauka i Sztuka. 1946. R. 2, t. 4. S. 267-283; *Kieniewicz S.* Opinia, parlament, praca // Tygodnik Powszechny. 1947. № 14/15. S. 13-14; *Kieniewicz S.* Historia narodu czy historia państwa? W związku z art. Henryka Wereszyckiego «O problematykę najnowszej historii Polski» (Dzieje Najnowsze. 1947. T. 1. Z. 1) // Dzieje Najnowsze. 1947. T. 1, z. 3-4. S. 373-383; *Kieniewicz S.* Sprawa włościańska w Galicji w 1848 // Przegląd Historyczny. 1948. T. 38. S. 61-128; *Kieniewicz S.* Wstęp // *Handelsman M.* Adam Czartoryski. T. 1. Warszawa, 1948; *Kieniewicz S.* Walka klasowa chłopów polskich w XIX i XX w. W oświetleniu historiografii polskiej // Kwartalnik historyczny. 1950/1951. R. 58, № 1. S. 39—57; *Kieniewicz S.* Rec.: Miller Ilja S.: Nakanunie itmieny barszczyny w Galicji. Iz istorii idieno-politiczeskoj bor'by w polskom obszczestwie w 30-40 godach XIX stoletija // Uczonyje Zapiski Instytutu Sławianowiedienija. 1949. T. 1. S. 119-240 // Przegląd Historyczny. 1951. T. 42. S. 455-463; *Kieniewicz S.* Historiografia polska wobec powstania styczniowego // Przegląd Historyczny. 1953. T. 44, № 1-2. S. 1-34; *Kieniewicz S.* Sprawa włościańska w powstaniu styczniowym. Wrocław, 1953; *Kieniewicz S.* Jeszcze na temat zadań historii historiografii // Kwartalnik Historyczny. 1954. R. 61, № 3. S. 197-200; *Kieniewicz S.* Echa „Trybuny Ludów” we Włoszech // Kwartalnik Historyczny. 1956. R. 63, № 4-5. S. 153-158; *Kieniewicz S.* Chłopi a walki powstańcze o niepodległość. Rola klas posiadających i ich ocena // Kwartalnik Historyczny. 1957. R. 64, № 4-5. S. 195-200; *Kieniewicz S.* Między ugodą a rewolucją. Andrzej Zamojski w latach 1861—1862. Warszawa, 1962. 318 s.; *Kieniewicz S.* Pokłosie rocznicy powstania styczniowego. (Przegląd wydawnictw 1962 i 1963) // Przegląd historyczny. 1964. T. 55, № 1. S. 46-61; *Kieniewicz S.* Zeszyt 47 Polskiego słownika biograficznego // Kwartalnik Historyczny. 1965. R. 72, № 2. S. 425-428; *Kieniewicz S.* Materiały pamiątkarskie w moim warsztacie badawczym // Pamiątkarstwo Polskie. 1971. T. 4, № 2. S. 29-33; *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. Warszawa, 1972. 800 s.; *Kieniewicz S.* Wpływy zaboru rosyjskiego na świadomość społeczeństwa polskiego // Dzieje Najnowsze. 1977. T. 9, z. 4. S.105-115; *Kieniewicz S.* Historia narodu czy historia państwa? W związku z art. Henryka Wereszyckiego «O problematykę najnowszej historii Polski» (Dzieje Najnowsze. 1947. T. 1. Z. 1) // *Historyk a świadomość narodowa.* Warszawa, 1982. S. 373-383; *Kieniewicz S.* Dereszewicze 1863. Wrocław, 1986. 191 s.; *Kieniewicz S.* Powojenny dorobek historiografii okresu powstań narodowych // Kwartalnik Historyczny. 1987. R. 94, № 1. S. 145-158; *Kieniewicz S.* Przedmowa // *Kieniewicz Antoni.* Nad Prypecią, dawno temu... Wspomnienia zamierzchłej przeszłości. Wrocław, 1989. S. 5-19; *Kieniewicz S.* Z doświadczeń edytora źródeł historycznych // Archeion. 1990. T. 87. S. 123-131; *Кеневич С.* Лелевель. М., 1970. 191 с.

стороны, отражают развитие и приумножение исторического знания в XX столетии, но с другой — позволяют определить место работ Кеневича в исторической науке в целом, что их объединяет или отличает от похожих исследований. Таким образом, целесообразно рассмотреть **историографию** в двух категориях: 1) общая литература по истории Польши XIX—XX веков и 2) литература о польской исторической науке (в том числе работы непосредственно о Кеневиче).

К литературе по истории Польши XIX—XX веков относятся исторические исследования по темам, которыми занимался С. Кеневич, и общие работы по истории Польши.

История польских восстаний была в фокусе внимания советских ученых-славистов и представлена отдельными исследованиями по этой теме⁴⁰ или общими работами по истории России и Польши⁴¹. Центром изучения польской истории XIX века был Институт славяноведения АН СССР, а к наиболее значимым исследованиям относятся публикации В.А. Дьякова и И.С. Миллера,

---

⁴⁰ *Зайцев В.М.* Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. (опыт статистического анализа). М., 1973. 232 с.; *Костюшко И.И.* Крестьянская реформа 1864 года в Царстве Польском. М., 1962. 494 с.; *Костюшко И.И.* К столетию восстания 1863 г. в Царстве Польском, Литве, Белоруссии и на Правобережной Украине // Вопросы истории. 1963. № 1. С. 86-99; *Миско М.В.* Польское восстание 1863. М., 1962. 336 с.; *Попков Б.С.* Польские современники о политической деятельности Иоахима Лелевеля в эмиграции // История и культура славянских народов. Польское освободительное движение XIX—XX вв. и проблемы истории культуры. М., 1966. С. 150-164; *Смирнов А.Ф.* Восстание 1863 г. в Литве и Белоруссии. М., 1963. 392 с.

⁴¹ *Бурджалов Э.Н.* Отмена крепостного права в России. Революционно-демократическое движение в конце 50-х и начале 60-х годов. Стенограмма лекций, прочитанных 17, 21 и 22 марта 1940 г. М., 1940. 99 с.; *Дьяков В.А.* Освободительное движение в России 1825—1861 гг. М., 1979. 288 с.; *История Польши: в 3 т.* / под ред. В.Д. Королюка, И.С. Миллера, П.Н. Третьякова. М., 1954. Т. 1; М., 1955. Т. 2; М., 1958. Т. 3; *История южных и западных славян.* Курс лекций. М., 1979. 590 с.; *Новая история стран Европы и Америки. Первый период.* М., 1986. 662 с.; *Djakow W.A., Gałkowski A., Śliwowska W., Zajcew W.M.* Uczestnicy ruchów wolnościowych w latach 1832—1855 (Królestwo Polskie). Przewodnik biograficzny. Wrocław, 1990. 560 s.; *Rewolucyjna konspiracja w Królestwie Polskim w latach 1840—1845.* Edward Dembowski. Wrocław, 1981. 815 s.; *Spółeczeństwo polskie i próby wznowienia walki zbrojnej w 1833 roku.* Wrocław, 1984. 808 s.; *Stowarzyszenie Ludu Polskiego w Królestwie Polskim.* Gustaw Ehrenberg i «świętokrzyżcy». Wrocław, 1978. 477 s.

которые также были редакторами сборников научных работ о разных аспектах польских восстаний⁴².

В целом в советской историографии польские восстания рассматривались как диалектически понимаемая революционная борьба крестьянства и (зарождающегося/развивающегося) пролетариата за освобождение от царской власти, шляхты и буржуазии. Следует подчеркнуть, что этот подход был типичным для представлений о прошлом, бытовавших в советской науке, которая, безусловно, не была однородной и переживала разные периоды развития⁴³.

---

⁴² *Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов. Сборник статей и материалов / под ред. В.Д. Королюка, И.С. Миллера. М., 1960. 731 с.; Дьяков В.А. Революционная деятельность и мировоззрение Петра Сцегенного (1801–1890). М., 1972. 330 с.; Зайцев В.М. Сословный состав участников восстания 1863—1864 гг. на территории Царства Польского (по материалам Аудиториатского департамента Военного министерства) // Исследования по истории польского общественного движения XIX в. — начала XX в. М., 1971. С. 7-39; Лейкина-Свирская В.Р. Показания о Январском восстании. Рецензия // Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов. Сборник статей и материалов / под ред. В.Д. Королюка, И.С. Миллера. М., 1960. С. 675-682; Миллер И.С. Накануне отмены барщины в Галиции (Из истории идейно-политической борьбы в польском обществе в 30-40-х годах XIX столетия) // Ученые записки Института славяноведения. 1949. Т. 1. С. 119-240; Миллер И.С. Некоторые общие проблемы истории русско-польских революционных связей // Связи революционеров России и Польши XIX — начала XX в. М., 1968. С. 7-19; Морозова О.П. Бронислав Шварце как историк восстания 1863-1864 гг. // Исследования по истории польского общественного движения XIX — начала XX в. / под ред. В.А. Дьякова, И.С. Миллера, А.М. Орехова. М., 1971. С. 46-86; Нефёдов И.М. О революционной агитации в частях австрийской армии накануне краковского восстания 1846 г. и участия в нем солдат украинцев // Связи революционеров России и Польши XIX — начала XX в. М., 1968. С. 194-214; Смирнов А.Ф. «Мужицкая правда» // Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов. Сборник статей и материалов / под ред. В.Д. Королюка, И.С. Миллера. М., 1960. С. 11-62; Тальвирская З.Я. К истории аграрной программы «Мужицкой правды» // Исследования по истории польского общественного движения XIX в. — начала XX в. М., 1971. С. 40-86; *Sztakelberg J. Pieczęcie powstańcze 1863—1864. Warszawa, 1988. 388 s.**

⁴³ См.: *Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930—1950-е годы). Брянск, 2005. 800 с.; Сидорова Л.А. Оттепель в исторической науке. Советская историография первого послесталинского десятилетия. М., 1997. 288 с.; Сидорова Л.А. Советская историческая наука середины XX века: синтез трех поколений историков: автофер. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009. 37 с.*

В современной российской историографии сохраняется интерес к польским бунтам в целом и различным аспектам Январского восстания⁴⁴.

Этой теме посвящен небольшой раздел (5 страниц) в коллективном исследовании «Западные окраины Российской империи» (2007)⁴⁵, в котором большое внимание уделяется польскому движению в целом. Скромный объем параграфа обусловлен задачами авторов, которые сосредоточились на изучении отношений между имперским центром и его западными землями, а не на пересказе событий XIX века⁴⁶. В главах 5-7 авторы (М.Д. Долбилов, А.И. Миллер, Е.А. Правилова) сделали акцент на рассмотрении внутреннего развития Царства Польского и имперской политики в регионе, приведших к восстанию 1863 года и его последствиям. Не имея возможности рассказать обо всех аспектах Январского восстания в книге, авторы указали в примечаниях основную литературу на английском, польском и русском языках⁴⁷. Первой в позиции стоит монография Кеневича, обозначенная как «классическая работа»⁴⁸, а большая часть источников, использованных в книге, была опубликована в ряде томов «Январское восстание. Материалы и документы».

Политической истории восстания посвящена научно-популярная работа В.Е. Воронина⁴⁹. Большую часть источниковой базы составили документы, опубликованные в ряде томов советско-польского издания материалов Январского восстания. Автор эмоционально отзывается о советско-польском издании источников по истории восстания, которое он использовал для своего исследования, указывая, что «к сожалению, на этот раз польская тема была

---

⁴⁴ Отечественную историографию польского восстания 1863 г. см.: *Кашианова О.С.* Восстание 1863 г. в российской историографии и публицистике // *Польское Январское восстание 1863 г. и исторические судьбы России и Польши (к 150-летию восстания)*. С. 51-80.

⁴⁵ *Западные окраины Российской империи...*

⁴⁶ Там же. С. 13-14.

⁴⁷ *Кеневич С.* Лелевель. М., 1970.

⁴⁸ Там же. С. 203.

⁴⁹ *Воронин В.Е.* Польское восстание 1863 года: опыт «примирительной политики» русского правительства. М., 2008. 432 с.

полностью отдана на откуп „братской”, „социалистической” Польше»⁵⁰. Свою негативную оценку автор не обосновывает.

В 2013 году в Москве прошла российско-польская конференция «Польское Январское восстание 1863 года и исторические судьбы России и Польши (к 150-летию восстания)», итоги которой были опубликованы в одноименном сборнике⁵¹. Участники рассмотрели разные аспекты восстания (российскую и польскую историографию, вклад отдельных участников, общественно-политическую мысль и пр.) и его роль в формировании исторической памяти в России и Польше.

Для понимания общих политических процессов, протекавших в Польше в прошлом столетии, важным является коллективное исследование «Польша в XX веке»⁵². Книга написана с использованием большого числа источников из российских и польских архивов, с обращением к широкой историографии означенной темы. Авторы сосредоточились на политической истории государства, но в то же время они вплели в общий контекст изменения, происходившие в науке и в жизни польской интеллигенции в это время. Таким образом, работа позволяет проследить разные аспекты жизни польского общества и носит междисциплинарный характер.

Исследования польских ученых по истории собственной страны представлены в диссертации в контексте анализа роли Кеневича в развитии польской науки и для иллюстрации событий, участником которых он был⁵³.

⁵⁰ Воронин В.Е. Указ. соч. С. 9.

⁵¹ *Польское Январское восстание 1863 г. и исторические судьбы России и Польши (к 150-летию восстания)*. М., 2014.

⁵² *Польша в XX веке: очерки политической истории* / отв. ред. А.Ф. Носкова. М., 2012. 949 с.

⁵³ *Новак А.* Борьба за окраины, борьба за выживание: Российская империя XIX в. и поляки, поляки и империя (обзор современной польской историографии) // *Западные окраины Российской империи*. М., 2007. С. 429-466; *Assorodobraj N.* W sprawie kryterium postępowości w historii historiografii // *Kwartalnik historyczny*. 1953. R. 60, №4. S. 150-186; *Bardach J.* Optymistyczna czy pesymistyczna ocena przeszłości. Kształtowanie się narodu i świadomości narodowej. Problem rewolucji agrarnej // *Kwartalnik historyczny*. 1957. R. 64, № 4-5. S. 44-46; *Dutkiewicz J.* Marceli Handelsman jako badacz epoki napoleonowskiej // *Przegląd historyczny*. 1966. T. 57, № 4. S. 512-527; *Feldman J.* Sprawa polska w roku 1848. Kraków, Warszawa. 1933. 352 s.; *Halicz E.* Optymizm czy pesymizm? Chłoptwo w walkach narodowowyzwoleńczych //

Литература о польской историографии представлена общими работами по истории науки и отдельными исследованиями биографии и творчества Кеневича.

В Советском Союзе изучение польской исторической науки и общественной мысли не было популярным среди ученых. Было издано несколько работ, в которых И.М. Белявская (1968), Н.И. Бухарин (1977) и Л.А. Зашкильняк (1986) рассматривали развитие историографии ПНР в целом⁵⁴. В этих работах, отмеченных печатью времени, акцент сделан на политике ПОРП в сфере науки и образования. Развитие науки (в том числе и исторической) авторы оценивали с точки зрения ее прогресса, который заключался в укоренении марксистско-ленинской теории.

Kwartalnik Historyczny. 1957. R. 64, № 4-5. S. 70-71; *Historia Polski (1764—1854)*. Makieja. T. 2. Cz. 2 / pod red. S. Kieniewicz, W. Kuli. Warszawa, 1955. 861 s.; *Historia Polski (1764—1854)*. T. 2. Cz. 3. / pod red. S. Kieniewicz, W. Kuli. Warszawa, 1959. 546 s.; *Kieniewicz T. Men, Women, and the Novelist. Fact and Fiction in the American Novel of the 1870s and 1880s*. Washington, 1982. 171 p.; *Koberdowa I. Wielki Książę Konstanty w Warszawie 1862—1863*. Warszawa, 1962. 305 s.; *Kunert A. K. Słownik biograficzny konspiracji warszawskiej. 1939—1944*. Warszawa. 1987. T. 2. 244 s.; *Leskiewiczowa J. Ogólna ocena ujęcia problematyki agrarnej // Kwartalnik Historyczny. 1957. R. 64, № 4-5. S. 95-98; Mazur G. Biuro Informacji i Propagandy SZP-ZWZ-AK 1939—1945*. Warszawa, 1987. 481 s.; *Polski słownik biograficzny*. T. 34. 1992; *Powstanie styczniowe. Materiały i dokumenty. Восстание 1863 года. Материалы и документы*. Wrocław; M., 1961—1986. T. 1-25; *Przyborowski W. Przyczyny upadku Polski*. Warszawa, 1910. 266 s.; *Serejski M. Joachim Lelewel. Z dziejów postępowej myśli historycznej w Polsce*. Warszawa, 1953. 137 s.; *Skalkowski A.M. Jan Henryk Dąbrowski. Cz. 1. Na schyłku dni Rzeczypospolitej (1755—1795)*. Warszawa, 1904. 392 s.; *Skalkowski A.M. Książę Józef*. Bytom, 1913. 479 s.; *Tymieniecki K. Procesy twórcze formowania się społeczeństwa polskiego w wiekach średnich*. Warszawa, 1921. 359 s.; *Wereszycki H. Historia polityczna Polski 1864—1918*. Kraków, 1947. 374 s.; *Wereszycki H. Pesymizm błędnych tez // Kwartalnik historyczny. 1957. R. 64, №4-5. S. 13-30; Wereszycki H. Rec.: Irena Koberdowa. Wielki Książę Konstanty w Warszawie 1862—1863, Warszawa 1962, s. 308 // Przegląd Historyczny. 1963. T. 54, № 1. S. 350-353; Wereszycki H. Dzieło o powstaniu styczniowym // Tygodnik Powszechny. 1972. R. 26. № 32. S. 1-2; *Wiosna ludów na ziemiach polskich / pod red. N. Gąsiorowskiej*. Warszawa, 1948—1955. T. 1-4; *Żychowski M. Związek między walką antyfeudalną chłopstwa a walką o niepodległość. Ocena Ludwika Mierosławskiego // Kwartalnik Historyczny. 1957. R. 64, № 4-5. S. 165-166.**

⁵⁴ *Белявская И.М. Развитие исторической науки в Польше (1945—1964) // Историография Новой и Новейшей истории стран Европы и Америки*. М., 1968. С. 325-333; *Бухарин Н.И. Интеллигенция Польской Народной Республики*. М., 1977. 182 с.; *Зашкильняк Л.А. Формирование и развитие исторической науки в Польше*. Львов, 1986. С. 63-80.

Л.А. Зашкильняк также упомянул Кеневича среди «молодых историков... учеников Хандельсмана», проявлявших интерес к марксизму⁵⁵. При этом автор не уделил внимания нюансам утверждения марксистской методологии в науке.

В постсоветской России изучение польской исторической науки привлекает немногих исследователей и затрагивается в основном в общих работах и отдельных статьях по историографии и польско-советским отношениям⁵⁶. Так, Л.Е. Горизонтов, ученик В.А. Дьякова, на страницах журнала «Славяноведение» представил подробный анализ процесса сталинизации польской науки, переосмыслив бытовавшее прежде мнение о тотальности и безусловной успешности этого процесса⁵⁷.

На основе обширных архивных документов Б.В. Носов подробно изложил некоторые аспекты сотрудничества советских и польских историков в 1940—1950-х годах⁵⁸, а Л.П. Марней представила историю становления Комиссии историков, объединившей многих исследователей из обеих стран⁵⁹.

Стабильный интерес к изучению польской исторической науки наблюдается в Казани, где под руководством доктора исторических наук и профессора И.И. Шарифжанова ведется изучение исторической полонистики.

⁵⁵ Зашкильняк Л.А. Указ. соч. С. 65.

⁵⁶ Горизонтов Л.Е. Историческая наука послевоенного десятилетия // Марксизм и историческая наука в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (1870—1965). М., 1991. С. 127-155; Горизонтов Л.Е. Путь историка // Дьяков Владимир Анатольевич (1919—1995). М., 1996. С. 10-37; Россия в польской историографии, Польша в российской историографии (к 50-летию Комиссии историков России и Польши) / отв. ред. Н.А. Макаров. М., 2017. 487 с.; Солдатов А.А. Англия и объединение Германии в оценках польских историков // *No polis causa: сборник научных статей, посвященный 70-летию профессора Виктора Владимировича Сергеева*. СПб., 2016. С. 277-285.

⁵⁷ Горизонтов Л.Е. «Методологический переворот» в польской историографии рубежа 40—50-х гг. и советская историческая школа // *Славяноведение*. 1993. № 6. С. 50-66; См. также польское издание: Горизонтов Л.Е. «Методологический переворот» в польской историографии рубежа 40—50-х гг. и советская историческая школа // *W kręgu historii historiografii i polityki*. Łódź, 1997. S. 103-126.

⁵⁸ Носов Б.В. Сотрудничество российских и польских историков в 1940—1950-е годы (в свете документов Архива Российской академии наук) // *Akademie nauk, uniwersytety, organizacje nauki. Polsko-rosyjskie relacje w sferze nauki XVIII—XX w.* Warszawa, 2013. S. 175-202.

⁵⁹ Марней Л.П. Комиссия историков СССР и ПНР 1965—1968 годов: к истории основания // Россия в польской историографии, Польша в российской историографии (к 50-летию Комиссии историков России и Польши). М., 2017. С. 43-60.

Необходимо выделить два исследования, посвященных польским историкам: монографию В.Е. Туманина «"Historia — moje życie": научное наследие Ежи Топольского»⁶⁰ (2008) и диссертацию В.О. Сеницына «Польская интеллигенция после Второй мировой войны. Виктория и Рене Сливовские» (2012)⁶¹.

Работа В.Е. Туманина носит историографический характер. Автору удалось представить анализ теоретических взглядов Е. Топольского в достаточно широком контексте развития марксистской методологии и развития исторической науки в Польше. К сожалению, для проведения исследования автор не обратился к архивным источникам, которые могли бы углубить анализ биографии Топольского.

В.О. Сеницын больше сосредоточился на раскрытии судеб польской интеллигенции через биографии историка русской литературы Рене Сливовского и его жены Виктории — исследовательницы истории России XIX века и польских ссыльных. Исследование проведено с привлечением новых материалов из архивов России и Польши. Однако автор почему-то не обратился, к основному источнику, учитывая тему исследования, — самой Виктории Сливовской. В тексте диссертации встречаются повторы⁶².

Несомненно, существенное внимание развитию исторической науки и общественной мысли ПНР уделяется в самой Польше. Анализ этой темы и дискуссии вокруг нее велись уже в Народной Польше⁶³. Данные статьи и

⁶⁰ Туманин В.Е. «Historia — moje życie»: Научное наследие Ежи Топольского...

⁶¹ Сеницын В.О. Указ. соч.

⁶² Там же. С. 72, 146.

⁶³ Berghauzen J., Groniowski K., Rymaszyna M., Zahorski A. Konferencja w Sulejówku (14—17.IV.1957 r.) // Kwartalnik historyczny. 1957. R. 64, №4-5. S. 4-12; Bobińska C. Spór o ujęcie pozytywizmu i historyków pozytywistów // Kwartalnik Historyczny. 1954. R. 61, № 1. S. 178-204; Bobińska C. Walka z wulgaryzacją a marksistowska metoda krytyczna. Programy polityczne w sprawę chłopskiej // Kwartalnik Historyczny. 1957. R. 64, № 4-5. S. 171-177; Dyskusja nad obecnym stanem i możliwościami rozwojowymi naszej nauki historycznej // Kwartalnik historyczny. 1956. R. 63, № 6. S. 72-87; Grabski A.F. Zarys historii historiografii polskiej. Poznań, 2000. 277 s.; Gąsiorowska N. Z problemów dyskusyjnych w historiografii epoki przejściowej od feudalizmu do kapitalizmu w Polsce // Kwartalnik Historyczny. 1957. R. 64, № 4-5. S. 56-63; Kancewicz J. Żanna Kormanowa (1900—1988) // Kwartalnik Historyczny Ruchu Zawodowego. 1988. № 4. S. 161-163; Kula W. W sprawie naszej polityki naukowej // Kwartalnik historyczny. 1956. R. 63, № 3. S. 151-166; Leśnodorski B. Nauka historii w pierwszym dziesięcioleciu Polski Ludowej // Kwartalnik historyczny. 1955. R. 62, № 1. S. 18-58; Łazuga W. Wokół początków

recenzji отражают изменения, произошедшие в польской науке в разные годы, а полемика велась, преимущественно, вокруг способов трактовки прошлого и степени влияния государства и партии на развитие исторического знания.

Большой свободой в оценках, в сравнении с предшественниками, обладают современные польские историки. Здесь стоит указать работы М. Вольневича, М. Гурного, З. Ромека, Т.П. Рутковского, Р. Стобецкого, П. Хюбнера, Я. Шумского⁶⁴. Работы этих авторов выполнены на высоком научном уровне, с привлечением материалов польских и российских архивов. Акцент в исследованиях сделан в основном на сталинистский период, что обусловлено общим научным интересом к переустройству страны в послевоенные годы. Менее всего исследован период 1970—1980-х годов. Причиной тому, по утверждению авторов, является ограниченный доступ к архивным материалам в России⁶⁵.

---

poznńskiego środowiska historycznego // Środowiska historyczne II Rzeczypospolitej. Część II. Warszawa, 1987. S. 176-185; *Malewski A., Topolski E.* Materializm historyczny w pracach historyków polskich // *Studia Filozoficzne*. 1959. № 6. S. 3-17; *Maternicki J.* Historiografia polska XX wieku. Cz. 1. Lata 1900—1918. Wrocław, 1982. 248 s.; *Topolski E.* Polish Historians and Marxism after World War II // *Studies in Thought*. 1992. Vol. 43, № 2 (Polish Philosophy at the Crossroad). P. 169-183; *Serejski M.* Studia nad historiografią Polski. Cz. I. K.B. Hoffman. Łódź, 1953; *Szwarc A.* „Pieczęcie powstańcze 1863—1864”, Jurij I. Sztakelberg, przekład autoryzowany Wiktorii Śliwowskiej, przedmową poprzedził Stefan Kieniewicz. Tablice pieczęci i ilustracje do druku przygotował Stefan K. Kuczyński, Warszawa 1988 [recenzja] // *Przegląd historyczny*. 1989. T. 80, № 3. S. 629-630.

⁶⁴ *Вольневич М.* Советская дискуссия о макете второго тома *Истории Польши* // *Rozprawy z Dziejów Oświaty* / pod red. J. Schiller-Walickiej. Warszawa, 2017. T. LIV. S. 147-181; *Górny M.* Przede wszystkim ma być naród. Marksistowskie historiografie w Europie Środkowo-Wschodniej. Warszawa, 2007. 468 s.; *Hübner P.* Nauka polska po II wojnie światowej — idee i instytucje. Warszawa, 1987. 266 s.; *Hübner P.* Polityka naukowa w Polsce w latach 1944—1953. Geneza systemu. Wrocław, 1992. T. 2. S. 477-849; *Romek Z.* Cenzura a nauka historyczna w Polsce 1944—1970. Warszawa, 2010. 358 s.; *Rutkowski T.P.* Kormanowa Żanna // *Encyklopedia Białych Płan*. Radom, 2003. T. 10. S. 124-126; *Rutkowski T.P.* Nauki historyczne w Polsce 1944—1970. Zagadnienia polityczne i organizacyjne. Warszawa, 2007. 632 s.; *Rutkowski T.P.* IX Powszechny Zjazd Historików Polskich, Warszawa 1963 r. // *Powszechne Zjazdy Historików Polskich w Polsce Ludowej. Dokumenty i materiały*. Toruń, 2014. S. 148-151; *Stobiecki R.* Historiografia PRL. Ani dobra, ani mądra, ani piękna... ale skomplikowana. *Studia i szkice*. Warszawa, 2007. 364 s.; *Stobiecki R.* Witold Kula (1916—1988). Historycz zaplątany w historii // *Historycy polscy wobec wyzawań XX wieku*. Poznań, 2014. S. 273-306; *Stobiecki R.* Żanna Kormanowa (1900—1988). Szkic do portretu «wojującej» marksistki // *Historycy polscy wobec wyzawań XX wieku*. Poznań, 2014. S. 205-233; *Szumski J.* Polityka a historia. ZSRR wobec nauki historycznej w Polsce w latach 1945—1964. Warszawa, 2016. 429 s.

⁶⁵ *Szumski J.* Op. cit. S. 25.

Помимо упоминания общеизвестных достижений Кеневича, в этих работах подчеркивается его вынужденное, в результате сталинизации науки, обращение к марксизму. Дальнейшему развитию его взглядов внимание обычно не уделяется.

Нужно отметить, что монография Я. Шумского «Политика и история. Влияние СССР на историческую науку в Польше в 1945—1964 годах» (2016)⁶⁶ является одной из последних работ, посвященных влиянию советской власти на польскую историческую науку. Автор поддерживает образ тоталитарной советской бюрократии, показывая, что ничто не могло ускользнуть от ее надзора. Но в то же время он, вопреки достаточно распространенному в Польше мнению, указывает, что советские историки не всегда были послушными проводниками советской идеологии, а польские исследователи, страдая от значительных ограничений в эти годы, все же могли проводить научные исследования на основе принципа объективизма, сохраняя нормальные человеческие отношения с советскими коллегами.

Закономерно, что в Польше степень изученности национальной историографии выше, чем в России. Однако важным замечанием к качеству отечественных исследований является слабое использование источников, хранящихся в российских и польских архивах.

Переходя к историографии работ о Кеневиче, сразу следует обозначить, что до сих пор выпускались только отдельные статьи, посвященные разным аспектам его жизни и творчества (все они были опубликованы уже после его смерти). Биографию историка в целом рассматривают Е. Борейша, Е. Скворонек и М. Худыньский⁶⁷, опираясь в своих исследованиях преимущественно на воспоминания Кеневича либо на личный опыт общения и сотрудничества с ним. Э. Орман, используя дополнительно корреспонденцию

⁶⁶ *Szumski J.* Op. cit.

⁶⁷ *Chudyński M.* Pamięci profesora Stefana Kieniewicza // *Notatki Płockie*. 1992. № 37-3. S. 37-41. URL: http://mazowsze.hist.pl/40/Notatki_Plockie/826/1992/1315/3_152/31808 (дата обращения: 15.10.2018); *Skowronek J.* Stefan Kieniewicz (1907—1992) // *Nauka Polska*. 1993. № 4. S. 161-167; *Borejsza J.W.* Stefan Kieniewicz. Historyk i jego epoka // *Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo w polskiej historiografii*. Warszawa, 2010. S. 20.

С. Кеневича и Х. Верещицкого, представила биографии двух ученых, сравнив их жизненные пути и судьбы⁶⁸.

Историческим исследованиям ученого уделяется внимание в статьях Р. Желиховского, Е. Зрады, И. Хомоли-Скомпской и Х. Маркевича, В. Цабана и А. Шварца⁶⁹. О других аспектах его творчества (издании источников, редакторской деятельности, рецензировании, научном руководстве) рассказывают Х. Бандо, А. Выробиш, К. Гронёвский, Б. Грохульская, Х. Дылёнгова, В. Сливовская, М. Хаясака, А. Шварц⁷⁰. Большая часть перечисленных статей была опубликована (в некоторых случаях вновь) в

---

⁶⁸ *Orman E.* O paradoksach i historiografii w czasach PRL-u na przykładzie Henryka Wereszyckiego i Stefana Kieniewicza // *Stefan Kieniewicz — Henryk Wereszycki. Korespondencja z lat 1947—1990.* Kraków, 2012. S. 5-82.

⁶⁹ *Homola-Skapska I., Markiewicz H.* Biografistyka w twórczości Stefana Kieniewicza // *Przegląd Historyczny.* 1993. T. 84, № 1. S.13-27; *Caban W.* Stefan Kieniewicz jako historyk i inspirator badań powstania styczniowego // *Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo w polskiej historiografii.* Warszawa, 2010. S. 103-120; *Szwarc A.* Przedmowa do trzeciego wydania // *Kieniewicz S. Powstanie styczniowe.* 2009. S. IX-XVI; *Szwarc A.* Przedmowa // *Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo w polskiej historiografii / pod red. A. Szwarca.* Warszawa, 2010. S. 9; *Szwarc A.* Stefan Kieniewicz jako historyk społeczeństwa polskiego XIX wieku // *Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo w polskiej historiografii.* Warszawa, 2010. S. 121-130; *Zrada J.* O Stefana Kieniewicza koncepcji dziejów porozbiorowych // *Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo w polskiej historiografii.* Warszawa, 2010. S. 29-102; *Żelichowski R.* Dzieje Warszawy w twórczości naukowej Stefana Kieniewicza // *Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo w polskiej historiografii.* Warszawa, 2010. S. 131-152.

⁷⁰ *Шварц А.* Стефан Кеневич и российские исследователи истории Польши XIX в. // *Российско-польские научные связи в XIX-XX вв.* М., 2003. С. 218-226; *Bando H.* Jestem uczniem Stefana Kieniewicza // *Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo w polskiej historiografii.* Warszawa, 2010. S. 209-212; *Dylągowa H.* Seminarium Profesora Stefana Kieniewicza // *Tradycja a współczesność. Księga pamiątkowa Instytutu Historycznego Uniwersytetu Warszawskiego 1930—2005.* Warszawa, 2005. S. 212-213; *Grochulska B.* O sztuce krytyki. Stefan Kieniewicz — recenzent // *Przegląd Historyczny.* 1993. T. 84, № 1. S. 43; *Groniowski K.* Seminarium Stefana Kieniewicza // *Przegląd Historyczny.* 2000. T. 91, № 3. S. 405-433; *Hayasaka M.* Mistrz dydaktyki historycznej — ze wspomnień o Profesorze Stefanie Kieniewiczu // *Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo w polskiej historiografii.* Warszawa, 2010. S. 213-216; *Śliwowska W.* Stefan Kieniewicz — edytor // *Przegląd historyczny.* 1993. T. 84, № 1. S. 29-38; *Śliwowska W.* Stefan Kieniewicz jako wydawca źródeł do dziejów powstania styczniowego // *Annales universitatis Mariae Curie-Skłodowska.* Lublin, 1993. S. 1-5; *Śliwowska W.* Stefan Kieniewicz — edytor // *Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo w polskiej historiografii / pod red. A. Szwarca.* Warszawa, 2010. S. 153-165; *Wyrobisz A.* Wspomnienie o Stefanie Kieniewiczu jako redaktorze naczelnym «Przeglądu Historycznego» w latach 1952—1992 // *Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo w polskiej historiografii.* Warszawa, 2010. S. 203-208. *Сливовская В.* Совместная советско-польская комиссия и издание исторических источников // *Clio Moderna. Зарубежная история и историография.* Казань, 2001. Вып. 8. С. 17-31.

сборнике, посвященном столетию Кеневича в 2007 году⁷¹. При этом авторы являются его учениками, которые стремясь к независимым суждениям, не лишены предвзятости в отношении к своему учителю.

Стоит заметить, что польские историки обычно стараются обходить тему методологии Кеневича. М. Худыньский, ссылаясь на ученого, указывал, что тот в своих исследованиях руководствовался «прежде всего объективной правдой»⁷². Е. Сковронек в статье «Практическая методология профессора Стефана Кеневича» (1993) отмечал, что только через анализ конкретных работ можно определить «его методологическую ориентацию — не заявленную, а реально осуществленную на практике»⁷³. По мнению автора, не стоит относить Кеневича к лагерю историков-марксистов; широкое использование экономического фактора в интерпретации исторических событий и даже действий отдельных личностей было обусловлено собственным «стремлением к изучению и обогащению используемых интерпретационно-исследовательских методов»⁷⁴. Характерно, что истоки этих интересов Е. Сковронек обнаружил в участии историка в студенческом демократическом католическом движении⁷⁵. Автор убежден, что Кеневич «остался верен проблемно-описательной историографии и традиционным, простым, но безошибочным методам»⁷⁶ и не стал низводить «участников событий до безвольных носителей „объективных законов истории“»⁷⁷.

В другой статье Сковронек назвал подход Кеневича к исследованию «прагматичной методологией»⁷⁸. С точки зрения автора, теоретические взгляды

---

⁷¹ *Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo w polskiej historiografii* / pod red. A. Szwarca. Warszawa, 2010. 298 s.

⁷² *Chudyński M.* Op. cit.

⁷³ *Skowronek J.* Profesora Stefana Kieniewicza metodologia praktyczna // *Historyka. Studia metodologiczne*. 1993. T. 23. S. 65.

⁷⁴ *Ibid.* S. 66.

⁷⁵ *Ibid.* S. 66.

⁷⁶ *Ibid.* S. 73.

⁷⁷ *Ibid.* S. 67.

⁷⁸ *Skowronek J.* *Stefan Kieniewicz (1907—1992)...* S. 164.

ученого, формировавшиеся в 1930-е годы и далекие от марксизма, фактически не изменились после войны.

И. Хомоля-Сконпска и Х. Маркевич отмечают, что главную роль в исследовании на протяжении всей научной деятельности историка играла всесторонняя критика источников⁷⁹. По мнению Б. Грохульской, Кеневич проводил исследования «в широко развернутом контексте общественных отношений и... сравнительной истории» и вообще «не умел совершать неверных шагов» в методологии⁸⁰.

Причины поверхностного рассмотрения методологии Кеневича связаны с общим отношением к марксизму в Польше. Трансформация 1990-х годов привела к вытеснению марксизма как идеологии и как методологии. Р. Стобецкий пишет по этому поводу: «В современной отечественной (польской. — А.С.) историографии, в отличие от западной, марксизма фактически нет... Публичное признание в сообществе в материалистическом понимании истории, цитирование классиков считается постыдным»⁸¹. Историк упрощает содержание марксистской теории, но ясно обозначает ее общее отрицательное восприятие в Польше.

Таким образом, попытки оценить творчество Кеневича могли привести к критике его как историка, поддерживавшего коммунистическую идеологию, поэтому авторы только констатировали профессионализм ученого в базовых методах исследования: критике источников и компаративном анализе, не причисляя Кеневича к конкретной методологической школе, но в то же время указывая на высокий уровень его работ вне зависимости от менявшегося теоретического дискурса.

Первыми, кто упомянул о влиянии марксистской методологии на исследования ученого, были Е. Борейша и Е. Здрада⁸², последний добавляет при этом, что Кеневич не был марксистом в «идеологическом смысле»⁸³.

---

⁷⁹ *Homola-Skapska I., Markiewicz H. Op. cit. S. 14.*

⁸⁰ *Grochulska B. Op. cit. S. 43.*

⁸¹ *Stobiecki R. Historiografia PRL... S. 183.*

⁸² *Borejsza J.W. Op. cit. S. 20; Zdrada J. Op. cit. 52.*

Стоит особо выделить две статьи М. Вольневича, посвященных месту национальных восстаний в исторической рефлексии Стефана Кеневича⁸⁴. Они принадлежат к числу немногих исследований научного творчества Кеневича, опубликованные в Польше. Автор анализирует взгляды историка на основе сравнения его видения восстаний XIX века и существовавших тогда концепций интерпретации польской повстанческой традиции.

Также М. Вольневич указал на разницу в методологических взглядах Кеневича до и после Второй мировой войны, отметив, что еще в начале своей научной деятельности историк стал интересоваться социальной проблематикой восстаний XIX века. Однако первые работы он писал в духе так называемого «пилсудистского» направления в историографии, основывавшегося на индивидуалистическом историзме⁸⁵.

В российской историографии тематика жизни и творчества Кеневича занимает заметно меньшее место. Для довоенной советской историографии характерно игнорирование работ Кеневича (1930-е — конец 1940-х годов), чему были объективные причины. По замечанию О.С. Каштановой, если исходить из масштабов проводимых исследований, «в 1920—1930-е годах наблюдался упадок отечественной славистики»⁸⁶. Многие дореволюционные ученые эмигрировали, происходила переориентация науки на основе принципов исторического материализма, поэтому наибольший интерес вызывали польские историки-коммунисты. К тому же Кеневич в эти годы был далек от марксизма, а советские историки-полонисты обращали внимание на работы идеологически благонадежных польских коллег.

---

⁸³ *Zdrada J.* Op. cit. S. 52.

⁸⁴ *Wolniewicz M.* Między tradycją legionową a «tradycjami postępowymi». Powstania narodowe w refleksji historycznej Stefana Kieniewicza // *Klio Polska. Studia i materiały z dziejów historiografii polskiej po II wojnie światowej.* 2006. T. 2. S. 91-119; *Wolniewicz M.* W poszukiwaniu utraconego « optymizmu » Powstania narodowe w refleksji historycznej Stefana Kieniewicza (1956—1958) // *Klio Polska. Studia i materiały z dziejów historiografii polskiej po II wojnie światowej.* 2008. T. 3. S. 163-186.

⁸⁵ *Wolniewicz M.* Między tradycją legionową a «tradycjami postępowymi»... S. 96.

⁸⁶ *Каштанова О.С.* Указ. соч. С. 60.

В советских научных изданиях было опубликовано несколько рецензий на работы Кеневича. Для них характерна высокая оценка творчества польского ученого, что важно в контексте методологического поворота Кеневича после Второй мировой войны (И.С. Миллер, Ю.И. Штакельберг)⁸⁷. Также были отмечены его заслуги в издании серии документов (В.Д. Королук, И.С. Миллер, С.М. Фалькович)⁸⁸.

В России опубликовано две биографические статьи о Кеневиче. Первая была написана В.А. Дьяковым в связи с кончиной польского ученого⁸⁹, вторая — статья Б.В. Носова, приуроченная к столетию со дня рождения Кеневича⁹⁰. В обеих публикациях авторы повествуют о ключевых событиях в жизни Кеневича, обращая особое внимание на его сотрудничество с советскими историками (среди которых был В.А. Дьяков) в издании источников. Отечественные историки стремились отдать дань уважения польскому коллеге, отмечая его выдающиеся способности и вклад в развитие науки⁹¹.

Таким образом, в науке до сих пор отсутствует комплексное изложение творческой биографии Кеневича, хотя в польской историографии, по сравнению с российской, наблюдается больший интерес к творчеству Кеневича. Это обусловлено тем, что ученый является ярким представителем

---

⁸⁷ Миллер И.С., Штакельберг Ю.И. S. Kieniewicz. Powstanie styczniowe // Советское славяноведение. 1973. № 4. С. 114-116; Миллер И.С. «Восстание 1863 года» (об опыте подготовки советско-польского серийного издания документов) // Археографический ежегодник за 1972 г. М., 1974. С. 36-47; Миллер И.С. Восстание 1863 г. (По поводу монографии Ст. Кеневича «Январское восстание». Варшава, 1972) // Миллер И.С. Исследования по истории народов центральной и Восточной Европы XIX в. М., 1980. С. 193-218.

⁸⁸ Королук В.Д., Миллер И.С. О совместной советско-польской публикации источников по истории восстания 1863—1864 годов. // Новая и Новейшая история. 1958. № 5. С. 179; Миллер И.С. «Восстание 1863 года» (об опыте подготовки советско-польского серийного издания документов)...; Фалькович С.М. Новый шаг на пути изучения революционной ситуации в России и Царстве Польском в 60-х годах XIX в. // История СССР. 1963. № 6. С. 203-207.

⁸⁹ Дьяков В.А. Стефан Кеневич и его место в польской исторической науке // Вопросы истории. 1992. № 11-12. С. 185-192.

⁹⁰ Носов Б.В. Стефан Кеневич (1907—1992). К 100-летию со дня рождения // Столица и провинция в истории России и Польши. К 50-летию Соглашения о научном сотрудничестве между Российской академией наук и Польской академией наук. М., 2008. С. 23-30.

⁹¹ Там же. С. 23.

национальной историографии. В то же время оценки его творчества принципиально не менялись и заключались в подчеркивании значимой роли ученого для науки (особенно в 1990-е годы). Относительно недавно стали появляться более глубокие исследования, концентрирующиеся на реконструкции его теоретических взглядов.

Историографический обзор показывает, что научных исследований творчества и жизни С. Кеневича мало. Преимущественно это воспоминания его учеников и коллег. Таким образом, в историографии эта тема практически не разработана. Особенностью польской современной польской исторической науки является нерешенность вопроса теоретических взглядов ученого. В трудах по истории науки делается намек на вынужденное обращение Кеневича к марксизму. Однако в непосредственно посвященных ему статьях польские исследователи неохотно поднимают эту тему. Причина этой нерешительности может быть найдена в незавершенном процессе осмысления и ассимиляции историографии периода ПНР. Из-за этого остается вероятность, что при констатации оперирования каким-либо историком элементами марксистской методологии он будет причислен к догматичным партийным историкам и автоматически обвинен в поддержании коммунистического режима в Польше.

В отечественной историографии сменились оценки развития польской исторической науки. Если советские историки видели исключительно прогрессивное развитие марксистской теории, то современные российские отошли от такого видения, обратив внимание на негативное влияние сталинизации.

Научная новизна диссертационного исследования состоит, во-первых, в осуществлении впервые в историографии комплексного исследования биографии и научного творчества Стефана Кеневича;

во-вторых, во введении в научный оборот ранее не использованных историками источников, необходимых для решения поставленных в диссертации задач.

Структура диссертации обусловлена поставленными целями и задачами. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка источников и литературы. В основе деления на главы лежит проблемно-хронологический подход.

Первая глава посвящена жизни Кеневича до Второй мировой войны. В ней дана характеристика семьи и среды, в которой он вырос, уделяется внимание его детству (§1); рассматриваются годы становления Кеневича как историка, обучение в университете, написание докторской работы, а также его жизнь в годы войны (§2); проводится анализ довоенного видения истории польских восстаний Кеневича (§3).

Вторая глава охватывает период от окончания Второй мировой войны и до конца 1950-х годов. В центре внимания — два процесса, непосредственно отразившихся на жизни и творчестве Кеневича, — сталинизация и десталинизация польской исторической науки. Дается общая характеристика изменений, наступивших в результате реформирования науки, а также рассматривается, как проходил методологический поворот Кеневича к марксизму на фоне общих изменений в стране (§1); как начало «оттепели» повлияло на состояние исторической науки и изменения интерпретации прошлого в учебнике «История Польши» (§2); проводится анализ изменений теоретических взглядов Кеневича на историю польских восстаний (§3).

В третьей главе рассматриваются дальнейшая эволюция взглядов Кеневича, место Январского восстания в его творчестве и профессиональная деятельность в 1950-х — начале 1990-х годов. Хронологической границей между второй и третьей главой выступает рубеж 1950—1960-х годов. Освещается организация IX Всеобщего съезда польских историков, посвященного столетней годовщине восстания, и роль Кеневича в советско-польском проекте издания источников восстания (§1); анализируется концепция польской повстанческой традиции в монографии Кеневича «Январское восстание» (§2); дается общая характеристика его деятельности как

историка: преподавание в университете, рецепция его теории в СССР, редакторская и административная работа (§3).

Положения, выносимые на защиту:

1. Историко-теоретические взгляды Стефана Кеневича менялись на протяжении жизни. В 1930-е годы он рассматривал польские восстания в рамках политической истории как национально-патриотическое движение, что приближало его к пилсудистской историографии. После Второй мировой войны историк обратился к изучению общественной проблематики, а именно крестьянского вопроса. В основе его новых исследований лежала марксистская теория. Результатом методологических поисков ученого стало объединение его до- и послевоенных взглядов и представление Январского восстания 1863 года как акта национальной борьбы за независимость от Российской империи и революционного движения, в котором важную роль играли партия красных, выступавшая за вооруженную борьбу, и крестьянство.

2. Биография и творчество Стефана Кеневича являются примером того, что ПОРП не удалось установить полный контроль над наукой. Историк вынужденно обратился к марксизму в трактовке советской пропаганды, однако после 1956 года отошел от официальной интерпретации истории и разработал собственную концепцию. В дальнейшем Кеневич продолжал ревизию марксистской теории, опираясь, в частности, на свое довоенное видение прошлого. Такой подход позволил ему воздержаться от крайних позиций и представить оригинальный взгляд на историю восстаний.

3. Сотрудничество между польскими и советскими историками осложнялось значительным участием государственных властей в научных связях. Несмотря на влияние цензуры и трудности с доступом к архивам, смешанной комиссии специалистов под руководством В.А. Дьякова, С. Кеневича и И.С. Миллера удалось издать двадцать пять томов источников, которые до сих пор используются учеными для исследования истории России и Польши. Серия «Январское восстание. Материалы и документы» является

примером продуктивного для развития науки сотрудничества советских и польских историков.

Апробация результатов. Выводы, представленные в диссертационном исследовании, отражены в пяти научных статьях, опубликованных в журналах из списка ВАК:

1. Солдатов А.А. Творчество Стефана Кеневича в оценках современных польских историков // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. Вып. 6. С. 147-155.

2. Солдатов А.А. Рецепция творчества Стефана Кеневича в советской историографии // Известия Смоленского государственного университета. 2018. № 1 (41). С. 178-192.

3. Солдатов А.А. «Соус в котором нас готовят...» Стефан Кеневич и польская историческая наука первого послевоенного десятилетия // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2018. Вып. 63. С. 248-266 (журнал входит также в базу SCOPUS).

и других рецензируемых изданиях:

4. Солдатов А.А. «Оттепель» в польской исторической науке: дискуссия второй половины 1950-х годов о роли крестьянства в Январском восстании 1863 года // Ретроспектива. Всемирная история глазами молодых исследователей: сборник научных статей. Калининград, 2015. Вып. 9. С. 134-141.

5. Солдатов А.А. Историческая наука между Сциллой и Харибдой: советско-польские научные отношения в 1945—1964 гг. Рец.: Szumski J. Polityka a historia. ZSRR wobec nauki historycznej w Polsce w latach 1945—1964. Warszawa, 2016 // Историческая экспертиза. Журнал рецензий. 2018. № 2 (15). С. 155-162.

Кроме того, основные положения работы были представлены на двух аспирантских научных конференциях кафедры истории Института гуманитарных наук БФУ им. И. Канта (23 апреля 2015 и 19 апреля 2016 года),

семинарах по истории науки хабилитированного доктора, профессора З. Ромека (отдел истории идеи и интеллигенции в XIX—XX веках Института истории Польской академии наук) и магистерских семинарах хабилитированного доктора, профессора Л. Заштовта (Центр восточноевропейских исследований Варшавского университета) в рамках академической стажировки автора диссертации в Варшавском университете в 2014—2016 годах при поддержке программы «Erasmus Mundus Action 2 — Aurora».

Глава 1. Становление историка (1907—1945)

§1. Семья и образование Стефана Кеневича

Стефан Кеневич родился 25 сентября 1907 года⁹² в Дорошевичах (пол. *Dereszewicze*) в Полесье в Российской империи (ныне Гомельская область Республики Беларусь). Его семья принадлежала к поместному дворянству кресов — восточных территорий бывшей Речи Посполитой. Большую часть детства он провел на берегу Припяти в большом окруженном парком имении, построенном в 1820-е годы. Большую часть своей истории, как пишет Кеневич в монографии о поместье, эта земля была «самым забытым уголком восточных кресов; немного там происходило, судя по всему, даже в 1863 году»⁹³. Расцвет Дорошевичей пришелся на XIX век, а жизнь в имении мало отличалась от жизни других польских шляхетских родов. Особо знаменитых членов семьи не было, но все же Кеневичи оставили свой след в истории польских восстаний и революционного движения в России. Двоюродный брат деда Стефана Кеневича Феликс в 1831 году во время Ноябрьского восстания «организовал “партию” на юге от Мозыря (ныне Гомельская область Республики Беларусь. — А.С.), объявил свободу крестьянам и наделил их землей»⁹⁴. После поражения восстания он выехал во Францию, но особого интереса к деятельности польской эмиграции не проявлял; занимал центристскую позицию, поддерживая контакты как с Антонием Островским⁹⁵, который в эмиграции

⁹² Сын Стефана Ян Кеневич в предисловии к повести «Бездомные...» указывает, что дата 20 сентября 1907 г., которая обычно фигурирует в документах, — ошибка чиновника, допущенная во время получения отцом польского гражданства. См.: *Kieniewicz J. Kilka słów wyjaśnienia // Kieniewicz S. Bezdumni... V.*

⁹³ *Kieniewicz S. Dereszewicze 1863... S. 8.*

⁹⁴ *Ibid. S. 18.*

⁹⁵ *Островский Антоний* (1782—1845) — польский военный и государственный деятель. Участник восстания 1830 года. Во время восстания занимал должность губернатора Варшавы и командовал варшавской национальной гвардией. В 1831 году — президент польского сената.

заялся литературной деятельностью, так и с Иоахимом Лелевелем, продолжавшим активную политическую деятельность⁹⁶.

Позже Феликс Кеневич вернулся в Дорошевичи с сыном Иеронимом Владиславом, который активно включился в деятельность революционного движения в России. Он присоединился к радикальной организации «Земля и воля», принял участие в крестьянском восстании на Волге, в Январском восстании 1863 года на стороне белых, за что в итоге преследовался российскими властями и был казнен в 1864 году.

Примечательно, что о жизни своего родственника-революционера Стефан Кеневич узнал много позже — в процессе исследования событий 1863—1864 годов. Так что было бы преувеличением утверждать, что научный интерес к польскому повстанческому движению был обусловлен семейной историей. В доме не принято было об этом говорить, «слишком болезненной была эта тема»⁹⁷, написал историк в автобиографии. Даже отец ученого — Антоний Кеневич — только от сына узнал историю своего дяди⁹⁸. В Дорошевичах старались забыть имя Иеронима Владислава как в связи с его радикальными, антишляхетскими взглядами, так и из-за страха репрессий, последствия восстания оказались и так весьма суровыми. Экономическое положение Дорошевичей пошатнулось в связи с раскрепощением крестьян в результате аграрной реформы⁹⁹, М.Н. Муравьевым была наложена высокая контрибуция на польское население, несколько родственников и друзей семьи были репрессированы, старшее поколение эмигрировало в Италию¹⁰⁰.

К началу XX века жизнь в Дорошевичах вернулась в привычное русло: «В имении Кеневичей были спиртоочистительный завод, фабрика шпона,

⁹⁶ *Иоахим Лелевель* (1786—1861) — польский историк, общественный и политический деятель. Участник восстания 1830 года. Придерживался радикальных левых взглядов: требовал лишения Николая I польского престола, наделения части крестьян землей и другие. Выступал за объединение польской эмиграции.

⁹⁷ *Kieniewicz S. Z rozmyślań dziejopisa...* S. 244.

⁹⁸ *Kieniewicz A. Op. cit. S. 31, przepis 5* (Комментарий С. Кеневича к воспоминаниям отца).

⁹⁹ См. *Долбилов М.Д.* Аграрная реформа и институциональные преобразования. Учредительный комитет // *Западные окраины Российской империи.* М., 2007. С. 184-199.

¹⁰⁰ *Kieniewicz S. Dereszewicze 1863...* S. 156.

налаженная на экспорт в Англию, собственная телефонная сеть и собственная сеть узкоколейных дорог. Жизнь в усадьбе была богатой, хотя, может быть, не роскошной. Около реки по обустроенным дорожкам парка гуляли дамы, уже не в кринолинах и национальном трауре, а в турнюрах из блестящей тафты. Наверху в библиотеке тщательно собраны тома “Revue des deux mondes” (французский журнал “Обозрение двух миров”. — *A.C.*). Внизу в салонах дискутировали о Пшибышевском и Тетмайере¹⁰¹. Плавали на лодках по реке, ходили собирать грибы, охотились на глухарей и кабанов... Под покровом салонной французскости и патриархального добродушия тлели в этом поместье скрытые страсти, разворачивались семейные драмы», — писал Кеневич в исследовании истории своего рода¹⁰². В такой обстановке прошло раннее детство будущего ученого.

С одной стороны, Кеневичи неплохо ассимилировались в Российской империи, оставив где-то на задворках памяти своих революционных предков. С другой — для них не были безразличны, по словам автора, творения польских модернистов. С. Пшибышевский и К. Тетмайер принадлежали к числу самых ярких представителей «Молодой Польши», произведениям которых был характерен неоромантический дух. Деятели искусства в своем творчестве продолжали прославлять восстания XIX столетия и национально-освободительную борьбу.

Начальное образование С. Кеневич получил дома и, как водилось в дворянских семьях, выучил несколько языков, в первую очередь русский и французский¹⁰³. Еще в детстве в Дорошевичах у Стефана Кеневича проявилась любовь к истории. Из авторов исторических повестей молодой шляхтич предпочитал Валерия Пшиборовского и Виктора Гомулицкого: «Собственно благодаря им, — вспоминал историк в автобиографии, — в десятилетнем

¹⁰¹ *Пшибышевский Станислав* (1868—1927) — польский писатель-модернист. *Пишера-Тетмайер Казимеж* (1865—1940) — польский поэт, прозаик, драматург.

¹⁰² *Kieniewicz S. Dereszewicze* 1863... S. 184.

¹⁰³ О знании Кеневичем иностранных языков говорит тот факт, что он рецензировал книги, написанные на шести языках (помимо польского): английском, испанском, итальянском, немецком, русском и французском. *Grochulska B.* Op. cit. S. 42. Przepis 2.

возрасте я мог самостоятельно восстанавливать хронику нашей борьбы за независимость, от Барской конфедерации до Ноябрьского восстания. История Польши, которой меня учили, прерывалась на разделах, словно как на картине Матейки *Почет королей*¹⁰⁴, которая висела в золоченой раме в нашей детской»¹⁰⁵. В начале XX века это выглядело вполне закономерно: Польши не существовало на карте Европы, а история польского народа в XIX веке — это история национальных восстаний, борьбы против империй, разделивших в конце XVIII века Речь Посполитую.

В. Пшиборовский (1845—1913) был участником Январского восстания, школьным учителем истории, ставшим известным благодаря своим историко-приключенческим повестям, которые часто публиковал под псевдонимом Зигмунд Люцьян Сулима. Для его книг характерен героический, национально-патриотический настрой. Он прославлял польских королей («Храбрый»), польское оружие («Лелум-Полелум», «Шведы в Варшаве») и любовь к родине, готовность сделать все ради нее («Битва под Рашином»). Нередко главными героями выступали мальчики, боровшиеся наравне с взрослыми против врагов Польши («Битва под Рашином», «Шведы в Варшаве»).

В. Пшиборовский был также автором нескольких исторических работ. В 1910 году он написал книгу «Причины упадка Польши»¹⁰⁶, которая носила неоромантический характер и содержала критику точки зрения о внутренних причинах разделов конца XVIII века. Е. Матерницкий пишет по этому поводу: «“Оптимизм” Пшиборовского имел свои корни не только в общей атмосфере эпохи, в усиливающихся национально-освободительных настроениях, но также в помещичьей идеологии, чьи интересы защищал автор»¹⁰⁷. Так что нет ничего удивительного, что юный дворянин зачитывался его работами.

¹⁰⁴ Серия рисунков Яна Матейки (1838—1893), на которых представлены сорок четыре польских правителя (короли и герцоги) и их жены.

¹⁰⁵ *Kieniewicz S. Z rozmyślań dziejopisa...* S. 244.

¹⁰⁶ *Przyborowski W.* Op. cit.

¹⁰⁷ *Maternicki J.* Op. cit. S. 69.

Были у Пшиборовского работы и по истории восстания 1863 года, но юному С. Кеневичу, вероятно, не удалось с ними познакомиться: в воспоминаниях он указывал, что его детские познания в истории ограничивались 1831 годом.

В книгах В. Гомулицкого (1848—1919) «Удивительная горожанка», «Меч и локоть», «Голодного накормить», «Евреи» доминировала иная тональность. Автор больше внимания уделял жизни обычных людей, их тяжкому повседневному труду, непростой жизни евреев, страдавших от погромов, не забывая критически отозваться о беспечности господствующих классов.

Популярные романисты формировали интерес к национальной польской истории у юного читателя, чувство гордости и ответственности за свою страну. Однако любой автобиографии присуще сознательное или бессознательное создание автором собственного образа. Трудно однозначно определить, вкладывал ли Кеневич скрытый смысл, указывая именно этих авторов, но в любом случае они формировали представление будущего историка о прошлом Польши. Книги В. Пшиборовского подогревали в юном шляхтиче патриотический дух, ностальгию по вроде бы ушедшим в прошлое временам независимости Польши. А благодаря В. Гомулицкому дворянин С. Кеневич обратил свое внимание на жизнь простого люда, протекавшую за пределами имения, в первую очередь крестьян и рабочих, которые позже стали предметом его научного исследования. Метафорически оба автора воплотили на страницах автобиографии Кеневича два периода его жизни, разделенных Второй мировой войной: для первого был характерен национально-патриотический, шляхетский настрой, а для второго — демократический.

Революция в России привела к тому, что в 1918 году семья Кеневичей переехала в Варшаву. Для юного Стефана, как и для многих в те годы, это было разрушение прежнего привычного мира. Свое восприятие тех лет он отразил в повести «Бездомные...» Вот как в Чахрах, выдуманном имении семьи Чарноских, 4 марта 1917 года встретили весть о начале революции:

— Знаешь — говорила пани Зофья [деду], что началась революция. — Молчание.

— Ну ответь мне!

— А пусть там поубивают друг друга, раз хотят революцию. Раз революция, то революция, меня это не касается.

— Хочешь, что бы нас поубивали?

— О, но будь спокойна — успокаивал ее дедушка — до того, что во Франции не дойдет¹⁰⁸.

— А у меня, однако, какое-то плохое предчувствие¹⁰⁹.

Этот небольшой отрывок иллюстрирует общее настроение произведения — героев рассказа и, скорее всего, автора. Начавшаяся революция произвела на провинциальную шляхту больший ужас, чем длившаяся уже третий год Первая мировая война. События, охватившие Российскую империю в 1917 году, сравнивались с Французской революцией 1789 года, уничтожившей Старый порядок. Такая перспектива тревожила владельцев поместья больше, чем война.

Из-за волнений, будораживших страну, семья Кеневичей переехала на полгода из поместья в Мозырь. Весной 1918 года Стефан Кеневич вместе со своим домашним учителем Маурицием Малекем уехал в Киев сдавать экзамены во второй класс гимназии (Ян Кеневич особо обращает внимание, что экзамены тогда сдавали «естественно, по-русски»¹¹⁰), а 1 декабря вся семья переехала в Варшаву.

Поместье Дорошевичи в ходе Первой мировой войны было разграблено (во время Второй — окончательно уничтожено). Стефан Кеневич писал с тоской дворянина, пережившего революцию, об ушедших золотых временах: «Разрушили его (имение. — А.С.) и разграбили сразу после отъезда владельцев жители ближайшей деревни Холубицы (Hołubicy), деревни, которая жила

¹⁰⁸ Отсылка к Французской революции 1789 года, приведшей к казни короля.

¹⁰⁹ *Kieniewicz S. Bezdomni...* S. 10-11.

¹¹⁰ *Ibid.* S. VII.

несколько поколений в особом симбиозе с поместьем, получала от него дополнительные заработки, пользовалась разными формами его поддержки. Оказалось, что эта помещичья забота, оказанная деревне, не была в состоянии сломать отчужденность, существовавшую между двумя не похожими друг на друга мирами. Там деревня с примитивной жизнью и укладом. Тут оазис европейской культуры, легко получаемого богатства, десятки тысяч гектаров под надзором многочисленных лесничих, оспаривающих крестьянские сервитуты, защищающих господское добро от вырубки и браконьерства. Удивительно ли, что в этой крестьянской массе нашел отражение лозунг 1917 г.: грабь награбленное?»¹¹¹

В Варшаве Антоний Кеневич «из зажиточного человека [в стране] под чужим господством стал интеллигентом в свободной Польше»¹¹². Отец семейства, потеряв право на землю (в результате Рижского договора 1921 года, определявшего границы между БССР, РСФСР, УССР и Польшей, Дорошевичи оказались в составе Белорусской ССР), стал работать в Министерстве сельского хозяйства и частной лесозаготовительной компании. Для детей переезд из деревни не был проблемой, Стефан Кеневич хоть и описал свое чувство утраты в «Бездомных...», но, возможно в силу возраста, быстро привык к новым условиям. Историк позднее вспоминал: «Радовала нас новая жизнь в большом городе, польская школа, атмосфера свободы»¹¹³. Тяготы Первой мировой войны и чувство горечи из-за потерь скрашивала эйфория по поводу возвращения независимости Польши.

В 1925 году Кеневич окончил гимназию имени Яна Замойского. Благодаря хорошему домашнему образованию, учеба в гимназии не вызывала у него трудностей, а по истории «он получал пятерки, даже не сильно учась»¹¹⁴. Уже в детстве будущего ученого интересовали больше всего книги. «Из четырех братьев только я один оказался с малых лет “книгочеем”,

¹¹¹ *Kieniewicz S. Przedmowa // Kieniewicz A. Nad Prypecią, dawno temu... S. 9-10.*

¹¹² *Kieniewicz S. Z rozmyślań dziejopisa... S. 244.*

¹¹³ *Ibid.*

¹¹⁴ *Ibid.*

предпочитающим чтение любому другому занятию, стрельбе или конной езде», — писал С. Кеневич¹¹⁵.

Гимназические учителя истории, хоть и были упомянуты в автобиографии, не снискали положительных оценок в формировании в ученике будущего ученого, который тогда уже читал серьезные научные труды польских (Кароль Шайноха, Людвик Кубаля, Шимон Аскенази, Станислав Смолка) и западноевропейских историков (Гульельмо Ферреро, Шарль Диль, Томас Маколей, Ипполит Тэн). Про первого учителя Кеневич писал: «Сильвестр Печинис был ветераном [восстания] 1863 года, что я мог бы сейчас принять за промыслительное обстоятельство», намекая, что именно это историческое событие стало главной темой его научного творчества. Второй учитель — Казимеж Кшимуский «ничем не мог заинтересовать класс»¹¹⁶. Пытливый ум будущего историка жаждал новых знаний, которых ему явно не могли дать в школе.

Юный Стефан Кеневич с большим интересом и усердием предавался чтению и исследованию нового, предпочитая беззаботному времяпрепровождению со сверстниками штудирование пыльных книг, рассказывающих о временах минувших. Ему еще предстояло сформироваться как профессиональному историку, но уже в детстве он проявлял задатки ученого: замкнутого, в чем-то оторванного от реального мира, но ищущего ответы на интересовавшие его вопросы.

По окончании школы в 1925 году Кеневич начал учебу на историческом факультете Познаньского университета. Выбор, по словам историка, был обусловлен «семейными и экономическими причинами»¹¹⁷. В Познани жила родня, двоюродная сестра Янина Путткамер с мужем, философом Адамом Жултовским, который преподавал в университете. Познаньский университет был открыт только в 1919 году, учебников не хватало, поэтому студенты,

---

¹¹⁵ *Kieniewicz S. Z rozmyślań dziejopisa...* S. 244.

¹¹⁶ *Ibid.*

¹¹⁷ *Ibid.* S. 245.

вспоминал Кеневич, часто должны были обращаться к французским и немецким работам¹¹⁸. Однако в целом учеба не обременяла жизнь молодежи, историк писал, что за четыре года студенты должны были сдать всего пять экзаменов в свободном режиме¹¹⁹. Видимо, поэтому будущий выдающийся ученый «прогулял первые три года», о чем он сам писал, отложив сдачу всех экзаменов на конец¹²⁰.

В университете Кеневич оказался в иной политической среде, отличавшейся от его варшавского окружения. В Познани особой популярностью пользовался лидер национал-демократов (эндеков) Роман Дмовский (1864—1939). Эндеция выражала интересы консервативной части польского общества, поддерживая националистические идеи (в том числе антисемитизм и полонизацию национальных меньшинств), борьбу с социалистами, усиление роли костела в обществе и союз с западноевропейскими державами против СССР. В. Лазуга в статье о начале истории Познаньского университета указывает, что «значительное большинство работающих там профессоров были люди эндецких взглядов, которые выражали свои симпатии или оказывали деятельную поддержку национальному движению более-менее открыто»¹²¹.

К основным оппонентам эндеков принадлежали сторонники Ю. Пилсудского, отстаивавшие идеи правосоциализма и польского национал-патриотизма. Кеневич обращал внимание, что, несмотря на политизированность атмосферы в университете, он «не занимал [какого-либо] положения в споре между так называемыми эндеками и пилсудчиками. Среда кресов, в которой я вырос, в целом симпатизировала больше Пилсудскому, чем Н[ациональной] Д[емократии]... но я сотрудничал скорее с академическими

---

¹¹⁸ *Kieniewicz S. Z rozmyślań dziejopisa...* S. 245.

¹¹⁹ *Kieniewicz S. O sobie i historii // Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo...* S. 283.

¹²⁰ *Kieniewicz S. Z rozmyślań dziejopisa...* S. 245.

¹²¹ *Łazuga W. Wokół początków poznańskiego środowiska historycznego // Środowiska historyczne II Rzeczypospolitej. Część II. Warszawa, 1987. S. 179.*

организациями католического типа»¹²². Так что напрямую Кеневич не указал, каким общественно-политическим идеям испытывал симпатию: он был явно далек от эндецкого национализма, неуверенно отзывался о социализме Пилсудского, подчеркивая, что его интересовали только две сферы: академическая и религиозная. С этой мировоззренческой установкой историк прожил всю жизнь, посвятив себя науке и оставаясь глубоко верующим католиком, сторонившимся политики. В. Сливовская, вспоминая в интервью, что историк регулярно ходил на мессу в костел (даже во время командировок в Москву) и блестяще знал Библию, если попадалась цитата из Святого писания, то Кеневич по памяти называл номер стиха¹²³.

Пробой пера для Кеневича стал реферат о Владиславе Конопчинском (1880—1952) — известном краковском исследователе политической истории Польши. Однако подготовки студенту не хватало и приходилось самостоятельно постигать методологию истории, обращаясь к «слишком общей» работе Шарля-Виктора Ланглуа и Шарля Сеньобоса¹²⁴ и «Историке» Марцели Хандельсмана¹²⁵ — «трудной для понимания»¹²⁶.

Среди своих первых учителей, научивших его основам исторической науки, Кеневич отметил в автобиографии медиевиста Казимежа Тыменецкого (1887—1968) и историка Нового времени Адама Скалковского (1877—1951). О первом бывший студент писал, не вдаваясь в подробности: «Многому научился на его лекциях»¹²⁷. Тыменецкий в то время уже был успешным историком, разработавшим теорию генезиса городов в Польше, одним из организаторов Познаньского университета, открытого в 1919 году. Как историка его отличал разносторонний подход к исследованию прошлого. В своей работе он

¹²² *Kieniewicz S.* O sobie i historii // *Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo...* S. 284.

¹²³ *Сливовская В.* Интервью (2015).

¹²⁴ *Langlois C.-V., Seignobos C.* Introduction aux études historiques. Paris, 1898. 308 p.

¹²⁵ *Handelsman M.* Historyka. Zarys metodologii i teorii poznania historycznego. Zamość, 1921. 332 s. *Хандельсман Марцели* (1882—1945) — польский историк Средневековья и Нового времени, методолог и теоретик истории. Член Польской академии знаний. Сторонник ППС и Ю. Пилсудского.

¹²⁶ *Kieniewicz S.* Z rozmyślań dziejopisa... S. 246.

¹²⁷ *Ibid.* S. 245.

обращался к достижениям западной (в первую очередь французской) науки, этнографии и социологии. Историограф Е. Матерницкий охарактеризовал работу Тыменецкого «Процессы, способствовавшие формированию польского общества в средних веках» (1921) как «передовое достижение» польской исторической науки¹²⁸.

Большее влияние на Кеневича оказал А. Скалковский: «Его лекции захватывали, развенчивали популярные мифы, оспаривали величие Костюшки и князя Юзефа [Понятовского]¹²⁹, подвергал критике концепции о независимости, подчеркивали авторитет Аскенази¹³⁰. Скалковского упрекали в консерватизме, откапывании (*odgrzebywanie*) краковской школы¹³¹. Он был консерватором с точки зрения методологии, поскольку его интересовала военно-политическая история, а точнее — биографика. Но хорошо учил одному: критическому отношению к источникам, недоверию всяким, даже самым правдоподобным легендам»¹³². В последних своих воспоминаниях Кеневич к этой характеристике добавил, что именно А. Скалковский научил его не бояться «идти против течения существовавших мнений, словом — искать свой путь»¹³³. Такая позиция была характерна для познаньского профессора, о чем писал Е. Матерницкий: «Высочайшего уровня, если речь идет о научных вопросах, были работы А.М. Скалковского — удивительно плодотворного историка, отличавшегося, в сравнении с остальными учениками и коллегами Аскенази, достаточно независимыми взглядами»¹³⁴.

¹²⁸ *Maternicki J.* Op. cit. S. 138; *Tymieniecki K.* Op. cit.

¹²⁹ *Костюшко Тадеуш* (1746—1817) — польский военный и политический деятель. Участник войны за независимость США, предводитель польского восстания 1794 года. *Понятовский Юзеф* (1763—1813) — польский военный деятель, генерал. Участник восстания 1794 года и похода Наполеона на Россию в 1812 году.

¹³⁰ *Аскенази Шимон* (1866—1935) — польский историк международных отношений XVIII—XIX веков. Основатель львовской исторической школы. А. Скалковский был учеником Аскенази.

¹³¹ Краковская историческая школа.

¹³² *Kieniewicz S.* *Z rozmyślań dziejopisa...* S. 245.

¹³³ *Kieniewicz S.* *O sobie i historii // Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo...* S. 284.

¹³⁴ *Maternicki J.* Op. cit. S. 103.

При этом А. Скалковскому были близки идеи краковской исторической школы, которая сформировалась в последней четверти XIX века. Историки этой школы (М. Бобжиньский, С. Смолка и другие) считали, что причиной разделов Польши были не внешние силы (агрессивная политика Австрии, Пруссии и России), а внутренние — политические противоречия среди шляхты, слабость государственной власти, проблемы общественного устройства и дезорганизация среди повстанцев. После восстановления польской государственности идеи краковской школы потеряли актуальность. Многим в межвоенной Польше, на волне патриотизма, они казались слишком архаичными, поэтому Кеневич и писал об «откапывании» этой школы, указывая, таким образом, на пессимистическое видение польской истории своим учителем.

Семинары А. Скалковского Кеневич стал посещать вместе с другом Влодзимежем Двожачеком в последний год обучения¹³⁵. Под руководством профессора они написали магистерские работы о братьях Дзялыньских: первый — о шефе полка Игнации, второй — о воеводе Ксавьере¹³⁶. А. Скалковский выбрал тему для своих студентов в соответствии со своими научными интересами: биографии политических и военных деятелей. Особенно его интересовали яркие герои, борцы за независимость рубежа XVIII—XIX веков. Среди последних были Ян Генрик Домбровский¹³⁷ и Юзеф Понятовский, которым он посвятил монографии в 1905 и 1913 годах¹³⁸. Е. Матерницкий даже отметил, что А. Скалковский поддавался интересу публики к «эпическим

---

¹³⁵ *Двожачек Влодзимеж* (1905—1988) — польский историк, геральдик, генеалог, проф. Университета им. А. Мицкевича (Познань).

¹³⁶ *Дзялыньский Игнацы* (1754—1797) — генерал, государственный деятель. Депутат Великого Сейма Речи Посполитой, участник восстания 1794 года. *Дзялыньский Ксавьер* (1756—1819) — политический деятель. Депутат Четырёхлетнего Сейма (1788—1792), сенатор-воевода Герцогства Варшавского и Царства Польского.

¹³⁷ *Домбровский Генрик Ян* (1755—1818) — польский генерал, участник восстания Т. Костюшки, в 1794 году, создатель Польских легионов в Италии. История о его подвигах легла в основу мазурки Домбровского, ставшей государственным гимном Польши.

¹³⁸ *Skalkowski A.M.* Jan Henryk Dąbrowski. Cz. 1. Na schyłku dni Rzeczypospolitej (1755—1795). Warszawa, 1904. 392 s.; *Skalkowski A.M.* Książę Józef. Vytom, 1913. 479 s.

историям», что делало его работы особенно популярными¹³⁹. В свою очередь в творчестве Кеневича биографика также заняла значительное место, о чем свидетельствует, как минимум, его многолетняя работа над материалами для «Польского биографического словаря». Так что А. Скалковский сыграл не последнюю роль в формировании его интересов.

Однако о своих первых шагах в науке Кеневич отзывался, будучи уже известным исследователем, скептически: «Магистерскую работу по истории Нового времени в то время писали на основе архивов, фактически она была на уровне нынешней докторской... Этой задачей я легкомысленно пренебрег, занятый тогда немного флиртом, немного обществом. Только в середине мая 1929 года начал работу в архиве в Курнике. Вопреки принципиальным основам научной работы я не начал ее от сбора библиографии, от обработки существующей литературы и опубликованных источников; вошел в область, особо не зная, кем был тот Игнаций Дзялыньский, биографию которого я должен написать!»¹⁴⁰ В итоге студент Кеневич окончил университет с годовым опозданием (1930), написав необходимую биографию, которая была опубликована в том же году¹⁴¹.

После учебы в Познани Стефан Кеневич спонтанно, не определив план научной работы, уехал на год в Париж. Уже во Франции выбрал тему исследования — польский вопрос в 1848 году. Однако чрезмерная самостоятельность подвела историка: по возвращении в Польшу молодой ученый узнал, что еще не знакомый ему Юзеф Фельдман¹⁴² уже написал работу на эту тему¹⁴³. Доклад в Обществе друзей науки в Познани о результатах работы во Франции не вызвал похвалы. «Год, проведенный в Париже, был растрочен не на сто процентов, — подводил итоги историк, — ведь я

¹³⁹ *Maternicki J.* Op. cit. S. 104.

¹⁴⁰ *Kieniewicz S.* Z rozmyślań dziejopisa... S. 245.

¹⁴¹ *Kieniewicz S.* Ignacy Działyński 1754—1797...

¹⁴² *Фельдман Юзеф* (1899—1946) — историк Польши, польско-немецких и польско-французских отношений, профессор Ягеллонского университета.

¹⁴³ *Feldman J.* Op. cit.

поднаторел всё же в проблеме Весны народов; но это не было большим успехом»¹⁴⁴. Не имея особых планов на будущее, Кеневич переехал в Варшаву в 1931 году. По рекомендации А. Скалковского, он стал посещать семинары Марцели Хандельсмана для докторантов в Варшавском университете, начав, таким образом, работу над диссертацией. Дело оставалось за малым — определиться с темой исследования.

Рассмотрение молодых лет Кеневича важно для дальнейшего понимания развития его взглядов, которые можно условно определить как патриотические. В их основе лежали дворянское происхождение и религиозность будущего историка. Но также большую роль сыграл общенациональный подъем, вызванный восстановлением польского государства и скрасивший вынужденный переезд из поместья в столицу. Можно утверждать, что Кеневич вырос в этой атмосфере: в Дерешевичах говорили о Молодой Польше, сам будущий ученый читал патриотическую литературу, а 1919 год стал кульминацией неоромантизма, воплощением польской мечты о независимости. Собственно, вопрос о независимости составил основу критики Кеневичем взглядов его учителя А. Скалковского. Для тогда еще юного историка было неприемлемо пессимистическое видение истории, присущее краковской школе. Эти убеждения Кеневича в 1930-е годы были укреплены в новом для него варшавском окружении.

§2. Начало научной деятельности

Благодаря А. Скалковскому Кеневич познал основы науки, но непосредственно историческому ремеслу научил его М. Хандельсман. После монографии Фельдмана заниматься изучением польского вопроса периода Весны народов уже не было целесообразным. Так что по подсказке варшавского профессора Кеневич обратил внимание на Познаньское восстание 1848 года. Историк вспоминал, что это была непростая объемная тема,

---

¹⁴⁴ *Kieniewicz S. Z rozmyślań dziejopisa... S. 247.*

требовавшая большой архивной работы с актами прусских властей, «написанными плохо читаемым “швабахером”¹⁴⁵, до тех пор отбивавшим желание польских исследователей»¹⁴⁶. Позже Кеневич обращал внимание, что именно благодаря М. Хандельсману он научился «использовать источники разного происхождения; задавать этим источникам вопросы, о которых не подумали предыдущие исследователи темы»¹⁴⁷. Исследователь творчества варшавского профессора Ю. Дуткевич также подчеркивал его вклад в источниковедение, а именно публикацию разных материалов и их разностороннюю критику¹⁴⁸. В Варшаве выпускник Познаньского университета усвоил важность многостороннего и глубокого источниковедческого анализа и впоследствии много времени уделял именно этой работе, к чему позже призывал также своих студентов.

Исследования М. Хандельсмана значительно отличались по характеру от работ предыдущих учителей Кеневича (особенно А. Скалковского). В своих научных публикациях он в меньшей степени обращался к роли личности в истории, его больше интересовали общие вопросы, особенности периода, политическое и экономическое развитие. Ю. Дуткевич писал по поводу этой разницы: «Архивный червь [А. Скалковский] постоянно искал чрезмерное количество биографических деталей и значительно отличался от Хандельсмана, которого волновал поиск ведущих идей, фундаментальных черт [эпохи]»¹⁴⁹. На то же указывает Е. Матерницкий в обзоре польской историографии Герцогства Варшавского: «Взгляды Хандельсмана были, несомненно, шире и современнее, чем у Аскенази или его учеников» — последние чрезмерно много внимания уделяли влиянию отдельных героев на исторический процесс¹⁵⁰.

---

¹⁴⁵ Швабахер, швабах (нем. Schwabacher) — разновидность готического письма.

¹⁴⁶ *Kieniewicz S. Z rozmyślań dziejopisa...* S. 247.

¹⁴⁷ *Ibid.*

¹⁴⁸ *Dutkiewicz J. Op. cit. S. 514-515.*

¹⁴⁹ *Ibid. S. 513.*

¹⁵⁰ Ш. Аскенази и его ученики (в том числе А. Скалковский) преимущественно проводили исследования истории Польши рубежа XVIII—XIX веков: период разделов Польши и наполеоновских войн. См.: *Maternicki J. Op. cit. S. 104.*

Таким образом, если в Познани Кеневич учился рассказывать о прошлом через жизнь и деяния героев, то в Варшаве он познакомился с другим подходом: представление отдельных событий на фоне национальных и общеевропейских политических и общественных процессов. К тому же, М. Хандельсман являл собою пример историка, работы которого написаны не только на основе польских источников. Свои исследования он проводил, обобщает Е. Матерницкий, привлекая материалы немецких, итальянских, французских и других архивов¹⁵¹.

Кеневич, работая над историей Познаньского восстания 1848 года, смог получить в 1934 году доступ в Тайный прусский государственный архив (Geheimes Preussisches Staatsarchiv) в Берлине. «Я провел там пару недель, — писал историк, — в период между расправой Гитлера с Рёмом и смертью Гинденбурга. Горячая политическая атмосфера совсем не отрывала меня от архивов»¹⁵². Кеневич уже второй раз в автобиографии упоминал свою отстраненность от современных ему событий. И обратил внимание на это еще раз, вспоминая о событиях первого послевоенного десятилетия в контексте сталинизации Польши.

Трудно найти историка, игнорирующего современную ему политическую обстановку, не проводящего параллели с прошлым, не пытающегося проследить связь между минувшим и настоящим. С одной стороны, Кеневич только упоминал события, непосредственно отразившиеся на истории Польши и определившие ее дальнейшее развитие: политическая борьба между национал-демократами и пилсудчиками, укрепление власти Гитлера, советизация Польши — избегать упоминания о них историк не стал.

Но, с другой стороны, он все же был не просто современником указанных событий, но и участником процессов, на которые они влияли. Кеневич мог просто обозначить в качестве фона, что происходило в Польше и Европе в целом во время его учебы и работы. Однако для автобиографии как жанра

¹⁵¹ *Maternicki J.* Op. cit. S. 105.

¹⁵² *Kieniewicz S.* Z rozmyślań dziejopisa... S. 248.

характерны очевидная субъективность и вольное или невольное конструирование автором желаемого собственного образа. Исходя из этого тезиса, можно предположить, что Кеневич, регулярно упоминая об отстраненности от политики, стремился оправдать свой конформизм в период сталинизации Польши. Историк, выбирая стратегию поведения в меняющихся условиях, старался адаптироваться, оставаясь верным главному своему интересу — исследованию прошлого. Было бы опрометчиво утверждать, что внешняя среда полностью определяла его мировоззрение. Скорее он старался найти что-то положительное для научной деятельности в разных теориях, отсеяв при этом идеологическую шелуху.

В университете в Варшаве Кеневич попал в новое окружение, которое формировалось вокруг М. Хандельсмана и значительно отличалось по политическим настроениям от того, что было в Познани. На семинарах он познакомился с историками, которые придерживались левых взглядов, Л. Видершалем, ксендзом М. Живчиньским, М. Маловистом, К. Моравским и Л. Русьяном¹⁵³. Кеневич вспоминал: «Отличало нас [друг от друга] общественное происхождение и политические взгляды, объединяла любовь к работе — профессор [Хандельсман] благожелательно относился как к ученику-католику, так и к коммунисту при условии, что тот будет добросовестно работать. В этом новом для меня сообществе я избавился от балласта консервативных и националистических предрассудков, которые впитал в

---

¹⁵³ *Видершаль Людвик* (1909—1944) — историк и архивист. Специалист по истории Балкан и Кавказа. С 1939 года работал в Бюро информации и пропаганды Армии Крайовой. Был убит при невыясненных обстоятельствах членом крайне правой группировки; *Живчиньский Мечислав* (1901—1978) — ксендз, историк. Один из основателей Института истории костела Люблинского католического университета. Был связан с движением так называемых «ксендзов-патриотов» и объединением РАХ, выступавших с поддержкой коммунистической власти в Польше; *Маловист Мариан* (1909—1988) — историк Средних веков. Занимался изучением экономических процессов в Европе. Еще в 14 лет вступил в Союз коммунистической молодежи (Лодзь) и до конца жизни придерживался левых политических взглядов, не был членом ПОРП; *Моравский Каликст* (1907—1988) — романист, исследователь испанской, итальянской и французской литературы; *Русьян Луциян* (1904—1945) — историк польско-венгерских отношений. Один из пионеров польских исследований истории Венгрии.

молодости»¹⁵⁴. Трудно установить, вкладывал ли ученый особый смысл в этот пассаж, как сильно менялись его политические предпочтения, которые он не афишировал. Как минимум, Кеневич был открыт для новых идей, которые черпал, в том числе, в общении с указанными варшавскими знакомыми, многие из которых были активными деятелями левого движения и противниками эндеков, популярных в Познани.

Месяцы работы Кеневич посвятил своей диссертации, вся его жизнь была организована вокруг исследования. Историк Александр Гейштор¹⁵⁵, давний коллега Кеневича, много лет спустя в интервью Роберту Яроцкому так описал его распорядок дня: «Ежедневно утром и после обеда он ходил до библиотеки. Ходил, потому что экономил на трамвае, а те прогулки были тогда единственными упражнениями на свежем воздухе. Так прошло несколько лет. Книгу писал несколько месяцев, как он вспоминал, работая как часы: “Каждый день от девяти до семнадцати”. Перед обедом — текст, после обеда — сноски. Вечером ходил на пару часов на прогулку, во время которой размышлял о работе на следующий день»¹⁵⁶.

В 1934 году Кеневич защитил докторскую диссертацию, на основе которой через год вышла книга «Польское общество в Познаньском восстании 1848 года»¹⁵⁷. После получения ученой степени Кеневич переключился на изучение другого восстания — Январского, а точнее, биографии Адама Сапеги. Эту работу предложили потомки «красного князя», которые имели свои цели — создание положительного образа А. Сапеги. Автор вспоминал: «Семья (в том числе краковский митрополит¹⁵⁸) хотела создать памятник этой личности, о которой в консервативных кругах плохо отзывались. Таким образом, я получил

¹⁵⁴ *Kieniewicz S. Z rozmyślań dziejopisa... S. 247.*

¹⁵⁵ *Гейштор Александр* (1916—1999) — историк, медиевист. Первый директор музея Королевского замка в Варшаве. Заместитель председателя комитета по реконструкции замка. Опубликовал большое количество работ по его истории. Президент ПАН (1980—1983, 1990—1992).

¹⁵⁶ *Jarocki R. Op. cit. S. 220.*

¹⁵⁷ *Kieniewicz S. Społeczeństwo polskie w powstaniu poznańskim 1848 r. Warszawa, 1935. 304 s.*

¹⁵⁸ *Сапега Адам Стефан* (1867—1951) — польский кардинал, архиепископ Кракова.

доступ к очень богатым и никому до этого неизвестным архивам Сапегов, что было доказательством доверия»¹⁵⁹.

Биография Сапеги вышла в свет в 1939 году¹⁶⁰. Для историка она была достижением, и, несмотря на некоторое недовольство со стороны одного из внуков известного князя по причине легкой критики «красного князя», «семья Сапегов извлекла выгоду из этой сделки»¹⁶¹, получив качественное научное исследование о своем знаменитом предке.

В 1930-е годы Кеневич попробовал себя в деле издания источников, которое он высоко ценил всю жизнь. Спустя полстолетия он отмечал в докладе на XIII Всеобщем съезде польских историков в 1984 году (опубликован в 1990 году): «Научные книги пишем и публикуем для собственного удовлетворения; источники издаем для того, чтобы ими пользовались другие»¹⁶². Первый опыт в этой сфере Кеневич получил с подачи своего университетского друга — будущего историка права Михала Счанецкого¹⁶³. Тот, узнав об исследовании Познаньского восстания, передал Кеневичу записки своего деда, участника тех событий, Людвика Счанецкого (1789—1854). Кеневич, уже закончив к тому времени монографию, решил отдельно издать записки, которые увидели свет в 1936 году¹⁶⁴. Историк писал о своей публикаторской пробе: «Это был мой первый издательский подвиг, как оказалось, довольно сложный»¹⁶⁵.

В 1937 году благодаря стараниям Хандельсмана Кеневич начал работу в Казначейском архиве сперва в должности адъюнкта, позже — архивиста. В том же году он женился на Зофье Собаньской, с которой он прожил всю оставшуюся жизнь и воспитал троих детей: Яна, Антония и Терезу.

¹⁵⁹ *Kieniewicz S. Z rozmyślań dziejopisa...* S. 249.

¹⁶⁰ *Kieniewicz S. Adam Sapieha (1828—1903)...*

¹⁶¹ *Kieniewicz S. Z rozmyślań dziejopisa...* S. 249.

¹⁶² *Kieniewicz S. Z doświadczeń edytora źródeł historycznych...* S. 123.

¹⁶³ *Счанецкий Михаил* (1910—1977) — историк государства и права, профессор Университета им. А. Мицкевича (1951—1965 гг.), директор Западного университета в Познани (1961—1964 гг.), профессор Варшавского университета (с 1965 г.).

¹⁶⁴ *Kieniewicz S. Pułkownik Ludwik Sczaniecki o powstaniu poznańskim 1848 roku...* S. 117-130.

¹⁶⁵ *Kieniewicz S. Z doświadczeń edytora źródeł historycznych...* S. 123.

Работа в Казначейском архиве в течение семи лет, до начала Варшавского восстания в 1944 году, помогла Кеневичу познакомиться с разными источниками, в том числе и по истории польских земель в Российской империи, что значительно обогатило его знания обо всех трех оккупированных частях бывшей Речи Посполитой.

Начало Второй мировой войны Кеневич встретил в Варшаве. По состоянию здоровья он не подлежал военному призыву, так что остался в столице. После образования генерал-губернаторства историку удалось сохранить работу в перешедшем под управление новой власти архиве, благодаря чему он получил немецкое удостоверение, что гарантировало минимальную безопасность. В свободное от работы время по предложению шурина Михала Собаньского Кеневич составлял для «Курьера варшавского» заметки о происходившем вокруг на основе заграничных радиопередач. Свою работу в автобиографии оценивал достаточно высоко: «Первый раз в жизни чувствовал себя важным и полезным для чего-то»¹⁶⁶. Хотя большую ценность в годы войны представляет его деятельность в Сопротивлении.

В конце 1940 года Кеневич начал работу в Бюро информации и пропаганды Главного командования Союза вооруженной борьбы Армии Крайовой (БИП АК), занимавшемся информированием общества о деятельности польского правительства в эмиграции и подпольного движения, информационной поддержкой Сопротивления, сбором данных о действиях противника и пр. В Бюро информации работали среди прочих варшавские историки (Александр Гейштор, Витольд Куля, Станислав Хербст и другие), многие из которых были учениками М. Хандельсмана и присоединились к конспирации вслед за Тадеушем Мантейфелем, который был рекомендован М. Хандельсманом Ежи Маковецкому — одному из руководителей БИП¹⁶⁷.

¹⁶⁶ *Kieniewicz S. Z rozmyślań dziejopisa... S. 249.*

¹⁶⁷ *Гейштор Александр* (1916—1999) — историк-медиевист, президент ПАН, активный участник Гражданского комитета реконструкции Королевского замка в Варшаве, первый директор музея Королевского замка, один из основателей Пултуской академии гуманитарных наук. *Куля Витольд* (1916—1988) — историк-медиевист, профессор

Историки А.К. Кунерт и Э. Орман указывают, что Кеневича привлек к делу университетский приятель Л. Видершаль¹⁶⁸. Поскольку деятельность в БИП АК подразумевала работу с информацией, то не удивительно, что там оказалось много историков, которые фактически занимались тем же, чем в мирное время, — всесторонним анализом текстов. Благодаря исследованию Г. Мазура о деятельности БИП известно, что С. Кеневич работал в подотделе «Z» под руководством Л. Видершалья, занимаясь западными польскими землями, оккупированными нацистами¹⁶⁹. С 7 декабря 1943 года Шчепаньский (таково было конспиративное прозвище Кеневича) стал инспектором Силезии, Познани, Поморья и Лодзи (в рамках работы территориальной единицы в Отделе информации) — территорий, включенных в состав Третьего рейха. После убийства 13 июня 1944 года Л. Видершалья и Е. Маковецкого связанным с контрразведкой АК Анджеем Поплавским («Анджей Судечка»)¹⁷⁰ Стефан Кеневич возглавил подотдел «Z», а историк Александр Гейштор — Отдел информации.

В годы сталинизации польской науки С. Кеневич не распространялся о своей подпольной активности. В 1953 году он указывал в резюме сотрудника ПАН лишь то, что во время войны продолжал работать архивистом¹⁷¹. Это было связано с негативным отношением коммунистической власти к Армии Крайовой, расформированной после войны, из-за ее связи с Польским

Варшавского университета, Института истории ПАН, член Марксистского объединения историков. *Маковецкий Ежи* (1896—1944) — инженер, деятель Сопротивления в 1939—1944 гг., руководитель отдела информации БИП, Демократической партии (*Stronnictwo Demokratyczne*) в 1943—1944 годах. *Мантейфель Тадеуш* (1902—1970) — историк-медиевист, первый директор Института истории ПАН, президент польского исторического общества. *Хербст Станислав* (1907—1973) — историк Нового времени, прошлого Варшавы, профессор Варшавского университета, президент Польского исторического общества.

¹⁶⁸ *Kunert A. K.* Op. cit. S. 183; *Orman E.* O paradoksach i historiografii w czasach PRL-u... S. 14.

¹⁶⁹ *Mazur G.* Op. cit. S. 32.

¹⁷⁰ Обстоятельства убийства Видершалья и Маковецкого до сих пор не выяснены. Возможно, причина лежит в политическом поле: убитые придерживались левых взглядов и входили в Демократическую партию, в свою очередь Поплавский возглавлял радикальную националистическую боевую организацию. См.: *Mazur G.* Op. cit.

¹⁷¹ *Życioris* od 22.06.1953, Archiwum IH PAN, Akta osobowe prof. S. Kieniewicza 1953—1968, sygn. 2/205.

правительством в эмиграции и участия части бывших солдат в борьбе против новой власти (так называемые «проклятые солдаты»).

Участие в конспирации придавало хотя бы какое-то значение жизни в оккупации для историков, о чем вспоминал А. Гейштор в интервью Р. Яроцкому: «Наиболее трудно сначала было мысленно приспособиться к оккупационным условиям и придать смысл какой-нибудь деятельности, а это психологически зависело от надежды, что “еще не погибла Польша”»¹⁷². Кеневич отмечал, что участие в Сопротивлении было «внутренней, моральной поддержкой», которая помогала ему пережить войну, а также «ex post... позволило лучше понять не один аспект движения за независимость в XIX веке»¹⁷³.

Несмотря на тяжелые военные условия, ученые в Польше не переставали трудиться на выбранном ими ранее поприще. Кеневич продолжал начатое до войны исследование украинской униатской церкви, позже принялся за биографию историка и политического деятеля Михала Бобжиньского (1849—1935). К сожалению, весь наработанный материал был утрачен во время восстания 1944 года.

Многие ученые во время войны были вовлечены в работу тайных школ и университетов, поскольку образование для поляков и на польском языке было практически запрещено. Один из основателей Тайного университета западных земель, созданного на базе закрытого Познаньского университета, историк Владислав Коваленко¹⁷⁴ в 1943 году предложил Кеневичу читать лекции. Оба исследователя были знакомы, скорее всего, со времен учебы Кеневича в Познани (В. Коваленко окончил докторантуру под руководством К. Тыменецкого). Однако от тайного обучения Кеневич отказался. В автобиографии он отметил, что реальной причиной отказа была нехватка времени. Историк и так был занят в архиве и БИП. «Кроме того, — писал он в

---

¹⁷² *Jarocki R.* Op. cit. S. 86.

¹⁷³ *Kieniewicz S.* Z rozmyślań dziejopisa... S. 251.

¹⁷⁴ *Коваленко Владислав* (1884—1966) — историк судоходства, археолог, был инициатором основания и первым директором Высшей школы морской торговли в Гдыне и Сопоте.

воспоминаниях, — я опасался профессии учителя, которой ранее не занимался; не знал, справлюсь ли с подготовкой занятий в ненормальных военных условиях»¹⁷⁵.

Благодаря работе в подполье Кеневич знал о готовящемся восстании. Отправив двоих сыновей к родственникам под Краков, он сам остался с беременной женой. Во время восстания пытался спасти свой дом, охваченный пожаром, но был ранен пулей в шею. «С большим трудом возвращались ко мне силы, — писал позже Кеневич, — и тогда мне казалось, что уже никогда не вернется голос. Я думал: может, и переживу восстание, но профессором уже никогда не стану»¹⁷⁶. Историк выжил, но следующий год был для него, вероятно, самым мрачным за всю войну. Немцы вывезли чету Кеневичей с новорожденной дочкой до Прушкова, где разделили, отправив историка в концентрационный лагерь в Дахау. О последних месяцах войны историк писал в автобиографии: «Почти семь месяцев я провел поочередно в трех небольших концентрационных лагерях в Баден-Вюртемберг. На какое-то время благодаря знанию немецкого языка смог скрыться в “Schreibstube” (канцелярии. — А.С.) — вообще под конец Третьего рейха люди в концлагерях не гибли так массово. Тем не менее, когда в марте 1945 года нас освободили американцы, я был похож больше на скелет, покрытый язвами, и плохо мог держаться на ногах. Я получил в том году новый опыт, пригодившийся в дальнейших исследованиях XIX в.: вкусил польского мученичества и (уже после освобождения) польских эмиграционных склок. Вопреки мнению многих людей из окружения, я хотел вернуться в страну, как только удастся: во-первых, из-за жены и детей, во-вторых, поскольку не видел смысла заниматься историей Польши за пределами Польши»¹⁷⁷.

В итоге к концу 1945 года Стефан Кеневич вернулся в Польшу, старший и младший братья остались за границей. Любопытно, что уже с началом

---

¹⁷⁵ *Kieniewicz S. Z rozmyślań dziejopisa...* S. 251.

¹⁷⁶ *Ibid.*

¹⁷⁷ *Ibid.* S. 252.

трансформации в Польше Кеневич в телевизионном интервью несколько иначе сформулировал ту же мысль: «Быть историком Польши, вопросов борьбы за независимость»¹⁷⁸. Уже вряд ли удастся установить, была ли это дань времени или долгожданная возможность выразить мнение без обращения к эзопову языку. В ретроспективе разница в высказываниях, между которыми одиннадцать лет, представляется символичной и свидетельствует, скорее, не об общественно-политических изменениях в стране, а о сути ремесла историка, исследования которого являются отражением настоящего. В случае Кеневича борьба за независимость XIX века выступала метафорой оппозиционного движения в веке XX.

Детство и молодость историка пришлись на период мощного национального подъема, вызванного восстановлением независимости Польши. Несмотря на то что мир детства Кеневича, сына провинциального помещика, навсегда ушел в небытие вместе с восточными кресами и шляхтой, ученый, как он писал, «жил вместе со всем своим поколением в состоянии патриотической эйфории»¹⁷⁹. Ощущение того, что сто двадцать с лишним лет разделов были лишь перерывом в истории польской государственности, влияло на интерпретацию восстаний. Научные интересы и теоретические взгляды Кеневича во многом были обусловлены его шляхетским происхождением, религиозностью и национально-патриотическим подъемом после 1918 года.

§ 3. Польские восстания в довоенном творчестве Кеневича

В 1930-е годы Кеневич только начинал свою карьеру историка. Его изначально больше всего интересовал вопрос национально-освободительного движения и в особенности Весны народов, от которой он со временем перешел к изучению Январского восстания 1863 года, ставшего «сердцем» его научного творчества. Впоследствии интерпретация польской повстанческой традиции у

---

¹⁷⁸ *Kieniewicz S. Z rozmyślań dziejopisa... S. 252.*

¹⁷⁹ *Kieniewicz S. Sens czy też bezsens walk o niepodległość?... S. 23.*

Кеневича менялась под влиянием внешних политических и общественных перемен и развития собственных теоретических взглядов.

Первая научная работа Кеневича об Игнации Дзялыньском¹⁸⁰ была написана в классическом позитивистском ключе, то есть представляла с собой нарратив, в основе которого лежало большое количество источников, без оценок и как-либо существенных выводов. Польская повстанческая традиция не получила отдельного внимания, автор только подробно изложил биографию своего героя и охарактеризовал его участие в восстании Костюшко (1794). Впоследствии историк критически отзывался о монографии: «Особо не ценю ту свою первую книгу: ни ее притязательный стиль, ни взгляды, почерпнутые у А. Скалковского, ни фактографию, в которую меня постоянно тыкал носом Вацлав Токаж»¹⁸¹. Хотя потомки будут оценивать эту работу как имеющую, по мнению Е. Сковронка, «существенную ценность»¹⁸².

Четче оценка повстанческого движения проявляется в докторской работе Кеневича «Польское общество в Познаньском восстании 1848 года»¹⁸³. Уже на первой странице автор указывал, что оно было частью польского вопроса в XIX веке, который заключался в стремлении поляков вернуть утраченную государственность¹⁸⁴. Главной своей задачей историк видел необходимость показать и объяснить «поведение польского общества»¹⁸⁵, то есть вычленив причины восстания, его место в общенациональной борьбе за независимость, определить его особенности в Великом княжестве — территории, находившейся под владычеством Пруссии. Таким образом, Кеневич сосредоточился на исследовании политической истории, социальных процессов и ходе революционных событий, уделяя особенное внимание роли Л. Мерославского в них. Такой подход — поиск общих тенденций и выявление

¹⁸⁰ *Kieniewicz S. Ignacy Działyński 1754—1797...*

¹⁸¹ *Kieniewicz S. Z rozmyślań dziejopisa...* S. 246. *Вацлав Токаж* (1873—1937) — польский историк народных восстаний и военного дела.

¹⁸² *Skowronek J. Stefan Kieniewicz (1907—1992)...* S. 161.

¹⁸³ *Kieniewicz S. Społeczeństwo polskie w powstaniu poznańskim 1848 r. Warszawa, 1935.*

¹⁸⁴ *Ibid.* S. 5.

¹⁸⁵ *Ibid.* S. 5-6.

причин — показывает влияние методологии М. Хандельсмана на работу Кеневича.

В названии монографии под «польским обществом» историк подразумевал весь польский народ от шляхты до крестьян, включенных в борьбу. В первой главе автор рассматривает процессы и события, которые привели к восстанию. С одной стороны, это были внутри- и внешнеполитические причины. Для укрепления своего положения прусские власти проводили политику германизации польского населения. Обер-президент Великого княжества Э.Г. фон Флоттвелль поддерживал немецких колонизаторов с запада, отдавая им скупленные польские имения, преследовал шляхту в интересах мещанства; также прусское правительство ограничивало использование польского языка в школах и урезало права католической церкви, из-за чего в смешанных семьях дети должны были исповедовать протестантизм¹⁸⁶.

В то же время патриотически настроенная польская эмиграция поддерживала национальные объединения в княжестве. В частности, «Отель Ламбер» и князь Адам Чарторыйский вели активную пропаганду среди «пруссских» поляков, внедряли своих агентов, в Познани были открыты «Отель Базар» и Объединение научной помощи, которое давало стипендии талантливым молодым людям со всей страны. Значение таких организаций Кеневич выразил следующим образом: «Обыватель, князь и горожанин учились в таких организациях сотрудничеству, которое застигнет врасплох немцев в 1848 году»¹⁸⁷.

С другой стороны, Кеневич видел причины восстания не в жесткой политике Пруссии или эмигрантской пропаганде, а в распаде традиционного социально-экономического уклада. Сельскохозяйственные реформы, отмена крепостного права привели к росту числа наемных работников в деревне (большая часть крестьян не получила землю в собственность). В городах

---

¹⁸⁶ *Kieniewicz S. Społeczeństwo polskie w powstaniu poznańskim 1848 r. S. 30-35.*

¹⁸⁷ *Ibid. S. 38.*

происходил упадок ремесленной деятельности и формировался пролетариат среди польских мещан. Таким образом, «коморники (безземельные крестьяне. — А.С.) в деревне, ремесленники в городах — вот две группы, недовольные судьбой и поддающиеся революционной пропаганде», — писал Кеневич¹⁸⁸. В этом случае историк указывает, что на развитие польского движения влияли не только отдельные персонажи и политика властей, но и в равной степени экономические изменения, которые создавали благоприятную среду для повстанческой пропаганды.

Будучи учеником Скалковского, Кеневич значительное внимание уделял роли личности в истории. В революционных событиях 1848 года в польской части Пруссии исключительной важности персонажем был Людвик Мерославский, биографии которого историк посвятил часть работы, охарактеризовав его как «центральную фигуру... Познаньского восстания», «человека с большим дарованием и еще большими недостатками»¹⁸⁹. Для Кеневича Мерославский был не просто лидером повстанцев, но человеком, определившим ход восстания со всеми его победами и потерями. Автор молча соглашается с оценкой данной Мерославскому современниками: «Между нами [Ю. Ордегой и Ю. Высоцким], вся шляхта, как только видит Людвика [Мерославского], наполняется ненавистью к нему, прямо заявляя, что не даст ни гроша на дела под предводительством Людвика»¹⁹⁰. Таким образом, действия Мерославского во время восстания представляются существенным фактором, который привел к поражению.

К социально-экономическим аспектам Кеневич вернулся уже в заключении работы, где показал к каким изменениям привело восстание. По его мнению, несмотря на поражение повстанцев, в герцогстве Познаньском начал развиваться польский средний класс за счет учителей и служащих, отстраненных из-за участия в восстании, и оттока сельских жителей в город;

---

¹⁸⁸ *Kieniewicz S. Społeczeństwo polskie w powstaniu poznańskim 1848 r. S. 33.*

¹⁸⁹ *Ibid. S. 67.*

¹⁹⁰ *Ibid. S. 272.*

также «массовая эмиграция в Америку уменьшила вскоре перенаселение провинции», отмена чинша стимулировала прусскую экономику, «постепенно исчезали аномалии старого режима, польский элемент уподоблялся западному обществу, что делало его способным к жизни и борьбе с элементом чуждым»¹⁹¹. Таким образом, Кеневич снова указывал на важность социально-экономической составляющей польского вопроса — прогресс в общественной и хозяйственной сферах был не менее важен для развития польского общества, чем завоевания в политике.

Собственно, этих побед и не произошло. Проигрыш в восстании привел к перемене ориентации польского вопроса в Великой Польше, которая заключалась в том, что «пруссские» поляки отказались от вооруженной борьбы за возрождение государства. Отныне они стремились включиться в прусскую систему власти и перейти в разряд «легальной оппозиции»¹⁹². Эту меру историк посчитал «регрессом» идеала борьбы за независимость¹⁹³, который заключался в том, что Великая Польша закрывалась от Королевства и Галиции (российской и австрийской частей бывшей Речи Посполитой).

Можно говорить, что Кеневич в «Обществе польском в Познаньском восстании 1848 года» в целом отходит от традиционной методологии А. Скалковского, проводя анализ изучаемых событий в контексте идей М. Хандельсмана. Роль личности сохраняет влияние в историческом процессе, но только на общем фоне социально-экономических изменений.

В 1937 году Кеневич в небольшой статье «Участие Галиции в восстании»¹⁹⁴ впервые затронул тему Январского восстания 1863 года. Ученый сразу подчеркнул, что после Первой мировой войны внимание к событиям 1863 года со стороны историков возросло, однако «больше, правда, в свете текущей политики, чем исследований источников»¹⁹⁵. Предшественники

---

¹⁹¹ *Kieniewicz S. Społeczeństwo polskie w powstaniu poznańskim 1848 r. S. 267.*

¹⁹² *Ibid. S. 267-268.*

¹⁹³ *Ibid. S. 267.*

¹⁹⁴ *Kieniewicz S. Udział Galicji w powstaniu... S. 611-614.*

¹⁹⁵ *Ibid. S. 611.*

использовали в основном материалы воспоминаний, дневников и прессы, а архивные документы, особенно заграничные, оставались покрытыми пылью. В целом статья носила историографический характер с указанием изученных ранее тем и обозначением пробелов, которые необходимо восполнить новыми исследованиями. В их центре, пишет Кеневич, должна быть социальная история: «...отношение к [национально-освободительному] движению во всех его фазах отдельных сфер общества: аристократии, шляхты, клира, разных групп городской интеллигенции, народа в отдельных регионах, в конце концов евреев. В стороне остался русский вопрос [kwestia ruska] в Галиции 1863 года, который еще никто не изучал в нашей (польской. — А.С.) историографии. И другая сторона этой проблемы — переломное влияние восстания на социальную структуру и политические взгляды тех самых групп галицийского населения»¹⁹⁶. Таким образом, Кеневич обращает внимание на необходимость изучения не только политических, но и общественных процессов и изменений, произошедших во второй половине XIX века. Эта статья говорит о постоянном интересе Кеневича к социальным вопросам, которые он поднимал ранее в докторской диссертации. Пока рано утверждать, что у него сформировалась новое видение истории польских восстаний, скорее стали более ясно проявляться границы и темы дальнейших исследований, выкристаллизовываться собственные интересы.

Кеневич вновь вернулся к событиям Январского восстания 1863 года в рамках работы над биографией Адама Сапеги¹⁹⁷, которая представляет собой классическое биографическое исследование о выдающемся историческом деятеле. Автор подробно изложил все сложности и перипетии жизни польского аристократа и борца за независимость. Как справедливо отмечает М. Вольневич, на примере биографии «красного князя» отчетливо видно, что Кеневич анализировал польские бунты в духе повстанческой традиции пилсудистского направления в историографии, в рамках которого восстания

---

¹⁹⁶ *Kieniewicz S. Udział Galicji w powstaniu... S. 614.*

¹⁹⁷ *Kieniewicz S. Adam Sapieha (1828—1903)...*

рассматривались на основе исторического индивидуализма¹⁹⁸. Иными словами, история свершалась уникальными личностями, индивидуумами, которые выделялись из общей массы, продвигали благие для общества идеи, боролись за независимость Польши и возвращение ее прежних территорий, занятых тремя государствами в конце XVIII века. Такое героическое восприятие некоторых участников польских восстаний, в том числе Адама Сапегы, характерно для возродившейся после Первой мировой войны Польши. Вольневич также указывает, что непосредственно само Январское восстание Кеневич представлял как польско-русскую войну за независимость в границах, существовавших до разделов¹⁹⁹. С этой точки зрения причины восстания для Кеневича были очевидны и неизменны с момента потери Польшей независимости: «Как дошло до вспышки [восстания], мы не будем здесь анализировать. Вполне достаточно сказать, что разбуженные уже несколько лет силы нации (духовные и материальные) должны были рано или поздно напомнить об утраченных правах. Революционные настроения Европы только ускорили естественный процесс»²⁰⁰. Под «утраченными правами» историк понимал потерянные в результате разделов земли Речи Посполитой.

Таким образом, общественные и экономические процессы были для историка второстепенными. М. Вольневич, проведя анализ исследования об Адаме Сапеге, выявил, что «Кеневич интерпретировал восстания в категориях политических, близких к теории Мохнацкого²⁰¹. Повстанческая традиция в этом виде — как национальная борьба против России — была близка федералистским политическим концепциям Юзефа Пилсудского»²⁰². Мохнацкий был ярким представителем польского романтизма, для которого, соответственно, было очевидно, что важнейшим делом каждого поляка после

¹⁹⁸ *Wolniewicz M.* Między tradycją legionową a «tradycjami postępowymi»... S. 96.

¹⁹⁹ *Ibid.* S. 96.

²⁰⁰ *Kieniewicz S.* Adam Sapieha (1828—1903). S. 78.

²⁰¹ *Мохнацкий Маурицы* (1803—1834) — политический деятель, один из теоретиков польского романтизма. Был участником Ноябрьского восстания 1830—1831 гг., о котором написал хронику «Восстание польского народа в 1830 и 1831 году» (1834).

²⁰² *Wolniewicz M.* Między tradycją legionową a «tradycjami postępowymi»... S. 98.

разделов должна быть борьба за независимость государства. Собственно он сам был примером героя, который посвятил жизнь отстаиванию интересов Польши и оказался в пантеоне борцов за польскую независимость. Кеневич в некоторой степени продолжил эту традицию в своих ранних работах, делая акцент на значении отдельных личностей, среди которых был и А. Сапега, в восстаниях.

Спустя несколько десятилетий, уже под конец жизни, Кеневич искренне определил свои довоенные взгляды на польскую повстанческую традицию в статье «Смысл или бессмыслица борьбы за нее зависимость?» (1991): «Я писал в довоенные годы о заговоре, который предшествовал восстанию Костюшки; о Познаньском восстании 1848 года; о перипетиях „красного князя” Адама Сапеги, который ввязался в Январское восстание, а позже, в автономной Галиции, связанной с Габсбургами, поддерживал традицию независимости. Изучая эту тему, без труда руководствовался следующими оценочными критериями: правильными и позитивными были тенденции повстанческие и борьбы за независимость; неправильные (либо менее правильные) обратные стремления: соглашательские, пораженческие, капитуляционные. С этой позиции оценивал среди прочего правое крыло познаньского Национального комитета, а потом галицийских станчиков. В общем, относился с легким недоверием к радикальному крылу польских восстаний, скорее критически оценивал Мерославского²⁰³, пренебрежительно — польских демократов. Я не имел в тридцатые годы никаких контактов с польскими левыми, пэпээсовцами или коммунистами»²⁰⁴. Историк здесь, конечно, заблуждается, ведь сторонниками ППС, а позже Демократической партии (она образовалась в 1939 году вокруг сил, которые разделяли левые взгляды и антинационалистические²⁰⁵) были, например, Е. Маковецкий и

²⁰³ *Мерославский Людвик* (1814—1878) — польский генерал и политический деятель. Участвовал в деятельности разных эмигрантских организаций. Участвовал в подготовке восстания в Познани в середине 1840-х годов. Командовал интернациональным легионом Дж. Гарibaldi. С началом Январского восстания вернулся в Польшу, чтобы стать во главе движения, объявив себя диктором. После проигранных сражений бежал в Париж.

²⁰⁴ *Kieniewicz S. Sens czy też bezsens walk o niepodległość?.... S. 23-24.*

²⁰⁵ *Польша в XX веке... С. 227.*

М. Хандельсман²⁰⁶. Последний, по замечанию Е. Матерницкого, был одним из немногих историков, кто еще в начале века «отважился назвать марксизм „заслуженным направлением в науке“»²⁰⁷. А «весь БИП занимал позицию антисанационную, левую», на что указывает Р. Стобецкий²⁰⁸. Этот факт не свидетельствует о политических интересах Кеневича, но иллюстрирует его окружение, которое в большей или меньшей степени имело на него влияние.

Такое восприятие прошлого было характерно для среды, в которой жил Кеневич. В статье памяти Стефана Кеневича В.А. Дьяков отмечал, намекая на интерес польского коллеги к истории восстаний XIX века и Январского восстания 1863 года в частности: «Патриотические традиции семьи и атмосфера возрождения независимости Польши после длительной и тяжелой борьбы с иноземными захватчиками повлияли на мировосприятие студента-Кеневича и в значительной мере определили его научные интересы»²⁰⁹.

В первой половине XX века были заложены основы мировоззрения Кеневича. Его детство и юность прошли в неоромантической атмосфере национального подъема. К тому же традиционная культура дворянства кресов сформировала в историке патриотические чувства, в основе которых была ностальгия по независимости, а возрождение Польши после Первой мировой войны романтизировало повстанческую борьбу XIX века. По этой причине неудивительно, что в своей научной деятельности Кеневич сосредоточился именно на истории польских восстаний. Патриотические чувства подогревались во время учебы в 1930-х годах и оформились в ходе профессиональной деятельности (в том числе под влиянием А. Скалковского и М. Хандельсмана) в интерпретацию польского движения как борьбы со странами, окончательно разделившими в 1795 году Речь Посполитую. Результатом этой борьбы было закономерное восстановление независимости государства.

---

²⁰⁶ Dutkiewicz J. Op. cit. S. 516.

²⁰⁷ Maternicki J. Op. cit. S. 56.

²⁰⁸ Stobiecki R. Witold Kula (1916–1988). Historycz zaplątany w historii... S. 277.

²⁰⁹ Дьяков В.А. Стефан Кеневич и его место в польской исторической науке... С. 185.

Тем не менее Кеневич в первых работах считал своей задачей не только описать события прошлого, но понять глубинные причины национальной борьбы, психологию общества, выявить мотивы его поведения, желания и стремления. В этих поисках он отошел от политических процессов и обратился к социально-экономическим. Так в его первых работах (особенно в «Познаньском обществе») вырисовывался иной взгляд на причины восстаний, Кеневич начинал искать объективные, независимые от конкретных людей, процессы, которые привели к народным бунтам в Великой Польше, Галиции и других частях разделенного государства. Это были пробы в написании социальной истории Польши XIX столетия. В то же время Кеневич продолжал писать о важности отдельных исторических персонажей, которых принято называть «выдающимися личностями», в тех или иных событиях (Л. Мерославский, А. Сапега и другие) Историк был в самом начале профессионального пути, научный язык и собственный стиль только формировались, а теоретические взгляды колебались между позициями двух основных учителей. Но все поиски отошли на второй план в 1939 году с началом Второй мировой войны.

Глава 2. Перелом и адаптация: Стефан Кеневич и польская историческая наука в 1945 — 1950-х годах

§1. Реформирование польской исторической науки

В Польше после Второй мировой войны, нанесшей стране огромный материальный и духовный урон, среди прочих встал вопрос о восстановлении науки и образования, в том числе исторического. Процесс этот был нелегким не только из-за последствий войны (около 13% историков пропало без вести или погибло, уничтожена большая часть архивных материалов²¹⁰), но и по причине менявшейся политической конъюнктуры. В первые послевоенные годы в государстве, находившемся в разрухе, шла активная борьба за власть между коммунистами (Польская рабочая партия — ППР), социалистами (Польская социалистическая партия — ППС), демократами (Польская народная партия — ПСЛ) и другими более мелкими политическими объединениями. Несмотря на большую популярность ПСЛ среди населения²¹¹, к 1948—1949 годам коммунистам удалось, в основном благодаря поддержке СССР, завоевать власть в стране. Политический олимп заняла Польская объединенная рабочая партия (ПОРП), которая образовалась в результате объединения ППР и ППС в 1948 году.

Новая власть начала политику сталинизации. Термин общеупотребим как в современной российской, так и в польской историографии²¹². Для этого процесса были характерны идеологический монизм, рост влияния коммунистической пропаганды, объединение партийного и государственного

---

²¹⁰ Rutkowski T.P. Nauki historyczne w Polsce 1944—1970... S. 23.

²¹¹ По итогам референдума 1946 года было очевидно, что большинство граждан (не менее 60%) поддерживает оппозиционные ППР партии. Однако при содействии Советского Союза результаты были подтасованы в пользу коммунистов. См.: *Польша в XX веке...* 2012. С. 399.

²¹² См., напр.: *Польша в XX веке...*; *Горизонтов Л.Е.* «Методологический переворот» в польской историографии...; *Stobiecki R.* *Historiografia PRL...*; *Grabski A.F.* *Zarys historii historiografii polskiej...*; *Szumski J.* *Op. cit.*

аппаратов, руководящее влияние Москвы в польской политике, подавление оппозиции, установление культа личности советского вождя и пр. Использование термина «сталинизация» связано с необходимостью терминологического определения общих процессов, протекавших в странах социалистического лагеря в первом послевоенном десятилетии и закончившихся десталинизацией (1956), то есть критикой политики И.В. Сталина.

Результатом сталинизации должны были быть радикальные изменения во всех сферах общества с полным исключением оппозиции. При сталинистском режиме структура общества должна была соответствовать дихотомии: хорошие — плохие, друзья — враги. Однако исторический анализ конкретных социальных групп показывает, что общественное устройство было гораздо сложнее, что хорошо прослеживается на примере биографии Стефана Кеневича.

В первые послевоенные годы в Польше были возвращены к жизни высшие учебные заведения (возобновили свою деятельность Варшавский, Краковский, Люблинский католический и другие университеты), открыты новые исторические институты в Лодзи, Торуне и Вроцлаве; возобновили работу научные общества (Польская академия знаний²¹³, Польское историческое общество²¹⁴ и другие), вновь стали издаваться научные журналы «Квартальник хисторычны», «Пшеглэнд хисторычны» («Kwartalnik Historyczny», «Przegląd Historyczny») и другие²¹⁵. Историки-марксисты в первое время имели слабое влияние в академической среде. Даже при наличии ученой степени, отмечает Т. Рутковский, они не обладали научным авторитетом²¹⁶.

---

²¹³ Польская академия знаний образована в 1872 году на основе Краковского научного общества. До 1919 года называлось Академия знаний. В 1958 году была закрыта в связи с оппозиционными настроениями членов Академии, а все имущество передано Польской академии наук. Возобновила работу в 1989 году.

²¹⁴ Польское историческое общество — объединение профессиональных историков и любителей. Создано в 1886 году во Львове. С 1890 года каждые пять лет проводит съезды польских историков.

²¹⁵ См.: *Rutkowski T.P.* Nauki historyczne w Polsce 1944—1970... S. 23-136.

²¹⁶ *Ibid.* S. 94-95.

Однако ППР/ПОРП постепенно устанавливала контроль и над наукой. Р. Стобецкий выделяет следующие цели новых сталинистских институций (Партийная школа при ЦК ППР, Институт образования научных кадров при ЦК ПОРП, отдел Истории партии при ППР/ПОРП, Марксистское объединение историков):

1. Разделение и подавление исторического сообщества, с помощью создания конкурентных научных институтов;
2. Дискредитация традиционных и укорененных в историческом сообществе научных объединений;
3. Создание научной и идеологической альтернативы для исследователей, придерживающихся старых «буржуазных привычек»;
4. Воспитание новых кадров, способных предпринять «переустройство» исторической науки²¹⁷.

Двадцать восьмого октября 1947 года Совет высших школ Государственного национального совета принял Декрет об организации науки и высшей школы, значительно ограничивавший автономию университетов²¹⁸. Решение было проведено вопреки мнению ряда ученых советов университетов, которые отклонили проект. На пленуме ЦК ПОРП 20—21 апреля 1949 года было объявлено о необходимости идеологического наступления на науку²¹⁹. Проводниками политики партии выступали среди прочих отдел науки и высшей школы ЦК ПОРП и Марксистское объединение историков (как организация, альтернативная Польскому историческому обществу).

Однако далеко не все историки соглашались с насаждением марксистской методологии и коммунистической пропаганды, поэтому конфликт был неизбежен. Некоторые ученые открыто выступили против политики ППР/ПОРП, из-за чего в большей или меньшей степени подверглись гонениям. Были сняты с должности заведующие кафедрами Владислав

²¹⁷ *Stobiecki R.* Historiografia PRL... S. 47-48.

²¹⁸ *Hübner P.* Nauka polska po II wojnie światowej — idee i instytucji... S.45-53.

²¹⁹ *Rutkowski T.P.* Nauki historyczne w Polsce 1944—1970... S. 138.

Конопчинский (1948) и Адам Скалковский (1949), а Владиславу Семковичу²²⁰ Министерство просвещения отказало в праве на преподавание в 1948—1949 учебном году²²¹; в 1948 году Министерство просвещения не допустило к защите диссертацию Х. Верещицкого, тогда же из всех магазинов и библиотек была изъята его книга «Политическая история Польши. 1864—1918 годы»²²², изданная годом ранее²²³.

Для ограничения влияния «реакционной», с точки зрения ПОРП, Польской академии знаний, в 1953 году по аналогии с АН СССР была создана Польская академия наук (ПАН), обладавшая контролируемыми, организационными и координирующими функциями и подчинившая университеты, научные центры и сообщества Проводниками партийной политики среди историков были С. Арнольд, Ц. Бобиньская, Н. Гонсёровская, Ж. Корманова и другие, которые часто занимали руководящие посты в разных институтах²²⁴. «Сталинизация общественно-политической жизни ПНР не пощадила и науку этой страны», — резюмирует Л.Е. Горизонтов²²⁵.

---

²²⁰ *Конопчинский Владислав* (1880—1952) — историк, профессор Ягеллонского университета, член Польской академии знаний, первый редактор Польского биографического словаря, депутат Сейма Второй Речи Посполитой (1922—1927). *Семкович Владислав* (1878—1949) — медиевист, профессор Ягеллонского университета, член Польской академии знаний, занимался рядом вспомогательных исторических дисциплин: палеографией, генеалогией, геральдикой.

²²¹ *Ibid.* S. 139.

²²² *Wereszycki H.* Historia polityczna Polski 1864—1918...

²²³ *Stefan Kieniewicz — Henryk Wereszycki.* Korespondencja... S. 22.

²²⁴ *Арнольд Станислав* (1895—1973) — историк, профессор Варшавского университета, член ПАН, глава Департамента высшего образования и науки Министерства просвещения (1945—1947 гг.), руководитель кафедры Истории Польши и польского рабочего движения Высшей партийной школы (Школа неоднократно переименовывалась, с 1957 по 1984 год известна как Высшая школа общественных наук при ЦК ПОРП), шеф Марксистского объединения историков. *Бобиньская Целина* (1913—1997) — историк. Получила образование в СССР, под руководством В.И. Пичеты защитила в 1945 году кандидатскую диссертацию, в том же году вернулась в Польшу. Руководитель кафедры истории Польши Ягеллонского университета (с 1947 г.), лабораторией Аграрных исследований Института истории ПАН (1952—1968 гг.). *Гонсёровская Наталья* (1881—1964) — историк, профессор Лодзинского и Варшавского университетов, коммунистический деятель. Ректор Высшей педагогической школы в Лодзи (1946—1948 гг.), директор Исторического института (1945—1958 годах) и кафедры истории Польши (1945—1952 гг.) Лодзинского университета, председатель Польского исторического общества (1953—1956 гг.) и Ученого совета ПАН (1953—1964 годах).

²²⁵ *Горизонтов Л.Е.* «Методологический переворот» в польской историографии... С. 112.

Реформирование польской науки не было оставлено на откуп местным властям и проходило под пристальным контролем СССР. Наверху пирамиды стояла ВКП(б)/КПСС, определявшая и контролировавшая общественные и научные институты (Всесоюзное общество культурной связи с заграницей, Академия наук СССР, Институт марксизма-ленинизма и другие), а также дипломатические представительства СССР в Польше. Со временем назрел вопрос о создании в Советском Союзе научной организации, которая координировала бы работу историков в странах народной демократии и следила за содержательной стороной проводимых исследований. Такие обязанности были возложены на открытый в 1947 году в Москве Институт славяноведения. Важно заметить, что институт не был чисто пропагандистской организацией, а в первую очередь проводил научно-исследовательскую работу. Тем не менее советские ученые стали регулярно приезжать в ПНР с докладами, чтобы сориентировать польских коллег в тонкостях марксистского понимания прошлого²²⁶.

По мере укрепления коммунистической власти вопрос отношения к новой политике и насаждаемой теории становился для Кеневича решающим в его дальнейшей карьере. Историк вспоминал в автобиографии, что по возвращении в Польшу после войны среди первоочередных задач он видел поиск новой исследовательской темы и защиту диссертационного исследования (видимо, исходя из соображений, что это упростит вопрос с трудоустройством), поиск новой работы (в Главной дирекции архивов ему сообщили, что места для него нет) и нового дома (после воссоединения с семьей было необходимо в прямом смысле найти новое жилье, ведь вся Варшава была в руинах)²²⁷.

В 1946 году Кеневич защитил диссертацию в Ягеллонском университете. В основу текста легла его довоенная работа об

²²⁶ См.: *Носов Б.В.* Сотрудничество российских и польских историков в 1940—1950-е годы...; *Szumski J.* Op. cit.

²²⁷ *Kieniewicz S.* Z rozmyślań dziejopisa... S. 252-253.

Адаме Сапеге²²⁸, а обязательную лекцию он прочитал на тему «Крестьянский вопрос и вопрос независимости после разделов»²²⁹.

Рецензенты, В. Конопчинский, Ю. Фельдман и Х. Мосьцицкий²³⁰, высоко отзывались о работе Кеневича²³¹. Так, Ю. Фельдман подчеркивал использование широкой источниковой базы и «отношение автора к истории [Польши] после разделов, особенно [повстанческим] спискам и попыткам восстания, в противовес распространенному до недавнего времени в нашей историографии романтическому пафосу, отличается трезвым реализмом и, даже, язвительностью при формулировании суждений о важных явлениях»²³². Другой рецензент, Х. Мосьцицкий, был более сдержан в оценках. Но он также отметил высокий уровень работы, которая впервые в историографии представила научное описание истории польских территорий, аннексированных Австрией²³³.

Выбор университета для защиты не был случайным. В силу того, что Варшава была разрушена, а многие местные историки погибли во время восстания, уцелевший Краков оставался единственным вариантом для организации защиты. Ягеллонский университет быстрее остальных возобновил деятельность и, по утверждению Т. Рутковского, «в прямом смысле стал научным центром в Польше»²³⁴. В это время Кеневич продолжал исследование Познаньского восстания, а также обратился к изучению аграрного вопроса.

Полностью посвящая себя любимому занятию, С. Кеневич мало обращал внимания на политические события, современником которых он был.

²²⁸ *Kieniewicz S.* Adam Sapieha i Galicyjskie Towarzystwo Gospodarskie w przededniu powstania styczniowego (1860—1862)... S. 70-111.

²²⁹ *Kieniewicz S.* Sprawa włościańska a sprawa niepodległości w dobie porozbiorowej // *Nauka i Sztuka*. 1946. R. 2, t. 4. S. 267-283.

²³⁰ *Мосьцицкий Хенрык* (1911—1960) — историк Польши и польского рабочего движения. Директор Главного архива Управления контроля прессы и зрелищ (1946—1950), сотрудник отдела истории партии ЦК ПОРП.

²³¹ *Archiwum Uniwersytetu Jagiellońskiego, Akta Stefana Kieniewicza, sygn. Whm 36 Kieniewicz Stefan.*

²³² *Ibid.*

²³³ *Ibid.*

²³⁴ *Rutkowski T.P.* Nauki historyczne w Polsce 1944—1970... S. 26.

Рассказывая о второй половине 1940-х годах, историк отмечал, что «все еще не ориентировался в быстрых изменениях политической ситуации... Любезно полемизировал в печати с Юзефом Халасиньским, Хенрыком Яблоньским²³⁵, Жанной Кормановой²³⁶, нисколько не отдавая себе отчета о том, какие позиции занимали эти личности»²³⁷. Немаловажно, что свои рецензии на работы упомянутых авторов он публиковал на страницах католического журнала «Тыгодник повсехны» («Tygodnik Powszechny»). Кеневич писал, что в то время «не имел никакого представления об историческом материализме, основным его принципам и терминологии учился случайно, в ходе разговоров с коллегами и издателями, молча прислушиваясь к дискуссиям, особенно на ежегодных съездах Польского исторического общества»²³⁸.

Быстро вернуться в профессию историку помогло знакомство с другими исследователями из окружения М. Хандельсмана и военного подполья. Важно, что некоторые из них опирались на марксистскую теорию в исследованиях (С. Арнольд, В. Куля, М. Маловист и другие), не говоря уже об их личном участии в советизации науки. Связь историков-марксистов с довоенным польским историческим сообществом если не ослабляла давление власти на «буржуазных» ученых, то, по крайней мере, помогала продолжить научную и преподавательскую деятельность. Так Т. Рутковский обращает внимание, что решение о том, кто будет занимать должность директора Департамента высшего образования и науки, принимала партия, в 1945—1947 годах это был С. Арнольд — ученик М. Хандельсмана, «что ослабляло негативные последствия партийного назначения не только для Варшавского университета»²³⁹.

Во главе с Т. Мантейфелем ученые уже в 1945 году стали возрождать историческое образование в Варшаве. В 1947 году Кеневич получил должность

²³⁵ См.: *Kieniewicz S.* Opinia, parlament, praca // *Tygodnik Powszechny*. 1947. № 14/15. S. 13-14.

²³⁶ См.: *Kieniewicz S.* Dookoła Lelewela // *Tygodnik Powszechny*. 1946. № 37. S. 6.

²³⁷ *Kieniewicz S.* Z rozmyślań dziejopisa... 253.

²³⁸ *Ibid.* S. 254.

²³⁹ *Rutkowski T.P.* Nauki historyczne w Polsce 1944—1970... S. 32-33.

заместителя профессора в Варшавском университете (вместо оставшегося в эмиграции Оскара Халецкого)²⁴⁰ и начал вести семинар по истории Восточной Европы. Как специалист он был приглашен на празднование в Париже столетней годовщины Весны народов; Н. Гонсёровская привлекла его к работе над пятитомной «Весной народов в польских землях»²⁴¹, которую Кеневич окрестил «полунаучным изданием»²⁴², имея в виду его популярный характер. Словом, карьера ученого налаживалась. В ретроспективе видно, что активный и деятельный Т. Мантейфель взял С. Кеневича под свою опеку: назначив сначала его своим заместителем по международным вопросам в Главном управлении Польского исторического общества (в 1947 году был выбран новый состав Главного управления Общества, который пошел на сотрудничество с властью)²⁴³, потом заместителем по научной работе в Институте истории ПАН²⁴⁴. Поначалу умолчание С. Кеневича о своих симпатиях к тем или иным политическим силам помогло ему избежать конфликта с партийными историками, войти в организационный комитет столетней годовщины Весны народов, в котором большинство историков «активно поддерживало власть» (да и само торжество, по замечанию Т. Рутковского, носило «политико-пропагандистский характер»)²⁴⁵.

Однако в том же 1948 году С. Кеневич впервые столкнулся с открытым давлением власти. Польским коммунистам не удалось сразу подчинить исторические институты, поэтому важной пропагандистской площадкой для них стали конференции и съезды, в которых часто принимали участие советские ученые и партийные деятели. Задачей таких мероприятий было в большей мере не развитие науки, а ее регулирование в рамках новой

---

²⁴⁰ Groniowski K. Op. cit. S. 405.

²⁴¹ *Wiosna ludów na ziemiach polskich* / pod red. N. Gąsiorowskiej. Warszawa, 1948—1955. T. 1-4.

²⁴² *Kieniewicz S. Z rozmyślań dziejopisa...* S. 254.

²⁴³ *Rutkowski T.P. Nauki historyczne w Polsce 1944—1970...* S. 91.

²⁴⁴ *Archiwum IH PAN, Akta osobowe prof. S. Kieniewicza 1953—1968, sygn. 2/205.*

²⁴⁵ *Rutkowski T.P. Nauki historyczne w Polsce 1944—1970...* S. 103-104.

идеологии. На открытии VII Всеобщего съезда польских историков 19 сентября 1948 года во Вроцлаве Кеневич выступил с докладом о Весне народов, затронув тему крестьянского восстания в Галиции в 1846 году, последствиями которого стали подавление Австрийской империей польского либерального движения и присоединение Кракова к монархии Габсбургов. Историк так вспоминал о реакции слушателей: «Я сделал легкую аллюзию к галицийской резне, что вызвало как бы дрожь в зале, но легко выбрался из этой ситуации; не забыл отметить Бакунина и революционную польско-российскую дружбу... Доклад вызвал аплодисменты. [Ян] Рутковский шепотом... спросил соседа: “Проходило ли это цензуру?”... Министр просвещения Станислав Скжешевский не был доволен этой речью»²⁴⁶.

Обычно осторожный историк провел вполне очевидную аналогию между современными ему событиями и историей столетней давности, только агрессором выступала уже не Австрийская империя, а Советский Союз. Объяснить такой шаг можно тем, что у ученого еще оставалась надежда на сохранение хотя бы минимальной свободы творчества. Подтверждает этот тезис письмо Кеневича жене, в котором писал «о крохотной форточке для немарксистов. Вопрос, надолго ли? Все с энтузиазмом говорили об этой форточке, считая, как будто, что тот соус, в котором нас готовят, в целом не такой уж невкусный»²⁴⁷. Политическая обстановка не оставляла большого выбора немарксистскими ученым, перед которыми стоял вопрос об адаптации к новым реалиям. Впрочем, Кеневич достаточно быстро узнал, что партия не настроена закрывать глаза на вольнодумство. Его доклад не был опубликован в связи, как он считал, «с обострившейся идеолого-политической ситуацией», также две новые книги «застряли в издательстве по причинам, которые мне не объяснили»²⁴⁸. Уже на вроцлавском съезде С. Арнольд назвал статью

---

²⁴⁶ *Kieniewicz S. To i owo 1938—1948... S. 234-235.*

²⁴⁷ *Ibid. S. 235.*

²⁴⁸ *Kieniewicz S. Z rozmyślań dziejopisa... S. 266-267.*

С. Кеневича «История народа или история государства?»²⁴⁹ среди работ по новейшей истории, подлежащих ревизии (также были упомянуты Х. Верещицкий и В. Конопчиньский)²⁵⁰.

Вскоре после съезда Х. Верещицкий написал в письме Кеневичу: «Редакция “Квартальника хисторычного” колеблется — читай „боится” — помещать ли то, что Вы показывали мне на заседании Главного управления [Польского исторического общества]! О tempora o mores!»²⁵¹ Речь шла о рецензии Кеневича на труд Х. Верещицкого «Политическая история Польши после разделов», которую журнал так и не опубликовал по политическим причинам.

Официально цель польских и советских историков-коммунистов на съезде во Вроцлаве была схожей — продолжение советизации польской науки, но их отношение к ученым-немарксистам было различным. Историки из СССР (В.Д. Королюк, И.С. Миллер, М.В. Миско) в целом положительно отзывались о Кеневиче, отметив, что его работы «являются полезным дополнением к литературе по истории революции 1848 года»²⁵² Такая характеристика могла быть обусловлена тем, что советские историки не желали подогревать конфликт внутри польской интеллигенции, критикуя за «неправильные» взгляды исследователя, который не выступал открыто против власти и проводимых реформ.

В то же время лояльность советских коллег не отменяла научной полемики. В качестве примера можно обратиться к исследованию И.С. Миллером крестьянского вопроса в польском общественном движении

---

²⁴⁹ *Kieniewicz S.* Historia narodu czy historia państwa? W związku z art. Henryka Wereszyckiego «O problematykę najnowszej historii Polski» (Dzieje Najnowsze. 1947. T. 1. Z. 1) // *Historyk a świadomość narodowa...* S. 373-383.

²⁵⁰ *Powszechne Zjazdy Historyków Polskich w Polsce Ludowej. Dokumenty i materiały. Wstęp, wybór i pracowanie T.P. Rutkowski.* Toruń, 2014. S. 63.

²⁵¹ *Stefan Kieniewicz — Henryk Wereszycki. Korespondencja...* S. 93.

²⁵² *Koroluk W., Miller I., Misko M.* Op. cit. S. 291.

1840-х годов²⁵³. С одной стороны, исследователь использовал фактический материал, предоставленный Кеневичем в ряде работ, и даже соглашался с некоторыми его выводами²⁵⁴. С другой — полемизировал с ним по двум вопросам: степень развития капиталистических отношений в Галиции и оценка деятельности Ф. Смолки. С. Кеневич характеризовал его как демократа, а И.С. Миллер — «типичного и виднейшего представителя польского национал-либерализма»²⁵⁵. В основе расхождения лежала разница в теоретических подходах: марксистском у И.С. Миллера и де-факто немарксистском у Кеневича. Для польского историка причиной слабого развития капиталистических отношений в Галиции в первой половине XIX века были бюрократия, мешавшая развитию промышленности, «неопытность предпринимателей и недостаток капитала в стране»²⁵⁶. В свою очередь, И.С. Миллер видел главную причину в «сохранении феодально-крепостнических производственных отношений в сельском хозяйстве, а в значительной мере и на вновь появившихся мануфактурах, при полном политическом господстве феодалов»²⁵⁷. В то же время Кеневич в рецензии на исследование И.С. Миллера указал на его поспешность в выводах о влиянии мануфактур на «процесс формирования либерально-буржуазной и буржуазно-демократической идеологии определенных слоев польского общества», утверждая, что для подтверждения необходимы экономические данные, и только потом можно «искать его идеологические последствия»²⁵⁸.

В целом благосклонное отношение советских коллег не спасло Кеневича от дальнейшего давления со стороны ортодоксальных марксистов. Так, в 1950 году реферат Кеневича, подготовленный для IX Международного

²⁵³ Миллер И.С. Накануне отмены барщины в Галиции (Из истории идейно-политической борьбы в польском обществе в 30-40-х годах XIX столетия)... С. 119-240.

²⁵⁴ Там же. С. 135, 180, 232

²⁵⁵ Там же. С. 162.

²⁵⁶ Цит. по: Миллер И.С. Накануне отмены барщины в Галиции... С. 135.

²⁵⁷ Там же.

²⁵⁸ *Kieniewicz S. Rec.: Miller Ilja S.: Nakanunie itmieny barszcziny w Galicji. Iz istorii idieno-politycznej bor'by w polskom obszczestwie w 30-40 godach XIX stoletija // Uczonyje Zapiski Instytutu Sławianowiedienija. 1949. T. 1. S. 119-240... S. 457.*

конгресса исторических наук в Париже, первоначально не прошел цензуру. В протоколе заседания группы при отделе науки ЦК ПОРП реферат был обозначен как реакционный и националистический, а Ц. Бобиньской, Ж. Кормановой и В. Куле было рекомендовано обговорить его с автором²⁵⁹, то есть фактически указать, как его отредактировать в соответствии с требованиями цензуры. Но выступление С. Кеневича не состоялось, поскольку ПОРП отказалась от участия Польши в Конгрессе, что означало разрыв отношений с мировой исторической наукой²⁶⁰.

Л.Е. Горизонтов цитирует характеристику членов польской делегации в Москву, подготовленную для Института славяноведения АН СССР коммунистическим деятелем, историком С. Ковальски-Натонсоном (1904—1986) и членом Политбюро ПОРП Я. Берманом. Ими были выделены три группы историков в соответствии с лояльностью новой политике: партийные историки, беспартийные, но близкие к марксизму и те, кому было отказано в визите по следующим причинам: Е. Домбровскому, «так как является последовательным агентом Ватикана», З. Войцеховскому, «так как он стоит на националистических позициях», Ю. Костржевскому из-за его «буржуазных позиций», А. Ветуляни, как «отъявленному реакционеру» и Кеневичу, который, «хотя и выступал с некоторыми интересными трудами, имеет какие-то связи с реакционными католическими кругами»²⁶¹. Таким образом, для коммунистической власти Кеневич первоначально был не просто ученым, далеким от исторического материализма, но одним из ярких представителей «реакционных», «буржуазных» историков.

Историк Э. Орман справедливо отмечает, что «в глазах партийных деятелей его (С. Кеневича. — А.С.) дискредитировали шляхетско-помещичье происхождение, католическое мировоззрение и предшествующие работы, довоенная книга об Адаме Сапеге и издание работы об Адаме Чарторыйском

²⁵⁹ Цит. по: *Rutkowski T.P. Nauki historyczne w Polsce 1944—1970...* S. 159.

²⁶⁰ *Ibid.* S. 160; *Stobiecki R. Historiografia PRL...* S. 51.

²⁶¹ Цит. по: *Горизонтов Л.Е. «Методологический переворот» в польской историографии...*, 1997. С. 114.

пера Марцели Хандельсмана»²⁶². Свое происхождение ученый не афишировал: в 1952 году в персональной анкете сотрудника ПАН он указывал, что происходит из «работающей интеллигенции»²⁶³. А во введении к монографии о Чарторыйском Кеневич охарактеризовал автора как «прогрессивного деятеля и убежденного демократа»²⁶⁴. Такая оценка противоречила растущей критике Хандельсмана со стороны партийных историков²⁶⁵.

Партийные организаторы I Конгресса польской науки в 1951 году тщательно следили за тем, какое отношение к марксистской теории имеют будущие участники. По требованию организационного бюро конгресса Ж. Корманова подготовила реферат (22 февраля 1951 года), где дала достаточно объемную характеристику польскому историческому сообществу, подчеркнув, что «большинство профессоров и научных кадров» обратилось в своих исследованиях к марксизму, однако «представляется плохо организованным ознакомление историков с основами исторического материализма. Доныне не было ни одного курса, ни одного семинара такого типа для историков»²⁶⁶.

Стоит упомянуть классификацию исследователей, в которой Ж. Корманова выделила четыре группы по идеологическому принципу: «1) Рядом с горсткой партийных профессоров (Арнольд, Бобиньская, Яблоньский, Малечыньская, Гонсёровская, Маевский, Ассородобрай, Корманова²⁶⁷), марксистская подготовка которых и идеологическая зрелость

²⁶² Orman E. Op. cit. S. 22-23.

²⁶³ Ankieta personalna od 04.12.1952, Archiwum IH PAN, Akta osobowe prof. S. Kieniewicza 1953—1968, sygn. 2/205.

²⁶⁴ Kieniewicz S. Wstęp // Handelsman M. Adam Czartoryski. T. 1. Warszawa, 1948. S. IX.

²⁶⁵ О критике М. Хандельсмана см.: Górny M. Op. cit. S. 241-245.

²⁶⁶ APAN, I Kongres Naukowy, sygn. I-10/36 «Komitet wykonawczy (sprawozdania z działalności Biura, Sekcji i Podsekcji. 1950—1951)», k. 363-364.

²⁶⁷ Ассородобрай-Куля Нина (1908—1999) — историк, социолог, профессор Варшавского университета. Проводила исследования по истории промышленности и исторической памяти. В 1968 году была исключена из ПОРП. Маевский Рышард (1931—2007) — полковник Войска польского, профессор истории. Написал несколько работ по истории Второй мировой войны. Малечыньская Эва (1900—1972) — историк Средних веков, Силезии и польско-чешских отношений, профессор Вроцлавского университета, член ПОРП. Яблоньский Хенрык (1909—2003) — польский историк и политик. Министр высшего

очень многообразны, 2) можно назвать группу, заявляющих о себе как марксистах, но выдвигающих разные заявления или допускающие в работе либо отклонения, либо вульгаризацию методологии (Маловист, Куля, Бежунская, Сренёвский, Хербст, Пиварский, Серейский, Дуткевич, Малечыньский²⁶⁸). Эта группа растет количественно и вместе с первой может уже составить решающее ядро в университетской исторической науке. 3) группа старых профессоров с разным идеологическим и мировоззренческим багажом, обладающих большой эрудицией, но придерживающихся старых методологических взглядов. На такую группу не стоит рассчитывать, но следует окружить вниманием и заботой, изолируя от реакционных и усиливая воздействие прогрессивных факторов и научных центров (Мантейфель Т., Кеневич, Гродецкий, Ловмяньский, Инглот, Барыч, Томкевич, Кипа, частично Я. Домбровский, Тыменецкий²⁶⁹). Наконец, 4) группа профессоров,

---

образования ПНР (1965—1966), министр просвещения и высшего образования (1966—1972), Председатель Государственного совета ПНР (1972—1982).

²⁶⁸ *Бежунская-Маловист Иза* (1917—1995) — историк Античности, профессор Варшавского университета. *Дуткевич Юзеф* (1903—1986) — историк Польши, Ноябрьского восстания 1830—1831 годов и международных отношений в XVIII—XX веках. Директор института истории Лодзинского университета (1956—1970). *Малечыньский Кароль* (1897—1968) — историк-медиевист и палеограф. Профессор Вроцлавского университета. Перевел на польский язык «Хроники» Галла Анонима. *Маловист Мариан* (1909—1988) — историк-медиевист, профессор Варшавского университета. Его исследования концентрировались вокруг экономического развития Центральной и Восточной Европы в позднем средневековье. Был членом Марксистского объединения историков. *Пиварский Казимеж* (1903—1968) — историк, профессор Ягеллонского университета, основатель Марксистского объединения историков. Проводил исследования политической истории стран Европы и международных отношений в Новое и Новейшее время. *Серейский Мариан Хенрык* (1897—1975) — историк Средних веков и польской историографии. Профессор Лодзинского университета. *Сренёвский Станислав* (1912—1957) — историк, ректор Высшей педагогической школы в Лодзи (1949—1950). Занимался исследованием правовых и аграрных отношений в польской деревне в Новое время.

²⁶⁹ *Домбровский Ян* (1890—1965) — историк средневековой Польши и Венгрии, профессор Ягеллонского и Вильнюсского университетов. *Барыч Хенрык* (1901—1994) — архивист, историк, профессор Ягеллонского университета. Исследовал историю образования и науки в Польше в Новое время. *Гродецкий Роман* (1889—1964) — историк-медиевист, профессор Ягеллонского университета. Проводил исследования экономической истории средневековой Польши. *Кипа Эмиль* (1886—1958) — историк Польши и международных отношений. Сотрудник польского консульства в Гамбурге (1931—1937). *Ловмяньский Хенрык* (1898—1984) — историк-медиевист, профессор, директор Института истории Университета им. А. Мицкевича (1956—1968). В сферу его исследований входили вопросы экономической истории и происхождения славянских государств (Польши времен Пястов, Киевской Руси), а

переориентация которых мне кажется малоправдоподобной; которых характеризует чуждость, а часто методологическая враждебность, которые демонстрировали в течение 1945—50 годов сравнительно меньшую идеологическую эволюцию, продолжая оставаться на националистических и „западных” позициях (Пётрович, Коланковский, Гурский)»²⁷⁰.

В том же реферате Ж. Корманова привела работы С. Кеневича по истории Весны народов в качестве примера «разработки польских прогрессивных традиций»²⁷¹, имея в виду связь революционной традиции XIX века с деятельностью современного ей коммунистического движения.

Любопытно, что Кеневич в этом списке упомянут рядом с его учителем К. Тыменецким. Последнего нельзя отнести к сторонникам нового порядка, но его срединное положение определяла сфера научных интересов — в своих исследованиях познаньский профессор много внимания уделял социально-экономическим вопросам. По этой причине Е. Матерницкий даже указал его среди ученых, стоявших у истоков экономической истории в Польше²⁷².

Возвращаясь к характеристике Ж. Кормановой, польские историки неоднократно обращались к этому документу²⁷³, однако не всегда точно, сознательно или нет, передавали его содержание. Например, П. Хюбнер, почему-то вырвав часть текста из контекста, поменял смысл характеристики данной Ж. Кормановой третьей и четвертой группам: «...”старые профессора”»,

---

также история Восточной Пруссии и Великого Княжества Литовского. Центральное место в его библиографии занимает многотомное исследование «Начала Польши». *Томкевич Владислав* (1899—1982) — историк международных отношений и искусства. В ПНР по политическим причинам был вынужден обратиться к истории искусства Нового времени.

²⁷⁰ *APAN, I Kongres Naukowy, syg. I-10/36 «Komitet wykonawczy (sprawozdania z działalności Biura, Sekcji i Podsekcji. 1950—1951)»*, k. 364. *Гурский Кароль* (1903—1988) — историк-медиевист и католический деятель. Исследовал историю Восточного Поморья, Тевтонского ордена и польских земель на Балтике. *Коланковский Людвик* (1882—1956) — историк Польши, политик, сенатор (1838—1839), первый ректор Университета Н. Коперника в Торуне (1945—1948). *Пётрович Людвик* (1886—1957) — историк Античности, член-корреспондент Польской академии знаний.

²⁷¹ *APAN, I Kongres Naukowy, syg. I-10/36 «Komitet wykonawczy (sprawozdania z działalności Biura, Sekcji i Podsekcji. 1950—1951)»*, k. 365.

²⁷² *Maternicki J. Op. cit. S. 130.*

²⁷³ *Hübner P. Polityka naukowa w Polsce w latach 1944—1953. Geneza systemu... S. 800; Rutkowski T.P. Nauki historyczne w Polsce 1944—1970... S. 170.*

которых следует „изолировать”; и профессора, стоящие на „националистических и западных позициях”. На „изоляцию” были обречены среди прочих Т. Мантейфель, С. Кеневич, Х. Ловмянский, Х. Барыч, а на „частичную” изоляцию — это была собственно пятая группа (Хюбнер продолжает вольно интерпретировать текст, в оригинале конкретно указаны четыре группы. — А.С.) — Е. Домбровский и К. Тыменецкий. Полностью „проклятые” были К. Гурский, Л. Пётрович и Л. Коланковский»²⁷⁴. К сожалению, неточным цитированием историк вводит читателей в заблуждение, выдумав пятую группу историков и фактически написав, что Ж. Корманова предлагала предать остракизму С. Кеневича и других историков, хотя она, напротив, хотела «изолировать», оградить их от коллег, которые упорно продолжали отстаивать довоенные взгляды.

Реверанс С. Кеневича в сторону ортодоксального марксизма помог ему избежать попадания в среду маргинальных, с точки зрения партии, ученых. К слову, Я. Берман даже упомянул его среди специалистов, которые могут войти в состав формирующейся кафедры Новой истории Варшавского университета²⁷⁵. Однако дальнейшие события свидетельствуют о том, что этот шаг Кеневича был вынужденным и носил скорее формальный характер.

В воспоминаниях историк приводит еще один случай давления со стороны коммунистической власти. На рубеже 1951—1952 годов на I Методологической конференции в Отвоцке, по замечанию Р. Стобецкого — «одной из самых темных страниц в послевоенной истории польской гуманитарной науке»²⁷⁶, — Кеневич обнаружил себя среди «черных овец» — ученых, в чьей лояльности не были уверены партийные историки²⁷⁷, однако ему удалось избежать критики (в отличие от Х. Верещицкого). Спасло историка, по его собственному утверждению, издание работы «Крестьянское движение в Галиции в 1846 году», экземпляры которой он раздавал на конференции.

²⁷⁴ *Hübner P.* Polityka naukowa w Polsce...

²⁷⁵ *AAN, Akta Jakuba Bermana, sygn 325/13. Pisma, notatki, informacje i tp., k. 55.*

²⁷⁶ *Stobiecki R.* Historiografia PRL... S. 97.

²⁷⁷ *Kieniewicz S.* Z rozmyślań dziejopisa... S. 255.

Историк вспоминал: «Внезапно президиум объявил перерыв на несколько минут. За кулисами велись заседания посвященных людей, потом один из них отвел меня в сторону и заявил, что внесение меня в список обвиняемых было недоразумением»²⁷⁸.

Все же недоверие к С. Кеневичу среди творцов сталинистской науки сохранялось. Свидетельством этому является, например, пара кратких комментариев Ж. Кормановой, которые можно найти в ее конспектах докладов, прозвучавших на конференции. Выписанные тезисы доклада редактора журнала «Новы дроги» («Nowy Drogi») Ю. Гутта (29 декабря) отличаются по содержанию от текста, опубликованного в двухтомнике «Первая методологическая конференция польских историков»²⁷⁹. Ж. Корманова записала рядом с фамилией С. Кеневича: «„История народа или история государства” — отсутствие инициативы наших правящих элит»²⁸⁰. Это была прямая цитата из указанной статьи Кеневича, написанной в 1947 году в качестве комментария к статье Х. Верещицкого «О проблемах новейшей истории Польши»: «Скорость прогресса в Польше можно рассматривать как сумму двух независимых сил: общемирового устройства общественно-экономических отношений и локальных основ польского (относительно зависимого) правления и общества. На конкретном примере двадцатилетнего периода: вялость прогресса в межвоенной Польше объясняется как общей стагнацией отношений в тогдашнем капиталистическом мире, так и *отсутствием инициативы наших правящих элит* (курсив мой. — А.С.)»²⁸¹. Однако в опубликованных материалах конференции никаких комментариев ни о статье, ни о Кеневиче нет. Трудно установить причину удаления этого фрагмента. Судя по контексту, Кеневич критикует межвоенную власть в торможении развития Польши. Такая оценка вряд ли бы вызвала недовольство

²⁷⁸ Kieniewicz S. Z rozmyślań dziejopisa... S. 255.

²⁷⁹ Pierwsza konferencja metodologiczna... 1953. S. 41-64.

²⁸⁰ AAN, Akta Żanny Kormanowej, sygn 1573/242, k. 59.

²⁸¹ Цит. по: Kieniewicz S. Historia narodu czy historia państwa? W związku z art. Henryka Wereszyckiego «O problematykę najnowszej historii Polski» (Dzieje Najnowsze. 1947. T. 1. Z. 1)... S. 29.

партийных деятелей, однако упоминание о ней все же не было обозначено в итоговых материалах конференции, возможно в связи с вышеупомянутой критикой статьи С. Арнольдом еще в 1948 году.

На следующий день, 30 декабря, с докладом выступал уже С. Кеневич. Ж. Корманова после выписанных тезисов, которые точно совпадают с опубликованным текстом, дописала почему-то по-русски «кустарничество и ползучий эмпиризм»²⁸². Почему ремарка была сделана на другом языке, а потом зачеркнута? Была ли она кому-то адресована или нет? Ответить на эти вопросы пока не удалось. Однако можно утверждать, что эти комментарии носят критический характер. Ж. Корманова взяла эти термины из советской пропаганды, которой научилась, пока жила в Советском Союзе²⁸³. В толковом словаре Д.Н. Ушакова даются следующие определения: «*Кустарничество* — работа, ведущаяся примитивным способом, неорганизованно, неискусно. *Ползучий эмпиризм* — беспринципное и бесперспективное делчество, то есть узкий практицизм и беспринципность и забвение политических задач пролетариата»²⁸⁴. Заметки Ж. Кормановой можно интерпретировать как обвинение Кеневича не только в непрофессионализме, но и в игнорировании как марксистско-ленинской теории (в сталинистской интерпретации), так и ведущей роли рабочих в классовой борьбе.

В своих воспоминаниях в 1980 году Кеневич несколько раз указывал на влияние внешних факторов на его жизнь. Например, о своем зачислении в список неблагонадежных историков в Отвоцке он писал: «Это было только фрагментом более широкой и важной игры, которая велась за пределами моего знания и влияния»²⁸⁵. Хотя дальнейшая роль в этой игре во многом зависела от

²⁸² AAN, Akta Żanny Kormanowej, sygn 1573/242, k. 64.

²⁸³ С началом Второй мировой войны Корманова бежала из Варшавы в занятый Красной армией Белосток и дальше в СССР. Получила советское гражданство, была членом ВКП(б). Активно занималась вопросами образования и просвещения, воспитания детей, правами женщин. Разработала программу обучения истории для польских школ в СССР. Была сотрудником Института истории АН СССР, ученица В.И. Пичеты.

²⁸⁴ См.: *Толковый словарь* Д.Н. Ушакова. URL: <http://ushakovdictionary.ru> (дата обращения: 15.10.2018).

²⁸⁵ *Kieniewicz S. Z rozmyślań dziejopisa... S. 254.*

него самого. Можно предположить, что такая покорность обстоятельствам вытекала из религиозности историка. Или другой пример, в воспоминаниях С. Кеневич писал: «Моей судьбой управляли внешние обстоятельства»²⁸⁶. Ученый мог иметь в виду своих коллег по цеху, которые помогали ему вернуться в профессию после войны, а также независящие от него политические перемены в государстве, которые непосредственно влияли на его жизнь. Но даже спустя десять лет он продолжал ссылаться на роль случая в его жизни: «После смерти Хандельсмана, Фельдмана, Видершаля, Русьяна, Лесневского я обнаружил себя среди специалистов» по истории Весны народов²⁸⁷. В этой ситуации для С. Кеневича решающим фактором был не его профессионализм, а воля случая. С таких же позиций можно объяснить и его обращение к марксистской методологии — для историка не было выбора в этом вопросе, его решение было предопределено обстоятельствами, которые он принял с христианским смирением. Марксизм стал для него теоретической основой исследования, но не основой мировоззрения, которое базировалось скорее на идеях католицизма.

В похожем ключе Кеневич закончил письмо Х. Верещицкому от 20 ноября 1981 года, в котором обмолвился о политических брожениях в Польше начала 1980-х годов: «Долго ли еще будем строить нашу действительность (не говоря уже о прошлом) на удивительных случайностях Провидения?»²⁸⁸

В Отвоцке на Кеневича было оказано давление: занесение в «черный список», нападки со стороны Ю. Гутта и Ж. Кормановой. Думаю, что историк заблуждался, считая, что от дальнейшей критики его спасло обращение к аграрному вопросу в исследованиях. Главную роль сыграл переход к марксистской методологии, поэтому критика партийных историков не попала в опубликованные материалы конференции.

---

²⁸⁶ *Kieniewicz S. Z rozmyślań dziejopisa... S. 254.*

²⁸⁷ *Kieniewicz S. To i owo 1938—1948... S. 234.*

²⁸⁸ *Stefan Kieniewicz — Henryk Wereszycki. Korespondencja... S. 588.*

Историкам, проводившим сталинизацию науки, удалось осуществить реформу исторической науки, в результате которой она потеряла автономию, была введена централизованная система управления, целью которой было установление партийного контроля. Советские историографы видели успех ревнителей новой политики в Отвоцке. Например, Л.А. Зашкильняк определял результат конференции как переход инициативы в руки историков-марксистов²⁸⁹. Такая точка зрения сохранилась и после распада СССР. Так, Б.В. Носов утверждает, что эта конференция ознаменовала «поворот в развитии польской исторической науки и переход польских историков на позиции марксистской методологии»²⁹⁰.

Но все же этот успех был иллюзорным. Л.Е. Горизонтов утверждает, что «победа здравого смысла в 1952 г. ... определила судьбу польской историографии и историков в последние годы культа личности и быстрый успех „оттепели” на „историческом фронте” во второй половине 50-х годов», а по мнению Р. Стобецкого, для ортодоксальных историков-марксистов конференция стала «пирровой победой»²⁹¹. Даже среди советских историков не было единства в оценках этого события, о чем подробно пишет Шумский, отмечая, что руководитель советской делегации Б.Д. Греков стремился «не допустить до победы догматиков, зная на основе собственного горького опыта, какие могут быть результаты», а, отдавая должное высокому уровню развития польской науки, сохранить положение историков «старой школы» при перестройке науки в ПНР на советский лад²⁹². Возможно, пропартийные историки реально воспринимали Отвоцкую конференцию как апогей методологического поворота, но в ретроспективе видно, что им не удалось завоевать авторитет среди ученых и установить тотальный контроль над исторической наукой, даже несмотря на то, что их количество в университетах

---

²⁸⁹ *Зашкильняк Л.А.* Указ. соч. С. 69.

²⁹⁰ *Носов Б.В.* Сотрудничество российских и польских историков в 1940—1950-е годы... S. 178.

²⁹¹ *Горизонтов Л.Е.* «Методологический переворот» в польской историографии..., 1997. S. 125; *Stobiecki R.* *Historiografia PRL...* S. 115.

²⁹² *Szumski J.* Op. cit. S. 165-166.

росло. Статистическое подтверждение есть в архивных документах Я. Бермана: в декабре 1949 году в партии состояло 357 научных сотрудников (19,6 % от всего числа), а в декабре 1953 года — 1131 (31,5 %), но большую часть из них составляли младшие научные сотрудники (адъюнкты и ассистенты) и контрактные ученые: в 1949 году — 298 человек (83,5%), 1953 году — 1039 (91,7%)²⁹³. Р. Стобецкий указывает, что партийные историки «не имели значительного веса в академической среде, а «проводившееся административными методами переустройство исторической науки с трудом находило поддержку»²⁹⁴. Тем не менее сопротивление давлению власти означало исключение из сообщества. Ортодоксальные историки-марксисты стремились завершить установление полного контроля над наукой, а несогласные боялись, что «штурвал исторической науки будет отдан в руки группе наиболее догматичных, не имеющих профессионального образования историков»²⁹⁵. Необходимо было найти компромисс. Баланс был сохранен благодаря принятию оппозиционными историками марксистской методологии и ее творческой адаптации, что позволило им сохранить позиции в историческом сообществе. Собственно, так же повел себя Кеневич: ученый мог продолжать работу в существующей системе, несмотря на происхождение, религиозность и слабое сопротивление советизации науки в первые послевоенные годы. Изменения не заставили долго ждать. В 1952 году от руководства журнала «Пшеглэнд хисторычны» отстранили Ц. Бобиньскую, а позднее от этой должности самостоятельно отказалась Изабела Бежуньска-Маловист (обе исследовательницы состояли в Марксистском объединении историков²⁹⁶). В результате новым редактором был выбран беспартийный С. Кеневич.

Таким образом, в первое послевоенное десятилетие в Польше под натиском политических изменений и процессов произошли существенные

---

²⁹³ AAN, Akta Jakuba Bermana, sygn 325/18, k. 56.

²⁹⁴ *Stobiecki R.* Historiografia PRL... S. 100.

²⁹⁵ *Ibid.* S. 110.

²⁹⁶ *Rutkowski T.P.* Nauki historyczne w Polsce 1944—1970... S. 163.

перемены в теоретической основе научных работ. Биография Кеневича является ярким примером сложности развития не только исторической науки в ПНР, но и общественно-политических и советско-польских отношений. Не занимавшие полярных позиций историки должны были найти свое место в стране, оказавшейся после войны в сфере влияния Советского Союза. Перед С. Кеневичем не стоял выбор, поддерживать или нет установившуюся коммунистическую власть. Вопрос был в том, как в новых условиях проводить качественные исследования. Выходом было декларативное принятие марксистской методологии (как она навязывалась коммунистической партией).

Однако уже на излете сталинизма ортодоксальные марксистские историки стали терять позиции в науке. Это не освободило науку от государственного контроля, но способствовало более успешной ассимиляции историков, выбравших научное изучение прошлого своей профессией.

§2. «Оттепель» и десталинизация в польской исторической науке

Десталинизация, начавшись с выступления Н.С. Хрущёва на XX съезде КПСС в 1956 году, практически сразу охватила все страны социалистического лагеря и все сферы общества. Т. Рутковский так описывает произошедшие перемены в польской исторической науке: «В течение первого года после октябрьских событий сообщества историков концентрировалась на активном использовании достижений этого периода, которыми — помимо расширения границ свободы управления наукой — были реорганизация университетских структур и изменение образовательных программ. Результатом этого периода было среди прочих значительное усиление в университетах роли довоенных ученых. Они снова заняли управляющие функции, также вернули влияние на университетских сотрудников и их карьерный рост»²⁹⁷.

Одним из первых признаков ослабления контроля властей стало возобновление контактов с мировой исторической наукой. Делегация польских

---

²⁹⁷ *Rutkowski T.P. Nauki historyczne w Polsce... S. 351.*

историков приняла участие в X Международном конгрессе исторических наук в Риме (4—11 сентября 1955 года). З. Ромек указывает, что «импульсом для организации этого выезда был сигнал из Москвы»²⁹⁸. Это решение имело двойственный характер. С одной стороны, участие ученых из стран социалистического лагеря (ПНР, СССР, Чехословацкая СР и другие) было результатом изменений политической конъюнктуры. Я. Шумский справедливо отмечает, что «смена команды руководящей в Кремле, и прежде всего отход от сталинских канонов ведения внешней политики, желание восстановления позитивного образа СССР, в том числе в научных центрах, способствовало принятию ЦК КПСС решения и разрешению участия советской делегации в X Международном конгрессе исторических наук в Риме осенью 1955 года»²⁹⁹.

Но с другой — коммунистические власти опасались вольной интерпретации истории учеными. По этой причине Я. Берман еще в ноябре 1954 года на встрече с партийными деятелями и историками (А.Л. Сидоров, Э. Охаб, Т. Данишевский, Б. Леснодорский, Л. Гросфельд³⁰⁰), посвященной формированию единой делегации от социалистических стран, заявил о необходимости «совместно представить марксистскую историческую науку»³⁰¹. С похожим предложением выступал и Юзеф Мацек (1922—1991) — директор Института истории АН Чехословакии. Этот план не был воплощен в жизнь, но Отделом науки и культуры ЦК КПСС были разработаны рекомендации для советских ученых, регламентирующие их участие в Конгрессе. Таких рекомендаций для польской делегации не обнаружено, но стоит согласиться с

---

²⁹⁸ Romek Z. Op. cit. S. 72.

²⁹⁹ Szumski J. Op. cit. S. 224.

³⁰⁰ Данишевский Тадеуш (1904—1969) — коммунистический деятель, директор Партийной школы ПОРП, заведующий отделом истории партии ПОРП. Сидоров Аркадий Лаврович (1900—1966) — советский историк. Проводил исследования экономической истории России начала XX века. Леснодорский Богуслав (1914—1985) — историк польской политической мысли. Охаб Эдвард (1906—1989) — политический и государственный деятель, первый секретарь ЦК ПОРП (1956), председатель Государственного совета (1964—1968).

³⁰¹ Цит. по.: Szumski J. Op. cit. S. 223.

Я. Шумским, что это не исключает их существование хотя бы в устной форме³⁰².

В любом случае это был прорыв для социалистической исторической науки, поскольку у ученых впервые после Второй мировой войны (последний раз советская делегация принимала участие в Международном конгрессе в 1933 году, польская — в 1938 году) появилась возможность познакомиться с достижениями «буржуазной» науки и представить собственное видение событий прошлого.

Результатом римского конгресса стало возрождение контактов с «капиталистической» наукой. Этот тезис был обозначен в отчете Отдела науки ЦК ПОРП, где также утверждалась необходимость обмена информацией между учеными Польши и западных стран о проводимых исследованиях, организации научных стажировок за границей, печати бюллетеней на разных языках и прочих мер, которые должны были продвигать науку ПНР³⁰³.

Одним из участников польской делегации на Конгрессе был Стефан Кеневич. Список докладов руководитель делегации Т. Мантейфель выслал еще 28 февраля 1955 года, Кеневич должен был выступить с темой «Аграрный вопрос и борьба за национальную независимость в Польше и Италии во время революции 1848 года»³⁰⁴. В ноябре 1955 года он снова выступал в римском Капитолии, на этот раз уже с докладом, связанным со столетней годовщиной смерти Адама Мицкевича³⁰⁵. Кеневич отмечал, что «1955 год принес польским историкам установление контактов с Западом, оборванных во время холодной войны»³⁰⁶. Например, благодаря В. Куле и М. Маловисту установились тесные контакты с коллегами из французской школы «Анналов». Хотя польско-французские научные связи имели место еще до Второй мировой войны. Так,

---

³⁰² *Szumski J.* Op. cit. S. 224.

³⁰³ AAN, Wydział Nauki KC PZPR, syg. 237/XVI-178. Sprawozdanie Wydziału Nauki za m-c październik 1955 r. K. 62.

³⁰⁴ APAN, Biuro Współpracy Naukowej PAN Syg. II—2/4. Kategoria 93/6. Międzynarodowy Kongres Nauk Historycznych. Rzym. I połowa września 1955 r.

³⁰⁵ *Kieniewicz S.* Echa „Trybuny Ludów” we Włoszech...

³⁰⁶ *Kieniewicz S.* Z rozmyślań dziejopisa... S. 257.

историки С. Арнольд и Я. Рутковский лично поддерживали контакт с М. Блоком, о чем сообщает Б. Геремек (ученик Маловиста) в интервью Х.К. Видалю³⁰⁷. После долгой международной изоляции польской историографии повторному возвращению французской школы в Польшу способствовали именно В. Куля и М. Маловист.

Возвращение польской исторической науки на мировую арену было существенным, но не важнейшим результатом десталинизации. В середине 1950-х годов для историков были более актуальными вопросы свободы творчества и (пере)оценки достижений историографии сталинистского периода.

Новая политика властей спровоцировала дискуссию среди историков о состоянии и дальнейшем развитии исторической науки, которая состоялась 25—26 июня 1956 года³⁰⁸. Обсуждение развернулось вокруг доклада Витольда Кули «О нашей политике в отношении науки»³⁰⁹, который обозначил результаты польской историографии. Большую часть дискуссии занял вопрос об исследовании новейшей истории Польши. Причина такого пристального внимания к этой проблематике состояла в том, что события первой половины XX века произошли недавно, оставались свежи в памяти многих историков, а соответственно, были наиболее трудными для объективного анализа и зависимыми от политики. Но не менее важной частью дискуссии была оценка историками собственных действий в предыдущее десятилетие. Так, наиболее ярые партийные историки, осознавая, что идеалы, за которые они боролись, резко критикуются в обществе, не стали защищать свои прежние взгляды. Ж. Корманова даже отметила, что «глубокий и болезненный, но исцеляющий удар, каким было открытие правды о так называемом культе личности, позволяет и дискутантке (Кормановой. — А.С.) по-новому, самокритично

³⁰⁷ См.: *Geremek B., Vidal J.C. Rozmowy Warszawa, 2015. S. 43-46.*

³⁰⁸ *Dyskusja nad obecnym stanem i możliwościami rozwojowymi naszej nauko historycznej... S. 72-87.*

³⁰⁹ *Kula W. W sprawie naszej polityki naukowej // Kwartalnik historyczny. 1956. R. 63, № 3. S. 151-166.*

взглянуть на многие проблемы прошлого в польском историческом сообществе»³¹⁰.

Другие историки в годы сталинизма по разным причинам подчинились системе и стремились сбросить с себя этот груз конформизма. Например, Стефан Кеневич аккуратно заметил, что «на основе собственного авторского опыта признает, что даже добросовестные авторы подвергались в последние годы склонности к подборке источников и ретушированию выводов в русле тезисов, признанных правильными»³¹¹.

Эти примеры показывают, что разрыв с предыдущей эпохой был болезненным для всех историков, независимо от их идеологических и научных взглядов. Тяжелый отказ от прежних теоретических установок в науке хорошо иллюстрирует дискуссия вокруг академического учебника «История Польши», точнее о содержании его второго тома, охватывавшего период с 1764 по 1864 год, редакторами которого выступали В. Куля и С. Кеневич. Три тома этого учебника должны были представить единый взгляд на историю Польши с марксистской точки зрения, а также легитимизировать Польскую Народную Республику. Во главе угла ставилась, если оперировать марксистской терминологией, революционная борьба народа за освобождение от эксплуатации господствующими классами, которая привела к образованию социалистической Польши.

Работа над вторым томом началась в 1952 году, в период активной сталинизации науки, а результаты были опубликованы в макете «Истории Польши» в 1957 году, когда часть исторического сообщества обнаружила стремление освободиться от идеологического контроля со стороны партии. В частности, в 1956 году Н. Гонсёровская проиграла выборы в Польское историческое общество, а Институт истории ПАН принял решение возобновить

---

³¹⁰ *Dyskusja nad obecnym stanem i możliwościami rozwojowymi naszej nauki historycznej...* S. 77.

³¹¹ *Ibid.* S. 79.

издание Польского биографического словаря, работы над которым была прервана в 1949 году по политическим причинам.

Дискуссия о содержании концепции истории Польши, представленной в учебнике, развернулась 14—17 апреля 1957 году на конференции в Сулеювке. Участие приняли около 150 исследователей — историков литературы, искусства, права, архивистов и другие³¹². О том, как изменилось содержание учебника, оценки событий прошлого можно проследить, сравнив макет и окончательное издание книги, а также проведя анализ дискуссий о роли крестьянства в Январском восстании 1863 года, которые активно вели на конференции в Сулеювке историки. Аграрный вопрос был одним из основных в 1863—1864 годах наряду с восстановлением независимости Польши: повстанцы выступали за проведение аграрной реформы, а крестьяне принимали активное участие в восстании. Программы аграрной реформы, степень влияния крестьянского движения на восстание и другие вопросы вызвали активные дискуссии среди историков ПНР.

В макете второго тома Кеневич определял роль крестьянства как «главный революционный фактор... основную движущую силу восстания», которое произошло на «волне антифеодального движения»³¹³. Участие крестьян не только сделало восстание возможным, но и привлекло на сторону восставших другие социальные группы — рабочих и «молодую интеллигенцию шляхетского и мещанского происхождения»³¹⁴, что могло закончиться победой, если бы это выступление переросло в «аграрную революцию» и «притянуло бы своим примером крестьянство соседних стран»³¹⁵.

В качестве основных причин поражения Кеневич выделил подчинение целей восстания интересам «господствующих классов»; тяготение «умеренных элементов» в лагере красных (национально-демократические группировки,

---

³¹² *Berghauzen J., Groniowski K., Rymszyzna M., Zahorski A.* Op. cit. S. 4.

³¹³ *Historia Polski (1764—1854).* Makieta. T. 2. Cz. 2 / pod red. S. Kieniewicz, W. Kuli. Warszawa, 1955. S. 735.

³¹⁴ *Ibid.*

³¹⁵ *Ibid.* S. 736.

выступавшие за открытую вооруженную борьбу и радикальные социальные реформы) к помещикам и буржуазии; использование крестьянства «красными» для борьбы за независимость, а не для развития антифеодального движения, и, наконец, отсутствие единого лидера, который привел бы весь народ к борьбе³¹⁶. По мнению историка, эту роль на себя не взял ни один класс в силу разных причин:

1) крестьянство — из-за слабой просвещенности и сосредоточенности на классовых интересах;

2) пролетариат — в связи со слабостью рабочего движения, которое еще только зарождалось;

3) буржуазия — по причине принципиального нежелания использовать революционные методы;

4) интеллигенция — из-за преследования формировавшими ее группами (мещане и шляхта) собственных интересов (упразднение сословных отличий, в том числе и раскрепощение крестьян, при сохранении власти дворянства)³¹⁷.

По мнению Кеневича, цели, активность и интересы крестьянства были главными положительными факторами в восстании, однако преследование остальными участниками нереволуционных интересов (классовых, национальных) привело к поражению.

Критика макета на конференции в Сулеювке звучала как из уст историков, выступавших за десталинизацию науки (это точку зрения открыто и активно продвигал Х. Верещицкий), так и тех, кто ратовал за сохранение сложившейся в первое послевоенное десятилетие историографической традиции, в иных случаях критикуя десталинизацию.

С точки зрения Х. Верещицкого, наиболее слабой стороной книги были частые ссылки на классиков марксизма К. Маркса и Ф. Энгельса. При этом Верещицкий критиковал авторов не за начетничество «ученых, которые сформулировали свои взгляды на историю Польши сто лет назад», а за

³¹⁶ *Historia Polski* (1764—1854). Makietka. T. 2. Cz. 2. S. 736.

³¹⁷ *Ibid.*

игнорирование достижений польской историографии³¹⁸. По поводу крестьянского вопроса историк оспаривал следующие тезисы Кеневича:

1. Приравнивание антифеодального движения к национально-освободительному на протяжении всего рассматриваемого периода.

2. Утверждение, что защита российской властью интересов помещиков «должна была» (*sic!*) привести к перерастанию антифеодального крестьянского движения в борьбу за независимость³¹⁹. По мнению Х. Верещицкого, в этом тезисе нарушена логика: получается, если бы Российская империя не поддержала помещиков, то антифеодальное движение потеряло бы свою «сущность борьбы за независимость». К тому же, как указывал критик, российская власть в любом случае не могла допустить подъема повстанческого движения.

3. Оценка крестьян как «главного революционного фактора тогдашней Польши»³²⁰. Х. Верещицкий в этой роли видел «варшавский плебс», то есть рабочих.

4. Утверждение более тесной связи крестьянского движения с аналогичным в России, нежели в Европе³²¹.

Критика со стороны консервативных историков-марксистов исходила из необходимости защиты взглядов, сложившихся в период сталинизма. Историки упрекали редакторов макета за неполное соответствие содержания и выводов идеям исторического материализма. Ю. Бардах, ссылаясь на Ф. Энгельса, оспаривал тезис Кеневича, что «Январское восстание имело шансы на победу только тогда, когда переросло бы в аграрную революцию...»³²². По мнению оппонента, аграрная революция является частью буржуазной, и невозможно ее понимать как «что-то совершенно автономное»³²³. Н. Гонсёровская, которая в

³¹⁸ *Wereszycki H. Pesymizm błędnych tez // Kwartalnik historyczny. 1957. R. 64, №4-5. S. 14.*

³¹⁹ *Historia Polski (1764—1854). Makieta... S. 637.*

³²⁰ *Ibid. S. 735.*

³²¹ *Wereszycki H. Pesymizm błędnych tez... S. 5, 20-21.*

³²² *Historia Polski (1764—1854). Makieta... S. 736.*

³²³ *Bardach J. Op. cit.. S. 46.*

целом положительно отозвалась о книге, утверждая, что она «занимает важное место в нашей (польской. — А.С.) историографии и может стать основой для дальнейших достижений в работе над синтезом нашей истории»³²⁴, отметила, что все же в ней слабо показана взаимосвязь борьбы за освобождение с развитием социально-экономического устройства, а именно включение в эти процессы крестьянского и рабочего движений³²⁵. Я. Лескевичова определила в качестве положительной стороны макета более широкое рассмотрение аграрного вопроса и представление его как «основной проблемы эпохи»³²⁶. Однако она не согласилась с тезисом о том, что правящие классы принижали силы и политическое значение крестьянского движения³²⁷. Историки-марксисты, не желавшие принимать необходимость пересмотра оценок прошлого, сосредоточились на критике доклада Х. Верещицкого — одного из самых активных борцов за свободу науки. Эммануэль Галич обвинил историка в развитии идеи межвоенного периода об отсутствии прогрессивной роли крестьян в народных восстаниях³²⁸, Мариан Жиховский не согласился с утверждением о том, что не каждое антифеодальное крестьянское движение перерастает в борьбу за независимость³²⁹. Наиболее острой критике Верещицкого подвергла Ц. Бобиньская, оспаривая тезис о необходимости ссылаться в «Истории Польши» на достижения польских историков, а не только К. Маркса³³⁰. Также ее возмутила характеристика оппозиционным историком крестьянства как «пассивного субъекта истории, темного, стоящего, собственно, за пределами национальной культуры и ходом народной истории»³³¹.

---

³²⁴ *Gąsiorowska N.* Op. cit. S. 63.

³²⁵ *Ibid.* S. 58.

³²⁶ *Leskiewiczowa J.* Op. cit. S. 97.

³²⁷ *Ibid.* S. 97-98.

³²⁸ *Halicz E.* Op. cit. S. 71.

³²⁹ *Żychowski M.* Op. cit. S. 164.

³³⁰ *Bobińska C.* Walka z wulgaryzacją a marksistowska metoda krytyczna. Programy polityczne w sprawę chłopskiej... S. 171.

³³¹ *Ibid.* S. 175.

В целом критика со стороны историков-марксистов заключалась в неодобрении отхода от официальной интерпретации истории и носила больше политико-идеологический, чем научный характер. Историки-марксисты были заинтересованы скорее в сохранении существовавших установок в понимании прошлого, носивших догматический характер, чем в развитии исторического знания с помощью комплексного всестороннего анализа, ревизии и переоценки прежних теоретических взглядов.

В окончательном варианте «Истории Польши», изданном в 1959 году, С. Кеневич и В. Куля учли некоторые замечания Х. Верещицкого. Авторы удалили формулировку об антифеодалном характере крестьянского движения и пересмотрели тезис об однозначности перерастания крестьянского движения в борьбу за независимость, только допуская такую возможность. Изменилась оценка роли крестьян (их вооружение для борьбы за раскрепощение было названо авторами учебника «надеждой» на начало восстания), мещанская интеллигенция потеряла в новой трактовке свое руководящее значение³³². Среди причин поражения учли военное вмешательство Российской империи, разделенность Польши с вытекающими последствиями, а именно: затруднение поставок вооружения, невозможность «вовлечения в борьбу всего народа», а также отсутствие помощи повстанцам со стороны европейских государств, которые не желали идти на риск «войны между Пруссией и Россией»³³³. «Недостаточная национальная просвещенность» и политическая неорганизованность крестьянства были добавлены к причинам, по которым оно не стало «гегемоном» восстания³³⁴.

Отзыв Верещицкого на учебник был острым и выявлял все его слабые стороны. Для самого критика написание взвешенного и аргументированного комментария было нелегкой задачей. Но причиной были не большой объем работы или цензура, а дружеские отношения, которые его связывали с

---

³³² *Historia Polski (1764—1854)*. Т. 2. Cz. 3 / pod red. S. Kieniewicz, W. Kuli. Warszawa, 1959. S. 523.

³³³ *Ibid.* S. 524.

³³⁴ *Ibid.* S. 525.

Кеневичем. Последнему он писал 5 апреля 1957 года в преддверии конференции: «Хотя по сути это рецензия на целый учебник, в итоге она бьет в первую очередь по вам. Боюсь, как бы Вы не сочли, что это какое-то желание принизить вас. Совершенно нет! Еще в том году я говорил, что считаю Вас *magna pars*³³⁵ (sic!) нашей современной историографии и не поменял этого мнения...

Кроме того, трудно мне было подумать, что оскорблю Вас, чье по-настоящему дружеское, благожелательное и великодушное отношение ко мне я ощущаю в худшие для меня времена.

Поэтому, если целясь в учебник, я косвенно попадаю в Вас, то это только потому, что так понимаю свой научный долг»³³⁶.

Ответ Кеневича не известен, однако дальнейшая его переписка с Верещицким, продолжавшаяся еще тридцать лет, скорее свидетельствует, что он не принял близко к сердцу замечания товарища, а использовал их на благо учебника. Любопытно, что платоновское по духу письмо Верещицкого совпадало с мыслями и переживаниями Кеневича и других ученых, которые видели свою исследовательскую задачу в служении истине.

Надо заметить, что параллельно дискуссия вокруг учебника шла среди советских историков, подробный анализ которой был проведен М. Вольневичем³³⁷. Он подчеркивает, что влияние советской критики носило ограниченный характер³³⁸. Из статьи также видно, что политический процесс десталинизации влиял на разнообразие мнений среди советских ученых, далеко не все из которых соглашались с сохранением строго формационного понимания прошлого (в сталинской интерпретации).

Начавшиеся политические перемены дали возможность историками провести горячую дискуссию в Сулеюевеке, благодаря которой удалось отойти от сталинистской версии марксизма. Кеневич так вспоминал об этих днях: «Нас

³³⁵ «Большая часть», «значимая часть» (лат.).

³³⁶ *Stefan Kieniewicz — Henryk Wereszycki. Korespondencja...* S. 128.

³³⁷ *Вольневич М.* Советская дискуссия о макете второго тома *Истории Польши...*

³³⁸ *Ibid.* S. 178.

(группу авторов. — *A.C.*) атаковали как традиционалисты, возвращающие себе голос, так и вчерашние марксисты, которые меняли цвет под влиянием обстоятельств. В заключительном слове я встал на защиту макета, строго говоря, на защиту собственного текста. Во имя стремления к исторической правде, доказывал, что уже нельзя сегодня писать об истории „по-старому”. Потянул зал за собой, это видимо был мой наивысший успех в жизни»³³⁹.

Таким образом, марксистская методология осталась теоретической базой учебника, однако критика со стороны ортодоксальных историков-марксистов учтена не была. Кеневич в выступлении на конференции отметил, что последние в упреках общего характера не предоставляли новых фактов и опирались больше на субъективные оценки³⁴⁰. Поэтому, несмотря на резкие высказывания со стороны ортодоксальных историков-марксистов, авторы согласились с вполне объективными замечаниями Х. Верещицкого — одного из противников подчинения исторической науки интересам коммунистической партии. Несогласие Кеневича с партийными историками неудивительно, если учесть, что он вынужденно обратился к марксизму после Второй мировой войны. Окончательный вариант «Истории Польши» является одним из примеров начала «оттепели» в науке ПНР.

Сложно говорить о полном освобождении исторической науки от контроля государства во второй половине 1950-х годов. Спустя несколько десятилетий Х. Верещицкий в письме Кеневичу от 6 мая 1979 года безрадостно вспоминал «оттепель», сравнивая ее с современной политической ситуацией и положением исторической науки: «Все ждут смены руководства в Москве, считая, что это все изменит как [когда-то] смерть Сталина. Но система [тогда] не изменилась, только немного модифицировалась в общих чертах»³⁴¹.

Тем не менее современные исследователи историографии соглашаются в том, что идеологический контроль в конце 1950-х годов ослаб, уменьшилась

³³⁹ *Kieniewicz S. Z rozmyślań dziejopisa czasów... S. 256.*

³⁴⁰ *Kieniewicz S. Chłopicie a walki powstańcze o niepodległość. Rola klas posiadających i ich ocena... S. 195.*

³⁴¹ *Stefan Kieniewicz — Henryk Wereszycki. Korespondencja... S. 479.*

роль партийных ранее влиятельных историков (Ц. Бобиньской, Т. Данишевского, Л. Гросфельда, Ж. Кормановой), смягчилась цензура, были реабилитированы опальные историки (Х. Верещицкий)³⁴². Даже советское руководство, пишет Я. Шумский, понимало, что давлением не добиться полного подчинения исторической науки партийно-государственным интересам: «Москва была вынуждена согласиться на значительные уступки», ликвидируя кафедры марксизма-ленинизма и привлекая к совместным польско-российским проектам беспартийных историков, «лишь декларирующих свою лояльность»³⁴³. Примером может быть координируемое С. Кеневичем издание источников по истории Январского восстания.

Все же существование независимых от власти научных институтов еще было невозможно, поскольку они находились под управлением Министерства просвещения и высшего образования и Комиссии по науке ЦК ПОРП. Но главным результатом стал отход от сталинистской модели исторической науки и интерпретации прошлого. Таким образом, сталинизация изменила облик польской исторической науки, однако не смогла изжить или радикально переориентировать всех несогласных с этим процессом историков. Так что в Польше историки с разными теоретическими взглядами в большей или меньшей степени продолжили исследовательскую деятельность.

Для Стефана Кеневича «оттепель» была возможностью уйти от догматичного материалистического понимания прошлого сталинистского периода и начать путь к пересмотру и апробации марксистской теории. Первый шаг к этому был сделан в рамках учебника «История Польши».

§3. Марксистская методология в творчестве Стефана Кеневича

К давлению на Кеневича со стороны партийных историков на рубеже 1940—1950-х годов привели его происхождение, религиозность,

---

³⁴² *Orman E.* Op. cit. S. 31; *Rutkowski T.P.* Nauki historyczne w Polsce... S. 313, 316.

³⁴³ *Szumski J.* Op. cit. S. 239.

приверженность довоенным «буржуазным» взглядам. Избежать остракизма (как это было, например, с Х. Верещицким) ему могло помочь обращение к марксизму в исследованиях. Этот переход не случился ни сразу после войны, ни когда коммунистам удалось установить власть в Польше, ни даже когда начались первые нападки со стороны сторонников теории исторического материализма. Путь историка к марксизму был постепенным и в чем-то даже вымученным.

По мнению Э. Орман, «примером использования Стефаном Кеневичем марксистского исследовательского метода были его книги на тему крестьянского вопроса в XIX веке. Интерес к данной теме частично вытекал из помещичьего происхождения [ученого]... Он досконально знал тот первый [мир дворян], тогда как мир крестьян старался понять и описать как историк»³⁴⁴. Утверждение польской исследовательницы справедливо лишь отчасти. Крестьянский вопрос является одним из ключевых в марксизме, но не главным, определяющим критерием. Важнее обратить внимание на методологию, которой оперировал историк.

Собственно, Кеневич и до войны обращался к этой теме в рамках более широких исследований. Еще в 1946 году в лекции «Крестьянский вопрос и вопрос независимости после разделов»³⁴⁵ он рассматривал проблему отмены крепостной зависимости со схожих с марксистами позиций: неоднократно подчеркивалась вина шляхты в торможении этого процесса³⁴⁶, его неизбежность с точки зрения развития экономики³⁴⁷. Однако основную причину долгого закрепощения он видел в неразрешенности главного для поляков политического вопроса — возвращения независимости. Наиболее ярко этот тезис он почеркнул в заключении: «Крестьянин был освобожден из векового подданства этапами, не организованно и сознательно борясь за эту эмансипацию, а используя повстанческую конъюнктуру» и мог раньше

---

³⁴⁴ Orman E. Op. cit. S. 21.

³⁴⁵ Kieniewicz S. Sprawa włościańska a sprawa niepodległości w dobie porozbiorowej...

³⁴⁶ Ibid. S. 262, 271, 278, 282.

³⁴⁷ Ibid. S. 283.

получить свою свободу, если бы существовала независимая Польша, «в которой могла бы развиваться политическая мысль, охватывающая интересы всех общественных слоев государства»³⁴⁸. Позднее Кеневич расценивал статью как зародыш будущей концепции Январского восстания³⁴⁹.

В 1948 году Кеневич снова обратился к аграрному вопросу в статье «Крестьянский вопрос в Галиции в 1848 году»³⁵⁰, в которой подробно разобрал ход революции в «польской» части Австрии. В перспективе дальнейшего методологического поворота Кеневича интересна его оценка роли крестьян: их позиция привела к «победе реакции, которая впоследствии должна была отразиться на их собственной судьбе. Трудно, однако, винить галицийских крестьян в том, что сто лет назад они не понимали связей, которые были между демократией и гражданскими свободами [с одной стороны], и благополучием народных масс [с другой]. Опыт указывал им видеть врага в помещике, с которым демократы шли рука об руку. Просвещенные сословия также несли ответственность за положение крестьянина. Не столько шляхта, защищающая по естественным причинам собственные интересы, сколько городская интеллигенция. С их стороны было очень мало сделано для сближения с крестьянином, для понимания его [положения]... [она] думала о том, как ввести крестьянина в поле [борьбы], вместо того, как добиться его доверия»³⁵¹.

Этот фрагмент хорошо иллюстрирует, что Кеневич отчетливо видел важную роль крестьянства в восстании 1863 года и понимал, что его успех напрямую зависел от включенности крестьян в борьбу. Такая позиция Кеневича приближала его к марксистскому пониманию польской повстанческой традиции. «Крестьянский вопрос, — пишет историк В. Цабан, — это ключ для понимания политической деятельности обеих групп (красных и белых. — А.С.), а в то же время — ключ к оценке отношения общества

---

³⁴⁸ *Kieniewicz S. Sprawa włościańska a sprawa niepodległości w dobie porozbiorowej...* S. 283.

³⁴⁹ *Kieniewicz S. Z rozmyślań dziejopisa...* S. 252.

³⁵⁰ *Kieniewicz S. Sprawa włościańska w Galicji w 1848 // Przegląd Historyczny. 1948.T. 38. S. 61-128.*

³⁵¹ *Ibid. S. 127-128.*

Королевства Польского к Январскому восстанию»³⁵². Отличие точки зрения Кеневича от принятой в марксистской историографии заключалось в том, что, несмотря на признание важной роли крестьянства, он не считал его движущей силой борьбы как национально-освободительной, так и революционной (в марксистском понимании).

Однако спустя пять лет в работах историка начинает явно просматриваться влияние марксистской теории. Это заметно уже по названию доклада, озвученного на I Конгрессе польской науки в 1951 году, — «Классовая борьба польских крестьян в XIX и XX веках в освещении польской историографии»³⁵³. Ученый не только впервые заявил о крестьянских восстаниях как проявлении «классовой борьбы»³⁵⁴, но начал критиковать с марксистских позиций коллег по цеху (например, С. Инглота за традиционные взгляды)³⁵⁵, а также назвал центральной задачей изучение истории классовой борьбы и ревизию устаревших взглядов в польской историографии³⁵⁶. Более того, С. Кеневич не присоединился к Т. Мантейфелю и А. Гейштору в защите своего покойного учителя М. Хандельсмана от нападок Ж. Кормановой, не желая, как писала Э. Орман, «сильно высовываться», взирая на происходящее со стороны³⁵⁷.

Таким образом, для Кеневича польские восстания были вопросом не только борьбы за независимость, но и общественных изменений. Собственно это примиряло его с марксистским видением восстаний, которые вписывались в идею о формационном развитии и символизировали кризис феодального строя. По замечанию М. Вольневича, капиталистический переворот имел два аспекта: «борьбы одновременно против „чуждого и народного” гнета, против

³⁵² Caban W. Op. cit. S. 107.

³⁵³ Kieniewicz S. Walka klasowa chłopów polskich w XIX i XX w. W oświetleniu historiografii polskiej // Kwartalnik historyczny. 1950/1951. R. 58, № 1. S. 39—57.

³⁵⁴ Ibid. S. 39.

³⁵⁵ Ibid. S. 53. Инглот Стефан (1902—1904) — польский историк, один из создателей вроцлавской школы экономической истории.

³⁵⁶ Ibid. S. 52.

³⁵⁷ Orman E. Op. cit. S. 23-24.

польских феодалов (шляхты) и одновременно против реакционных оккупационных государств и системы Священного союза. На этом фоне... существовала „объективная” близость первостепенной вызванной „революционной ситуацией” антифеодальной крестьянской борьбы с второстепенной национально-освободительной борьбой, вспыхивающей „на волне” крестьянского движения»³⁵⁸. Однако коммунистическое реформирование науки требовало от ученого обращения именно к сталинистской версии исторического материализма, которая заключалась, среди прочих, в придании легитимности новому строю в Народной Польше при помощи истории.

В новых условиях необходимо было показать давность и исконность российско(советско)-польского сотрудничества. Именно поэтому была проведена четкая грань между польской шляхтой, заключившей из-за страха революции союз с реакционной царской властью, которая господствовала над русским и польским народами. В сталинистской модели истории доминировала тема совместной русско-польской революционной борьбы.

В СССР такое видение истории продвигалось уже давно. В 1940 году историк Э.Н. Бурджалов указал в курсе лекций, посвященных отмене крепостного права в России: «... за границей Герцен поднял свой голос в защиту Польши. Он писал, что русским офицерам надо идти под суд, в арестантские роты, быть расстрелянными, но не поднимать оружия против поляков. Он отстаивал свободу Польши и делал это потому, что боролся за освобождение России... В воззвании „Льется польская кровь”, написанным Слепцовым, „Земля и воля” обращалась к солдатам русской армии. Она призывала не позорить себя преступным избиением поляков и направить оружие против общего врага польского и русского народов — царского правительства»³⁵⁹. Любопытно, что Э.Н. Бурджалов в лекции вспомнил родственника Стефана Кеневича революционера Иеронима Кеневича: «Так как

---

³⁵⁸ *Wolniewicz M. Między tradycją legionową a «tradycjami postępowymi»... S. 105.*

³⁵⁹ *Бурджалов Э.Н. Указ. соч. С. 88.*

Центральный комитет „Земли и воли” считал, что поднять восстание в России сейчас невозможно, то он [И. Кеневич] решил действовать сам», желая поднять восстание на Волге³⁶⁰. Далее историк упоминал о сотрудничестве казанского революционного студенчества с поляками.

Стефан Кеневич не только перенял советский марксистский дискурс, но адаптировал свои исследования в ключе новой методологии. Учитывая особое внимание историка к теме роли крестьянства в польских восстаниях, обращение к марксистской методологии было вопросом времени, особенно учитывая, что данная теория имела небывалую популярность в науке во всей Европе. Однако в силу общественно-политических причин, давления со стороны ревнителей сталинистской науки Кеневич был вынужден принять насаждаемую просоветской властью модель исторического материализма.

Кеневичу требовалось время, чтобы сориентироваться в меняющемся государстве. Развернувшись к официальной теории, он не перестал критично относиться к проводимым исследованиям, так что его методологическая переориентация носила скорее декларативный характер. Это тезис хорошо иллюстрирует статья ученого о задачах истории историографии (1954)³⁶¹. В ней автор рассуждает об особенностях «буржуазного» (при изучении наследия конкретного автора учитывается его субъективность взглядов, значение его работ в углублении познаний о прошлом) и «марксистского» историографического анализа («социальная обусловленность исторического труда», изучение влияния классового положения историка на тематику и результаты исследований)³⁶². Формально статья написана в духе того времени с обильным использованием понятийного аппарата, характерного для приверженцев исторического материализма, но по своей сути — это выпад в адрес ярых сторонников марксистской теории. Кеневич достаточно быстро от достоинств новой методологии перешел к ее недостаткам: «Но боюсь, что

---

³⁶⁰ Бурджалов Э.Н. Указ. соч. С. 89.

³⁶¹ Kieniewicz S. Jeszcze na temat zadań historii historiografii...

³⁶² Ibid. S. 197.

нацелившись исключительно на анализ взглядов буржуазной историографии и на критику методологии, мы в итоге забыли о других элементах исторического дела: об исследовательской технике буржуазного историка и использованных им методах получения и отбора фактов»³⁶³. Таким образом, Кеневич упрекал коллег-марксистов в однобоком восприятии историографии и игнорировании классических научных методов.

Важно также указать, что статья была написана скорее в защиту не классиков польской исторической науки, а современников Кеневича. Автор открыто указывал, что изложенные размышления были вызваны работами М. Серейского о К.Б. Гофмане и И. Лелевеле³⁶⁴, а точнее, разгромными рецензиями Н. Ассородобрай и Ц. Бобиńskiej на них³⁶⁵. Обе обвиняли Серейского в придании чрезмерной важности К.Б. Гофману, В. Смоленскому и другим «буржуазным» историкам. Так Ассородобрай писала: «Народная Польша связана с прогрессивными традициями польского народа. Гофман к ним не относится»³⁶⁶. В свою очередь Кеневич указывал на чрезмерную политизированность таких выводов и утверждал, что «тщательная проверка исследовательских навыков и добросовестности писателя позволит нам определить, в какой мере, в какой степени сознательно подчинялся давлению собственного окружения или господствующего устройства»³⁶⁷.

Таким образом, эта статья показывает, что дискуссия среди ученых продолжалась, несмотря на все нападки и ограничения со стороны власти и партии. Исследователи постепенно отходили от шока, вызванного наступившими переменами, и учились добросовестно работать в новых условиях, облекая свои тексты в официальную риторику.

³⁶³ *Kieniewicz S. Jeszcze na temat zadań historii historiografii...* S. 197.

³⁶⁴ *Ibid.* S. 198; *Serejski M. Studia nad historiografią Polski. Cz. I...*; *Serejski M. Joachim Lelewel. Z dziejów postępowej myśli historycznej w Polsce...*

³⁶⁵ *Assorodobraj N. W sprawie kryterium postępowości w historii historiografii...*; *Bobińska C. Spór o ujęcie pozytywizmu i historyków pozytywistów...*

³⁶⁶ *Assorodobraj N. Op. cit.* S. 186.

³⁶⁷ *Kieniewicz S. Jeszcze na temat zadań historii historiografii...* S. 199.

После «польского октября» 1956 года идеологический контроль над наукой ослаб, смягчилась цензура и практически прекратилась агентурная слежка. Так что с началом «оттепели» Кеневичу, как и многим другим историкам, удалось отсеять идеологическую шелуху, что хорошо видно на примере издания второго тома «Истории Польши» в ПНР. Хотя говорить о независимости науки еще было рано. Попытка оценить степень свободы ученых после 1956 года напоминает извечный спор между оптимистами и пессимистами: стакан наполовину полон или пуст; в случае с польской историографией рассматриваемого периода — наука независима от власти или нет. Говорить о ее полном освобождении от влияния партии еще рано, однако в сравнении со сталинистским периодом у ученых появилось гораздо больше свободы в исследовательской деятельности.

О практикуемой марксистской методологии Кеневич рассуждал на закате ПНР. В 1989 году в статье «Счет совести», опубликованной в католическом журнале «Тыгодник повшехны», на страницах которого ему доводилось когда-то спорить со сторонниками исторического материализма, он «признал верными некоторые элементы этой доктрины, среди прочих: корреляцию производственных отношений и политических идеологий, влияние материального интереса на основы разных общественных групп, влияние классовых антагонизмов на судьбы польской борьбы за независимость»³⁶⁸. Эта заметка была написана в качестве ответа на критику конца 1980-х годов депутата Юзефы Хенненлёвой в адрес издававшихся в ПНР авторов: «...не должны ли писатели, которые сами для себя были цензорами, задуматься, какое имеют право их изуродованные тексты дальше жить в культуре?»³⁶⁹ Отвечая, С. Кеневич рефлексировал о цензуре, выборе учеными своего пути, трудностях, с которыми они столкнулись с началом трансформации Польши. Свои размышления он закончил призывом к историкам «смело признаться, что в такой-то ранней собственной публикации утверждали что-то другое или

---

³⁶⁸ *Kieniewicz S. Rachunek sumienia... S. 5.*

³⁶⁹ *Ibid.*

буквально противоположное»³⁷⁰. Сам ученый открыто этого не сделал, что не умаляет достоинства его исследований, на которые до сих пор опираются современники. В этой заметке Кеневич защищал не столько марксистскую методологию, сколько все свое послевоенное творчество. Историк вынужденно принял после войны новую для себя теорию в ее догматичном варианте. Десталинизация стала возможностью для историка снова пересмотреть положения своей интерпретации истории восстаний, но оставаясь в рамках марксистской теории. Так он начал долгий путь к разработке собственной концепции польского движения в XIX веке.

На примере биографии С. Кеневича видно, что польским коммунистам не удалось до конца реализовать политику сталинизации. Масштабное реформирование исторической науки по советскому образцу лишь формально символизировало победу нового порядка. Далеко не все польские историки поддержали новую политику после войны, но, несмотря на давление властей и ангажированных в реформирование науки ученых, в целом сохранили свое положение в науке. Польские ученые сохранили и относительную свободу творчества (особенно в сравнении с советскими коллегами). Многие из них продолжили работу (несмотря на разные ограничения и трудности). Авторы «Польши в XX веке» справедливо отмечают, что процесс подчинения польской науки государству кардинально отличается от аналогичного в Советском Союзе, где многие «интеллектуалы принудительно изгонялись из страны направлялись в лагеря, где погибали в массовом порядке. В Польше интеллектуальный потенциал в значительной мере сохранялся и сыграл свою роль позднее, когда пришло время кризисов, возникновения политической оппозиции, прозвучали требования наказания виновных за насилие»³⁷¹.

Таким образом, марксизм, оставаясь в ПНР «единственно правильной» теорией, творчески понимался многими историками, которые старались избежать идеологизации науки. Даже в международных контактах (как с

---

³⁷⁰ *Kieniewicz S. Rachunek sumienia... S. 5.*

³⁷¹ *Польша в XX веке... С. 588-589.*

«братскими» странами социалистического лагеря, так и с «буржуазными») пропартийным историкам не удалось сохранить монополию сталинистского периода. Таким образом, сталинизация изменила облик польской исторической науки, но не смогла устранить или радикально переориентировать всех несогласных с этим процессом исследователей.

Глава 3. Стефан Кеневич на пути к историческому синтезу

§1. «Январское восстание. Материалы и документы»

В начале 1960-х годов в Польше началось очередное идеологическое наступление на историческую науку. Из-за роста либеральных и оппозиционных настроений после «польского октября» ПОРП правящая верхушка опасалась потери руководящей роли партии, что привело к ужесточению контроля власти за общественной сферой³⁷². Ситуацию усугубляло напряжение на международной арене (Берлинский и Карибский кризисы) и острый конфликт польских властей с костелом. В итоге были закрыты Клуб кривого колеса, еженедельники «Нова культура» и «Пшеглэнд культуральны», на пленумах ЦК партии и съездах ПОРП В. Гомулка регулярно поднимал вопрос об усилении идеологического натиска.

В это время Стефан Кеневич, традиционно держась в стороне от общественно-политической сферы, продолжал исследование польского восстания 1863 года. В 1962 году он издал монографию «Между согласием и революцией. Анджей Замойский в 1861—1862 годах», в которой провел анализ идеологии и тактики лагеря белых³⁷³. Название работы отражает проблему, которая стояла перед белыми, — соглашаться или нет на союз с российской властью. Однако для современников Кеневича эта тема также приобретала метафорический характер, намекая на тогдашнее положение Польши, которая даже спустя сто лет стояла перед тем же выбором.

Эту параллель подметил Верещицкий 9 октября 1962 года в переписке с автором: «Вы стараетесь холодным, практически безличным стилем изложения как будто пренебречь [выводами исследования]. Это производит большое

---

³⁷² См.: *Польша в XX веке...* С. 685-690.

³⁷³ *Kieniewicz S. Między ugoda a rewolucją. Andrzej Zamojski w latach 1861—1862. Warszawa, 1962.*

впечатление на читателя, в первую очередь на того, кто умеет читать. Та резня 8 апреля [1861 года], была совершена хладнокровно, потому что поляки не имели армии, которая у них была в 1830 году (и 1920 году) Так что можно их убивать (как в 1940 году)»³⁷⁴ Верещицкий драматизирует, проводя прямую историческую связь между событиями XIX (расстрел на Замковой площади Варшавы религиозно-патриотической демонстрации) и XX столетий (расстрел польских офицеров под Катынью), но важно символическое единство двух событий для адресанта. В Польше для оппозиционно настроенной части общества вопрос согласия и борьбы все еще оставался актуальным. Власть, в свою очередь, искала необходимые формулировки и интерпретации исторических событий, дабы оправдать свое существование и не подогреть антиправительственные настроения. Так что приближавшаяся столетняя годовщина Январского восстания порождала беспокойство в правящих кругах.

К слову, в связи со знаменательным событием научная общественность ожидала от Кеневича отдельной монографии по этой теме, изучение которой он начал еще до войны. Но историк не стал торопиться с публикацией только ради круглой даты. Свой выбор ученый объяснял следующим образом: «Всякий знал, что юбилейный год принесет обильный урожай работ частного характера, которые уже нельзя будет учесть в заблаговременно подготовленной книге. Профессиональный историк не стал бы рисковать тем, что новый труд за год потеряет свою актуальность»³⁷⁵.

В целом, значительного роста публикаций годовщина восстания не вызвала, однако на IX Всеобщем съезде польских историков в Варшаве (1963) была организована секция, посвященная событиям 1863 года. Подготовка съезда проходила в непростых условиях, вызванных изменениями в политической сфере. Рутковский на широкой источниковой базе показывает трудности, с которым столкнулись организаторы. Первоначально Президиум

---

³⁷⁴ *Stefan Kieniewicz — Henryk Wereszycki. Korespondencja... S. 197.*

³⁷⁵ *Kieniewicz S. Pokłosie rocznicy powstania styczniowego. (Przegląd wydawnictw 1962 i 1963)... S. 47.*

Польского исторического общества заявил о нецелесообразности организации отдельной секции Январского восстания и объявил съезд закрытым мероприятием³⁷⁶. Однако организационной комиссии (А. Гейштор, Л. Гросфельд, С. Кеневич, Я. Башкевич³⁷⁷) все же удалось добиться отдельного внимания к столетней годовщине 1863 г., в итоге были определены три секции:

1. История культуры в средневековой Польше;
2. Январское восстание на фоне эпохи;
3. Двадцать лет Народной Польше (впервые в истории съездов историков была организована секция, посвященная ПНР)³⁷⁸.

Если первая тема была вполне нейтральной в политико-идеологическом плане, то оставшиеся могли спровоцировать нежелательные дискуссии. В рамках марксистского видения истории Январское восстание понималось как классовая и национально-освободительная борьба против царизма. Однако события 1863 года имели явный антироссийский контекст. Это была столетняя годовщина не просто польского бунта, а борьбы за независимость от России. Соответственно польские власти опасались вольного толкования событий столетней давности с оттенком национализма и антисоциализма, что отмечается современными исследователями³⁷⁹. Принимая во внимание сильную зависимость ПНР от СССР, конференция в итоге приобретала символическое значение.

Дабы избежать неправильной трактовки истории, отделы пропаганды и агитации, науки и просвещения ЦК ПОРП направили 8 мая 1962 года в Секретариат ЦК ПОРП предложение «По вопросу отмечания 100-летия Январского восстания»: «...чтобы кампания, связанная с этой годовщиной, сконцентрировалась главным образом на таких формах, которые, с одной стороны, позволят:

³⁷⁶ Цит. по.: *Rutkowski T.P. Nauki historyczne w Polsce 1944—1970... S. 389.*

³⁷⁷ *Башкевич Ян* (1930—2011) — историк политической мысли, юрист.

³⁷⁸ *Powszechnie Zjazdy Historików Polskich w Polsce Ludowej. Dokumenty i materiały... S. 153-154.*

³⁷⁹ *Rutkowski T.P. Nauki historyczne w Polsce 1944—1970... S. 390; Szumski J. Op. cit. S. 358.*

а) — подчеркнуть связь Народной Польши с национально-освободительной борьбой против царизма и захватчиков, с патриотичными и прогрессивными традициями нашей истории,

— распространить [информацию] о фальшивом понимании буржуазной историографией правды о Январском восстании, о его источниках и вопросах его слабости, а также причинах упадка,

— популяризировать знание о боевом сотрудничестве российских, украинских и белорусских демократов с повстанцами...

б) с другой стороны, ограничение количества мероприятий массового характера направлено на недопущение к развитию антироссийской пропаганды и тем самым антисоветской с помощью активизации уже существующих в этом деле реакционно-клерикальных организаций»³⁸⁰.

Таким образом, партийные чиновники стремились ограничить варианты интерпретации восстания. В рамках официальной трактовки прошлого польское восстание 1863 года рассматривалось как событие прогрессивное — борьба с царизмом и эксплуатацией крестьянства господствующими классами, так что власти опасались повышенного внимания не столько к теме восстания, сколько к отдельным ее проблемам (национальное движение, поддержка повстанцев со стороны костела).

В итоге съезд был проведен в соответствии с желаниями партийных организаторов. Как отмечает Т. Рутковский, секция по двадцатилетию ПНР «касалась скорее пропаганды, чем историографии», а секция по истории Январского восстания была подчинена требованиям властей и представленная докладчиками из партийных и военных институтов³⁸¹.

На должность председателя секции в ЦК ПОРП на эту роль выбрали Ц. Бобиньскую³⁸², но позже заменили Стефаном Кеневичем, который к тому же выступал с докладом «Польское общество в Январском восстании» на

³⁸⁰ Цит. по.: *Rutkowski T.P. Nauki historyczne w Polsce 1944—1970...* S. 390-391.

³⁸¹ *Rutkowski T.P. IX Powszechny Zjazd Historików Polskich, Warszawa 1963 r...* S. 148.

³⁸² *Powszechny Zjazd Historików Polskich w Polsce Ludowej. Dokumenty i materiały...* S. 157.

пленарном заседании³⁸³. Почему произошла замена, точно установить не удалось. Конечно, Кеневич был специалистом в данной теме, к тому же, как показало предыдущее десятилетие, не создававшим хлопот для власти. Однако, скорее всего, причины лежали в политической сфере. Бобиньская потеряла свое влияние в исторической науке из-за супруга, бывшего министра Общественной администрации (1949—1950) Владислава Вольского, который из-за своих политических интриг вместе с женой был переведен в Краков, где занял должность директора городской библиотеки. Подтверждает тезис корреспонденция Кеневича с Верещицким. Последний 6 июля 1962 года писал, что желания Бобиньской вернуть себе прежнее влияние — это следствие «борьбы, которая идет на более высоком уровне между сторонниками Китая, антисемитами из партийного аппарата, душителями и „либералами”, во главе которых стоит [Ю.] Циранкевич, сторонник [Н.С.] Хрущёва (!). Очевидно, что Целина [Бобиньская] принадлежит к тем первым, и в случае их победы она получила бы шанс вернуться в Варшаву»³⁸⁴.

Вице-председатель Польского исторического общества Ю. Бардах в заметке о съезде для Президиума секции истории при отделе науки и просвещения ПОРП указал на нехватку «специальных докладов о польско-русских революционных связях в шестидесятых годах XIX века и о I Интернационале»³⁸⁵. Это замечание подтверждает тезис, что коммунистическая власть стремилась найти в истории подтверждение польско-русского сотрудничества для легитимации послевоенной политики и коммунистической власти.

В польской исторической науке нет единого мнения о роли IX съезда. По мнению Т. Рутковского, он «показал силу национальной традиции в польском обществе. Под ее давлением руководство ПОРП решилось на относительно

³⁸³ *Powszechny Zjazd Historików Polskich w Polsce Ludowej. Dokumenty i materiały...* S. 153.

³⁸⁴ *Stefan Kieniewicz — Henryk Wereszycki. Korespondencja...* S. 195.

³⁸⁵ *Ibid.* S. 197.

широкий размах празднования, стараясь удержать его в границах обязательной интерпретации истории, что, однако, не до конца удалось»³⁸⁶.

Ему возражает участник съезда Е. Борейша, утверждавший, что никакого давления не было, «а решающими были инициативы и положительные качества нескольких личностей, прежде всего Хенрыка Яблоньского», который для решения организационных вопросов использовал свое высокое положение в ПОРП. «Более того, — продолжает историк, — Хенрык Яблоньский из уважения к национальной традиции 1863 года, а не из-за уважения к Стефану Кеневичу, не раз поддерживал его при возникновении проблем с изданием отдельных томов многотомного польско-советского издания истории 1863 года», начавшегося за несколько лет перед годовщиной в атмосфере послеоктябрьской оттепели»³⁸⁷.

Таким образом, рассматривая роль съезда, историки ставят разные акценты: Т. Рутковский настаивает на силе историографической традиции, а Е. Борейша — на роли отдельных личностей. Однако важно то, что оба ученых сходятся во мнении, что в Народной Польше сохранялось традиционное восприятие Январского восстания, которое так или иначе было затронуто IX Всеобщим съездом польских историков и не было вытеснено историками-марксистами.

Стоит заметить, что Советский Союз пристально следил за событиями в ПНР, в том числе, по замечанию Я. Шумского, «за настроениями в научной среде и поведением историков в отношении разных политических событий»³⁸⁸. Делалось это для того, чтобы не допустить роста оппозиционных настроений и повторения событий 1956 года.

Однако советско-польские отношения строились не только в политической сфере. Большим научным достижением обеих стран являлось многотомное издание источников Январского восстания 1863—1864 годов.

---

³⁸⁶ *Rutkowski T.P.* Nauki historyczne w Polsce 1944—1970... S. 391.

³⁸⁷ *Borejsza J.W.* Op. cit. S. 24.

³⁸⁸ *Szumski J.* Op. cit. S. 370.

Фактически к столетней годовщине 1863 года было приурочено издание в 1961 году первого тома советско-польского проекта публикации источников по Январскому восстанию³⁸⁹. Польская сторона изначально выступала за то, чтобы первая книга вышла в год юбилея, пишет Я. Шумский, но из-за опасения роста националистических настроений Советский Союз не пошел на это предложение³⁹⁰. Работа над этим колоссальным изданием, над которыми трудились, по данным В. Цабана, 59 польских и советских историков³⁹¹, началась еще в конце 1950-х годов. За четверть века было опубликовано около 6200 документов в 25 томах; редактором шестнадцати и соредактором оставшихся девяти был Кеневич.

Определить, кто был инициатором издания, — задача трудная, поскольку в источниках информация различается, о чем подробно рассказывает Я. Шумский³⁹². При этом Кеневич вспоминал в автобиографии, что «инициатива и в это раз пришла извне, от Института славяноведения в Москве. Сразу после уже упомянутой конференции в Сулеюеве (1957) обратился ко мне сотрудник этого учреждения И.С. Миллер, безупречно знавший язык и историю Польши, предлагая помощь и сотрудничество. Было подписано соглашение между академиями [наук] двух стран (27 марта 1957 года — А.С.), образована польско-советская смешанная комиссия по вопросам издания, начали издавать тома источников и в Польше, и в СССР»³⁹³. Однако все формальные вопросы были решены уже 23 марта того же года на совместной встрече советских и польских историков. По возвращении из командировки советский исследователь И.А. Хренов указал в отчете, что «с польской стороны издание будет возглавлять известный польский специалист проф. Кеневич, а с советской стороны старший научный сотрудник Института славяноведения АН

³⁸⁹ *Восстание 1863 года. Материалы и документы. Показания и записки о польском восстании 1863 года Оскара Авейде. М., 1961. 662 с.*

³⁹⁰ *Szumski J. Op. cit. S. 358-359.*

³⁹¹ *Caban W. Op. cit. S. 116.*

³⁹² См.: *Szumski J. Op. cit. S. 304-305.*

³⁹³ *Kieniewicz S. Z rozmyślań dziejopisa... S. 257.*

СССР И.С. Миллер»³⁹⁴. Непосредственно соглашение о сотрудничестве было подписано 27 марта 1957 года³⁹⁵. План сотрудничества между академиями наук был одобрен ЦК КПСС 6 июня 1957 года, а весь проект находился под управлением и контролем Главного архивного управления МВД СССР и разных отделов ЦК КПСС, поэтому можно говорить, что ранние «буржуазные» взгляды Кеневича не помешали его участию в работе над публикацией источников.

«В этом мероприятии (издании документов восстания. — А.С.) были заинтересованы обе стороны, нас больше всего волновал доступ к огромным богатым советским архивам, касающимся истории Польши XIX века», — отмечал Кеневич³⁹⁶. Попасть в закрытые советские архивы было сложно, тем более для исследователя из другого государства, даже социалистического. Шумский справедливо отмечает, что в московские архивы «не попадали случайные исследователи, только скорее проверенные и просеянные через сито контроля отечественных (советских. — А.С.) идеологических церберов, в основном партийные историки»³⁹⁷.

Эта проблема поднималась и в АН СССР. Историк И.И. Костюшко 3 декабря 1959 года на заседании комиссии по международным связям Института славяноведения заявлял: «Здесь уже говорили, и я хочу подчеркнуть, что ученые приезжают, а у нас еще не все организовано, не оформлен допуск в архивы. В Польше имеются разговоры, а что ехать, все равно не пустят работать в архивы. Вот я знаю, из Польши приехал польский ученый по линии МГУ, в течение месяца не дают допуск в архив»³⁹⁸.

---

³⁹⁴ АРАН. Ф. 1965. Оп. 1 Д. 194. Л. 3.

³⁹⁵ *Соглашение 1957 года о научном сотрудничестве между Академией наук СССР и Польской академией наук // Сотрудничество российских и польских историков: достижения, проблемы, перспективы. Изучение и публикация исторических источников в России и Польше. М., 2011. С. 25-33.*

³⁹⁶ *Kieniewicz S. Z rozmyślań dziejopisa... S. 257.*

³⁹⁷ *Szumski J. Op. cit. S. 286.*

³⁹⁸ АРАН. Ф. 1965. Оп. 1. Д. 227. Л. 21.

В архиве РАН сохранилась служебная записка заместителя директора Института славяноведения и балканистики АН СССР В.А. Дьякова начальнику Главного архивного управления при Совете министров СССР Ф.И. Долгих (5 января 1973 года) с просьбой предоставить Кеневичу доступ к материалам переписки Александра II с наместником Царства Польского Ф.Ф. Бергом за 1864—1869 годы, хранящимся в ЦГАОР³⁹⁹. Интересна аргументация, к которой прибегает В.А. Дьяков, для объяснения причин предоставления доступа к архивным материалам. Помимо того, что Кеневич уже работал в ЦГАОР и найденные им источники были опубликованы в рамках советско-польского проекта, советский историк особо оговорил, что Кеневич использовал в монографии «Январское восстание 1863 года» найденные в советских архивах материалы «с позиций марксистско-ленинской методологии и в духе традиций революционного сотрудничества русского и польского народов»⁴⁰⁰. Учитывая то, что к этому моменту в Польше уже была издана монография Кеневича о Январском восстании, в которой он не придерживался строго марксистского понимания событий 1863 года, такая аргументация В.А. Дьякова кажется формальностью, необходимой для выполнения бюрократических процедур, и не является реальной характеристикой взглядов польского историка.

Принимая во внимание, что в Польше в пожаре Второй мировой войны сгорело множество документов, материалы советских архивов были ценнейшим источником для польских историков. Конечно, не все из них получали возможность собрать необходимые для исследований данные в московских или петербургских архивах, в первую очередь по политическим причинам. В связи с этим считавшийся идеологически неблагонадежным Верещицкий в письме от 11 мая 1962 года обратился к Кеневичу с просьбой посмотреть во время командировки в СССР некоторые архивные документы III Отделения Императорской канцелярии⁴⁰¹. В выигрыше оказались и

---

³⁹⁹ АРАН. Ф. 1965. Оп. 1. Д. 494. Л. 15.

⁴⁰⁰ Там же.

⁴⁰¹ *Stefan Kieniewicz — Henryk Wereszycki. Korespondencj... S. 191.*

советские исследователи, косвенно получившие доступ к зарубежным архивам. Миллер писал по этому поводу: «Особое значение имело привлечение польскими коллегами архивных материалов из хранилищ ГДР, Англии, Франции, Швейцарии и других стран»⁴⁰².

Стоит обратить внимание на то, как были систематизированы источники. Смешанной комиссией, по утверждению И.С. Миллера, было принято решение публиковать документы в соответствии с проблемно-тематическими признаками, «обеспечив освещение наиболее важных в научном и общественно-политическом отношении сторон проблематики: социальные проблемы восстания и в особенности крестьянский вопрос, позиция крестьянства в отношении восстания, идеологический облик повстанческой организации, история русско-польских революционных связей накануне восстания и в ходе его, политика самодержавия в Королевстве Польском в революционную эпоху 1861—1864 гг.» и несколько томов о «ходе событий в эти годы в Литве, Белоруссии и на Украине»⁴⁰³. Определение тематики каждого тома было рациональным решением, но в нем также читаются скрытые цели, обусловленные цензурой.

Из-за таких формулировок терялись некоторые темы, например, национально-освободительный характер восстания, репрессии в отношении повстанцев, их ссылка в Сибирь; и наоборот, уделялось отдельное внимание важным для советской пропаганды темам: крестьянскому вопросу (более значимому, чем национальный, в рамках марксистской историографии) и единству русского и польского революционных движений (чтобы показать давнюю историю сотрудничества двух стран). Причем в архивных документах Института славяноведения есть прямое подтверждение данному тезису. Директор института И.А. Хренов в справке о творческих дискуссиях, возникавших по ходу совместных работ с учреждениями Академий наук

---

⁴⁰² Миллер И.С. «Восстание 1863 года» (об опыте подготовки советско-польского серийного издания документов)... С. 40.

⁴⁰³ Там же. С. 41.

социалистических стран, указывал: «Польская сторона, занимая иногда объективистскую позицию, предлагала включить большое число документов (в издание источников по истории советско-польских отношений. — А.С.) по этим вопросам (деятельности правой ППС и буржуазно-националистических партий. — А.С.), советская сторона, руководствуясь принципом показа дружбы между советским и польским народами (курсив мой. — А.С.), настаивала на том, чтобы свести число этих документов до минимума. В серии „Восстание 1863 года” спорным оказался вопрос о томе повстанческой подпольной прессы, часть которой отличалась резко выкраденным националистическим духом: польская сторона предлагала опубликовать его целиком, советская сторона — выборочно или совсем воздержаться от публикации. Во всех случаях дискуссии кончались приемлемым для нас решением за счет полного единодушия обеих сторон. В целом эти научные дискуссии приносили пользу делу»⁴⁰⁴.

К сожалению, протоколы с заседаний советско-польской комиссии плохо сохранились, что не позволяет в полной мере реконструировать особенности совместной работы историков из двух государств. Однако по имеющимся фрагментам можно понять, что национальный вопрос неоднократно становился камнем преткновения в работе над изданием источников. Так, в октябре 1966 года в Москве состоялся советско-польский симпозиум на тему «Революционные связи народов СССР и Польши в XIX — начале XX века». Дискуссия разгорелась между И.С. Миллером и В.А. Дьяковым, с одной стороны и С. Кеневичем — с другой. Последний согласился с советскими коллегами в вопросе о близости русского и польского народов в XIX веке, однако пояснил, что «нельзя... говорить о необходимости данного союза и игнорировать имевшиеся на этом пути объективные трудности. Трудности эти были связаны с несинхронным развитием революционного движения в двух странах, приобретающего более динамический характер поочередно то в Польше (90-е гг. XVIII в. 30—40-е и 80-е XIX в.), то в России (20-е, 60—70-е

---

⁴⁰⁴ АРАН. Ф. 1965. Оп. 1. Д. 333. Л. 24.

XIX в.), когда выступавшее с предложением союза движение, в определенный момент более активное, не всегда находило достаточно сильного партнера с другой стороны. С русской стороны источником этой несинхронности была большая амплитуда колебаний, глубокие потрясения после поражений (особенно после 1826 г.), между прочим, и потому, что не было такого подкрепления, как национально освободительные стремления. А у польской стороны такие стремления тоже являлись элементом слабости. Это не означает, что все высказывания польских революционеров насчет “единства нации” надо расценивать отрицательно, как подчинение это идее национальных программ. Наоборот, для многих из красных национальные лозунги были средством привлечения части шляхты в революционный лагерь. Особый комплекс препятствий на пути к союзу польских и русских революционеров был связан с вопросом о границах 1772 г., а точнее — с отношением польских и русских революционеров к проблеме независимости Литвы, Белоруссии и Украины»⁴⁰⁵.

Этот комментарий можно интерпретировать также с точки зрения современных Кеневичу реалий. ПНР фактически находилась в сфере влияния Советского Союза, что превращало польский национальный вопрос XIX века в актуальную проблему. Таким образом, Кеневич стремился сохранить внимание к этой проблеме в восстании, чтобы она получила должное освещение в публикуемом издании. Свое выступление на симпозиуме он резюмировал так: «...сблизились, хотя и не стали одинаковыми наши взгляды, мнения, укрепились контакты с коллегами Москвы, Ленинграда, Литвы, Белоруссии, Украины и др. научных центров»⁴⁰⁶.

При издании источников не обошлось без влияния цензуры. В корреспонденции наместников⁴⁰⁷ в письме Константина Николаевича императору Александру был пропущен текст, который цензура посчитала оскорбительным для поляков. Однако об этом было сказано прямо, хоть и в

---

⁴⁰⁵ АРАН. Ф. 1965. Оп. 1. Д. 362. Л. 75-76.

⁴⁰⁶ Там же. Л. 91.

⁴⁰⁷ *Восстание 1863 года. Материалы и документы. Переписка наместников Королевства польского январь-август 1863 г.* Wrocław; М., 1974.

завуалированной форме, в предисловии: «...возмущенный пагубной — с его точки зрения — политикой лагеря белых... свое предельное возмущение выражал в ругательствах, адресованных польскому народу, воспроизводить которые в печати невозможно»⁴⁰⁸. В. Сливовская вспоминает об этом случае, воспроизводя удаленный текст: «Я записала этот случай в своем дневнике 19 июля 1974 года, выписав и сам этот фрагмент: „Что за несчастная нация! Каков поляк был двести, триста лет назад, таков он и теперь. Недаром русские прозвали поляков безмозглыми ляхами! Вечная белиберда, вечная бессмыслица — только охота пошуметь, покричать, подраться без всякой цели и только ради своеволия. Жалкий народ!”»⁴⁰⁹

Также В. Сливовская указала на удаленные источники в еще двух томах — военные и территориальные документы⁴¹⁰. «В целом, — писала историк, — на тысячу сто с лишним листов было едва ли несколько [удаленных] страниц машинописного текста, но факт остается фактом и трудно о нем не вспомнить»⁴¹¹.

Цензура касалась и использования определенных формулировок в исследованиях. Например, сообщает В. Сливовская, «нельзя было писать „русская армия”, только “царская”»⁴¹². Другой пример Кеневич приводит в письме Верещицкому от 27 января 1863 года (он напрямую не связан с изданием источников, но является очередным подтверждением цензуры и «сглаживания углов»). Редакторским советом «Пшеглэнда хисторычного», в который входил Кеневич, были внесены изменения в рецензию Верещицкого на монографию Кобердовой⁴¹³. Так, в абзаце «о враждебных Польше российских (выделено автором. — А.С.) элементах» последнее прилагательное

⁴⁰⁸ *Восстание 1863 года. Материалы и документы. С. XV.*

⁴⁰⁹ *Сливовская В. Совместная советско-польская комиссия и издание исторических источников... С. 20-21.*

⁴¹⁰ *Śliwowska W. Stefan Kieniewicz — edytor // Przegląd historyczny. 1993. T. 84, № 1. S. 34.*

⁴¹¹ *Śliwowska W. Stefan Kieniewicz jako wydawca źródeł do dziejów postania styczniowego... S. 5.*

⁴¹² *Сливовская В. Интервью (2015).*

⁴¹³ *Koberdowa I. Wielki Książę Konstanty w Warszawie 1862—1863. Warszawa, 1962, s. 308; Wereszycki H. Rec.: Irena Koberdowa. Wielki Książę Konstanty w Warszawie 1862—1863, Warszawa 1962, s. 308 // Przegląd Historyczny. 1963. T. 54, № 1. S. 350-353.*

было заменено на «петербургских», — сообщает Кеневич своему коллеге в письме⁴¹⁴. Такие формулировки были связаны с официальным пониманием советско(русско)-польских отношений. Пропаганда стремилась показать, что в истории не было конфликтов между двумя народами, а польское движение в XIX веке было направлено против царской власти и феодального строя.

Стоит также заметить, что цензура в значительно меньшей степени затронула издание материалов Январского восстания, в отличие от другого подобного проекта — публикации источников по истории польско-советских отношений⁴¹⁵. Шумский подчеркивает, что первое издание в большей степени носило научный характер⁴¹⁶, в отличие от второго, находившегося «под значительным контролем ЦК КПСС»⁴¹⁷. Причина кроется в том, что события, освещенные во втором издании, были непосредственно связаны с историей СССР, что, конечно, вызывало более пристальное внимание властей.

Тем не менее, несмотря на некоторые трудности, Кеневич вместе с польскими и советскими коллегами проделал колоссальную работу. В письме в 1987 году Х. Верещицкий писал коллеге: «Ни один из наших современных историков не может похвастаться чем-то подобным»⁴¹⁸. Помимо долгих и кропотливых поисков в архивах, координации работы историков, Кеневичу приходилось регулярно ездить в командировки в Москву на заседания смешанной комиссии для обсуждения организационных вопросов⁴¹⁹. К тому же, Кеневич был привлечен к работе Комиссии польских и советских

---

⁴¹⁴ *Stefan Kieniewicz — Henryk Wereszycki. Korespondencj... S. 205.*

⁴¹⁵ *Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich. Warszawa, 1961—1987. T. 1-11.*

⁴¹⁶ *Szumski J. Op. cit. S. 314.*

⁴¹⁷ *Ibid. S. 315.*

⁴¹⁸ *Stefan Kieniewicz — Henryk Wereszycki. Korespondencj... S. 745.*

⁴¹⁹ В архиве АН СССР сохранилось не так много документов, связанных с советско-польским проектом, однако в них регулярно встречается упоминание о приглашении Кеневича для обсуждения организационных вопросов или о визите советских историков, чаще всего И.С. Миллера, в Варшаву. См. *АРАН. Ф. 1965. Оп. 1 Д. 184. Л. 1; Ф. 1965. Оп. 1. Д. 194. Л. 3; Ф. 1965. Оп. 1. Д. 229. Л. 51; Ф. 1965. Оп. 1. Д. 276. Л. 15; Ф. 1965. Оп. 1. Д. 430. Л. 80; Archiwum IH PAN, Akta osobowe prof. S. Kieniewicza 1953—1968, sygn. 2/205.*

историков, учрежденной в 1965 г.⁴²⁰ С одной стороны, задачей комиссии было развитие научных отношений между странами, но в то же время это была попытка Советского Союза установить контроль за исторической наукой братского соседа, ведь основные решения по созданию комиссии принимались в ЦК КПСС⁴²¹. Из-за недостаточности имеющихся источников сложно установить, каким образом Кеневич вошел в состав комиссии и какие выполнял в ней функции. Можно предположить, что его репутация не вызывала сомнений в партии как в 1950-х годах, да и самому историку это было выгодно с точки зрения работы над изданием источников и необходимостью получения доступа в архивы.

К публикации источников в рамках советско-польского или какого-либо другого издания историк относился с большой серьезностью и придавал особый смысл этой работе. «Научные книги, — писал Кеневич, — пишем и публикуем обычно для собственного удовлетворения; источники издаем для того, чтобы ими пользовались другие. А также издание источников, если хорошо выполнено, сохраняет свою пригодность намного дольше, чем монография, а еще дольше, чем учебник. Совершенное издание в теории может служить вечно»⁴²².

Колоссальный опыт Кеневича в источниковедении и публикации источников привел его к очередному советско-польскому проекту. Только в этот раз в роли редактора и, по выражению В. Сливовской, «патрона»⁴²³. Речь идет о так называемой «зеленой серии» — сборнике источников по истории польского общественно-политического движения 1830—1850-х годов⁴²⁴.

---

⁴²⁰ Помимо Кеневича в состав комиссии с польской стороны вошли Г. Альтман, Л. Базылев, Б. Бэднаж, Т. Данишевский, Т. Цесляк, В. Гензель, Л. Гросфельд, К. Маевский, З. Вуйцик, А. Верблян во главе с Х. Ловмянским; с советской — Б.А. Рыбаков, В.И. Шунков, И.А. Хренов, В.Т. Пашуто, И.С. Миллер, В.А. Дьяков. См.: *Марней Л.П.* Комиссия историков СССР и ПНР 1965—1968 годов: к истории основания... С. 50-51.

⁴²¹ См.: *Марней Л.П.* Указ. соч.; *Szumski J.* Op. cit. S. 334-344.

⁴²² *Kieniewicz S.* Z doświadczeń edytora źródeł historycznych... S. 123.

⁴²³ *Śliwowska W.* Stefan Kieniewicz — edytor // *Przegląd historyczny.* 1993. Т. 84, № 1. S. 36.

⁴²⁴ *Polskie ruchy społeczno-polityczne i życie literackie 1832–1855.* *Studia i materiały.*

Четыре из пяти томов вышли при жизни профессора⁴²⁵, «хотя черновик последнего прочитал, как обычно, с необыкновенной скрупулезностью, обращая внимание на пропуски, ошибки, дополняя текст и сноски, — вспоминает дальше руководитель серии В. Сливовская. — Во всех „зеленых томах” есть частичка Его работы, Его знания и интересов»⁴²⁶. Таким образом, в работе над «Материалами Январского восстания» Кеневич смог воспитать продолжателей своего дела.

Изучение польскими и советскими историками Январского восстания дало сильный импульс к развитию научных отношений между двумя странами. В то же время многотомное издание является примером того, как цензура вмешивалась в работу ученых, а официальная идеология определяла структуру издания. Благодаря архивным материалам можно познакомиться с дискуссиями, которые проходили на заседаниях редколлегии, вокруг некоторых вопросов восстания. Они подтверждают то, что в Польше сохранялось отличная от марксистской трактовка событий 1863 года. Несмотря на все трудности, историкам удалось проделать колоссальную работу, опубликовав тома «Январского восстания. Материалы и документы». Это вклад в развитие исторической науки остается весомым. Благодаря их работе ученые получили незаменимую источниковую базу для своих исследований, среди которых и монография Стефана Кеневича «Январское восстание».

§2. Январское восстание в концепции Стефана Кеневича

«Оттепель» была глотком свежего воздуха для польской исторической науки, но университеты так и не обрели автономию, власть старалась не

---

⁴²⁵ *Stowarzyszenie Ludu Polskiego w Królestwie Polskim. Gustaw Ehrenberg i «świętokrzyżcy»*. Wrocław, 1978. 477 s.; *Rewolucyjna konspiracja w Królestwie Polskim w latach 1840—1845*. Edward Dembowski. Wrocław, 1981. 815 s.; *Spółeczeństwo polskie i próby wznowienia walki zbrojnej w 1833 roku*. Wrocław, 1984. 808 s.; *Djakow W.A., Gałkowski A., Śliwowska W., Zajcew W.M. Uczestnicy ruchów wolnościowych w latach 1832—1855 (Królestwo Polskie)*. Przewodnik biograficzny. Wrocław, 1990. 560 s.

⁴²⁶ Ibid.

выпускать науку из-под контроля, господство идеологии и партийной бюрократии казалось повсеместным, однако в историографии польской науки нет единого мнения в вопросе свободы творчества ученых. Так, польский исследователь Р. Стобецкий отмечает, что большинство историков продолжало после критики сталинистской науки во второй половине 1950-х годов ориентироваться на марксистскую теорию в своих исследованиях, хотя бы на декларативном уровне⁴²⁷. Исследовательский дискурс все равно строился из типовых для материалистического понимания истории терминов: база и надстройка, классовая борьба и прочих. Фактографический материал, пишет Р. Стобецкий, продолжал оформляться вокруг формационной теории (в меньшей степени в исследованиях древней и средневековой истории, и в большей — Нового и Новейшего времени)⁴²⁸.

В.Е. Туманин, наоборот, пишет, что «польские историки еще до 1956 г. начали отказываться от одностороннего использования только лишь марксизма и стали стремиться к поиску новых научных проблем, в значительной степени вдохновленные критическим отношением к прежним ограничениям, а также находясь под влиянием новых европейских школ в историографии. Вообще, после 1956 г. можно говорить о методологическом и теоретическом плюрализме в исторической науке в Польше»⁴²⁹. В своем выводе российский историк следует за Е. Топольским, творчество которого он изучал. Им вторит В.О. Сеницын, добавляя с излишним оптимизмом, что «рядом с партийной ортодоксальностью возродилась тенденция к утверждению объективного взгляда на новейшую историю, учитывающего, по мере возможности, многообразие факторов, а не только классово-идеологический, как того хотели партийные функционеры»⁴³⁰.

Трудно согласиться с российскими исследователями. В ПНР все еще сохранялась цензура, а кажущийся методологический плюрализм был

---

⁴²⁷ *Stobiecki R.* *Historiografia PRL...* S. 172-173.

⁴²⁸ *Ibid.* S. 176.

⁴²⁹ *Туманин В.Е.* «Historia — moje życie»: Научное наследие Ежи Топольского. С. 20.

⁴³⁰ *Сеницын В.О.* Указ. соч. С. 46-47.

возможен только в рамках марксистской теории. Собственно, теоретическая концепция Е. Топольского и являлась одним из примеров обновления марксистской теории после 1956 года. Уже в 1959 году в статье «Исторический материализм в работах польских историков»⁴³¹ он в соавторстве с Антонием Малевским подверг критике существовавший тогда способ адаптации марксизма в историографии, а также обозначил в общих чертах его новую интерпретацию с учетом польского опыта.

Источниками ревизии методологии исторического материализма в целом была возможность обращения и использования, без обязательной критики, работ польских ученых межвоенного периода, а также установление контактов с западноевропейскими марксистскими школами (школа «Анналов», англосаксонская историография и другие).

На вопрос о плюрализме в историографии после 1956 года историки зачастую смотрят под разным углом зрения. По-своему прав Р. Стобецкий, утверждая, что марксизм составлял теоретический стержень польской историографии, только он не был однородным, а приобретал разные интерпретации у разных историков (в качестве примера можно привести В. Кулю, М. Маловиста, которые в своих исследованиях обращались к школе «Анналов», и Е. Топольского, развивавшего довоенную теорию своего учителя Я. Рутковского). Но проводить исследования вне марксистского дискурса было затруднительно. С одной стороны, поскольку он выступал основой официальной идеологии: партийно-государственная власть следила за наукой и стремилась ее подчинить собственным интересам. С другой, на что обращает внимание Р. Стобецкий, «многие годы [марксизм] был постоянным компонентом ментальности исторического сообщества, обозначал обязательные в нем каноны мышления о прошлом»⁴³².

---

⁴³¹ *Malewski A., Topolski E. Materializm historyczny w pracach historyków polskich // Studia Filozoficzne. 1959. № 6. S. 3-17.*

⁴³² *Stobiecki R. Historiografia PRL... S. 182.*

По замечанию Е. Здреды, Стефан Кеневич постепенно поддавался требованиям ревизии истории Польши после разделов⁴³³, что отразилось и в его главном научном труде — «Январском восстании», увидевшем свет в 1972 году⁴³⁴ и дважды переиздававшимся в Польше⁴³⁵. В этой фундаментальной работе, насчитывающей 800 страниц, историк собрал все свои знания, ранние исследования и достижения исторической науки. Немаловажно, что значительную часть источников, использованных в монографии, Кеневич обнаружил в ходе работы над советско-польским изданием «Январское восстание. Материалы и документы».

Глубокий анализ этой работы может стать основой для отдельного исследования. Однако, учитывая перипетии биографии историка и ценность его труда для историографии, важно подчеркнуть оригинальное видение Кеневичем Январского восстания, его места в истории не только Польши, но и России.

Основной акцент в монографии сделан на истории лагеря красных: деятельность тайных союзов, Центрального национального комитета и Национального правительства. Автор сам обращает внимание в предисловии, что ряд тем освещен в работе меньше: деятельность лагеря белых, крестьянский, еврейский, женский, церковный, военный вопросы, отголоски восстания в двух других частях разделенной Польши, в Литве, Беларуси и Украине, а также в польской эмиграции⁴³⁶. Таким образом, историк сосредоточился на политической истории, стараясь, хотя бы косвенно, затронуть тот широкий спектр проблем, которых коснулись события 1863 года.

Кеневич не дал теоретико-методологической характеристики своей работе, но обозначил ее идейную составляющую: «Живя в Польше и работая для Польши во второй половине XX века, занимаясь ее историей периода

---

⁴³³ *Zdrada J.* Op. cit. S. 29-102.

⁴³⁴ *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. Warszawa, 1972.

⁴³⁵ *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. Warszawa, 1983; *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. Warszawa, 2009.

⁴³⁶ *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. Warszawa, 2009. S. 5-6.

неволи, в своей работе я положительно оцениваю все те явления, которые, по моему убеждению, служили делу национальной независимости, освобождению и благосостоянию народных масс, а также развитию дружеских отношений между Польшей и другими, в особенности соседними, народами»⁴³⁷.

Рассматривать этот пассаж следует с двух точек зрения — историографической и общественной-политической, которые тесно связаны с марксистской теорией в ее официальном советском понимании.

В первом случае Кеневич стремился объединить в монографии те два подхода к интерпретации восстания и истории XIX века в целом, которые в максимально широком понимании были характерны для межвоенной польской и прровской историографий: Январское восстание как национальная борьба за независимость и как борьба революционная. И в предисловии историк указал, что не собирается разделять эти две оценки.

Во втором случае, учитывая, что исследование было издано в Народной Польше, в которой историческая наука не была автономной и в большей или меньшей степени (в зависимости от политической конъюнктуры) находилась в подчинении от власти, слова Кеневича получают другое прочтение. Вероятно, именно об этом писал И.С. Миллер в рецензии на монографию: «Я ощущаю в этих словах какую-то полемическую ноту, хотя не мог бы определить, в чей адрес полемичность направлена. Не знаю, как прочтут эти слова другие читатели. По моему убеждению, содержание труда профессора Кеневича свидетельствует о том, что патриотические и демократические убеждения не входят в противоречие с принципами марксистской методологии, что они служат тому же самому принципу, той же самой цели — поискам исторической правды»⁴³⁸.

Адресатом Кеневича вполне могла быть коммунистическая власть, активно продвигавшая свою интерпретацию прошлого. Маскируя введение

---

⁴³⁷ *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. Warszawa, 2009. S. 6.

⁴³⁸ *Миллер И.С.* Восстание 1863 г. (По поводу монографии Ст. Кеневича «Январское восстание». Варшава, 1972)... С. 202-203.

марксистской риторикой, Кеневич все же отметил, что не отказывается от своих взглядов, сформированных до войны: «Я положительно оцениваю все те явления, которые... служили делу национальной независимости, освобождению и благосостоянию народных масс»⁴³⁹.

Этот неочевидный пассаж не ускользнул от современников. Давний друг и коллега Кеневича Х. Верещицкий в письме В. Чаплиньскому писал: «В этот раз впервые объявлю что-то в „Тыгоднике повсехном“ под собственной фамилией⁴⁴⁰. Интересно мне, как это будет принято. Я спасал Кеневича, ничего не вспоминая [в рецензии на «Январское восстание»] о его сталинских суждениях на тему восстания, поскольку в первом слове предисловия он как будто просил считать, что их „не было“ [uważać to za „niebułe”]. То есть Кеневич вернулся к своему воплощению до 1939 г., и я так же к нему отнесся, то есть принял, что кто-то другой (не «настоящий» Кеневич. — А.С.) писал для макета (второго тома «Истории Польши». — А.С.) историю восстания. Но трудно допустить, чтобы много историков этого не заметило»⁴⁴¹.

То, что автор обратил особое внимание на «благосостояние народных масс» и дружбу народов стран социалистического лагеря можно рассматривать как реверанс в адрес партийных цензоров, а соответственно, власти. По этому поводу Кеневич написал в послесловии ко второму изданию монографии: «Первое издание настоящего дела не было искажено ни Управлением контроля [над публикациями и зрелищами], ни внутренней цензурой издательства»⁴⁴².

При такой трактовке слов Кеневича, кажется справедливым другое замечание А. Шварца, правда относящееся к советско-польскому изданию источников по Январскому восстанию: «Используя официальный способ понимания Январского восстания как социальной революции, которая также охватила территории Литвы, Беларуси и Украины, и была поддержана

⁴³⁹ *Kieniewicz S. Powstanie styczniowe...* 2009. S. 6.

⁴⁴⁰ Речь идет о рецензии Верещицкого на книгу Кеневича о Январском восстании. См.: *Wereszycki H. Dzieło o powstaniu styczniowym...* S. 1-2.

⁴⁴¹ *Stefan Kieniewicz — Henryk Wereszycki. Korespondencja...* S. 337.

⁴⁴² *Kieniewicz S. Powstanie styczniowe...* 2009. S. 750.

тогдашними российскими левыми, удалось получить скромное финансирование, а в первую очередь доступ к советским архивам в невиданном доселе масштабе»⁴⁴³. Именно марксистское понимание восстания Кеневичем сделало возможным не столько издание источников, сколько его собственных исследований, которые могли быть не пропущены цензурой при иной интерпретации.

Таким образом, Кеневич формулирует свое собственное видение истории восстания, отличное от общепринятого в науке социалистических стран, в которой прогрессивной считалась только деятельность красных. Историк старался не столько реабилитировать белых в марксистском дискурсе, сколько показать, что понимание роли того или иного лагеря в истории является проблемой аксиологической. Ведь и красные, и белые целью своей деятельности видели благо Польши. Подтверждение этому тезису находится в тексте исследования: «Красные указывали белым на отсутствие патриотизма, белые красным — на отсутствие политического благоразумия. Нам не выпутаться из этой старой полемики, пока не признаем за одной и другой стороной одинаково патриотичных побуждений, так как элементов логичного понимания. Тогда разница в оценках приводит: в индивидуальных случаях к разнице темпераментов; а в массовом понимании — к классовой обусловленности»⁴⁴⁴.

В этом отрывке Кеневич также затрагивает проблему объективности исторического знания. Сохраняя за обеими партиями право на патриотические стремления, историк выступает против утверждения в историографии однобокого восприятия прошлого, что можно интерпретировать как имплицитную критику официальной марксистской теории.

Таким образом, концепция Январского восстания у Кеневича объединяет в себе разные историографические оценки. С одной стороны, это марксистская,

---

⁴⁴³ *Szwarc A. Przedmowa do trzeciego wydania // Kieniewicz. S. Powstanie styczniowe... 2009. S. XI.*

⁴⁴⁴ *Kieniewicz S. Powstanie styczniowe... 2009. S. 224.*

которая заключается в подчеркивании революционного характера восстания и роли «угнетаемых» классов (в первую очередь крестьян). С другой — национально-патриотическая оценка, которая берет корни в довоенных работах историка. Суть ее в представлении польского движения как борьбы против России за возрождение государства.

Концентрация внимания историка на деятельности партии красных может быть обусловлено не только ориентацией на марксистскую теорию, но и, опять же, довоенными взглядами. К тому же, марксистский подход, освобожденный от политической шелухи, был научным методом многих ученых. Его существенную роль подчеркивает З. Ромек: польские историки «принимали марксизм не как инструмент идеологической пропаганды, а прежде всего как научный метод, которые открывал новые, ранее неизвестные исследовательские перспективы»⁴⁴⁵. Любопытно, что в качестве подтверждения тезиса З. Ромек приводит цитату Кеневича из статьи «Счет совести»⁴⁴⁶.

Несмотря на неоднозначную трактовку восстания в современных Кеневичу условиях, монография была положительно принята в СССР. И.С. Миллер высоко оценил не только саму работу, но и заслуги ее автора: «одного из тех, кто определяет сегодняшний день исторической науки в Польше»⁴⁴⁷. В.А. Дьяков в монографии об освободительном движении в России писал, что «Январское восстание» — это «капитальный труд... написанный крупнейшим знатоком истории Польши XIX в.», внесший вклад в изучение польской левицы и национально-освободительного движения⁴⁴⁸.

Во второе издание «Январского восстания» (1983) Кеневич практически не внес правок, за исключением исправления отдельных ошибок и неточностей, на которые указали рецензенты. Но слова, которыми зачивается монография, больше относятся не к давним событиям XIX века, а к современности, которая

---

⁴⁴⁵ *Romek Z.* Op. cit. S. 332.

⁴⁴⁶ См.: Гл. 2, § 3.

⁴⁴⁷ *Миллер И.С.* Восстание 1863 г. (По поводу монографии Ст. Кеневича «Январское восстание». Варшава, 1972)... С. 195.

⁴⁴⁸ *Дьяков В.А.* Освободительное движение в России 1825—1861 гг. ... С. 172.

волновала автора. В предпоследнем абзаце (которым заканчивалось первое издание монографии) историк цитирует слова одного из лидера красных Ярослава Домбровского о том, что ни один народ не имеет права властвовать над другим, а «необходимость свободы, ощущаемая [подчиненным] народом, дает ему неопровержимое право избавления от опеки; все, что навязывается чуждым влиянием или властью есть насилие. Это насилие становится более отвратительно, если осуществляется борющимся народом за свою независимость»⁴⁴⁹. Для Кеневича это не просто оценка борьбы поляков в XIX веке, историк писал, что «слова эти... стали понятны и оценены собственно сейчас, после тяжелых испытаний новых войн и новых революций — сегодня, в Народной Польше восьмидесятых годов»⁴⁵⁰. По мнению Е. Борейши, «последнее предложение из второго издания *Январского восстания* в 1983 году читали и понимали тысячи поляков»⁴⁵¹. Трудно ответить за всех поляков, но Кеневич явно хотел провести параллель между XIX веком и современной ему Польшей.

Кроме того, этот отрывок — прямая отсылка к бурному началу 1980-х годов, когда в гданьской верфи имени Ленина зародился профсоюз «Солидарность». Кеневич те события рассматривал как продолжение «традиции, которая была мне (Кеневичу. — А.С.) наиболее дорога, традиции „за нашу и вашу свободу”»⁴⁵². Всю свою жизнь стоявший в отдалении Кеневич внес свою скромную лепту в развитие нового движения, о чем рассказала Б. Грохульская, которая пришла домой к своему учителю 20 августа 1980 года с просьбой подписать письмо в поддержку бастующих рабочих гданьской верфи. Это было так называемое «письмо 64-х» — официальное заявление оппозиционной интеллигенции в поддержку Межзаводского забастовочного комитета, выдвинувшего несколькими днями ранее двадцать одно требование правительству Польши.

⁴⁴⁹ *Kieniwcz. S. Powstanie styczniowe...* 2009. S. 747-748.

⁴⁵⁰ *Ibid.* S. 748.

⁴⁵¹ *Borejsza J.W. Op. cit.* S. 23.

⁴⁵² *Kieniewicz S. O sobie i historii // Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo...* S. 289.

«Кеневич попросил, чтобы я села, — вспоминает Б. Грохульская, — прочитал содержание, спросил об обстоятельствах, немного подумал и начал говорить. Он рассуждал об актуальной ситуации, оценивал ее как историк, измерял опытом прошлого; понимал необходимость передачи обращения скорее в категориях романтизма, чем политического реализма; и в итоге сказал немного безрадостно: „Всему этому учились...” и подписал письмо»⁴⁵³. Брошенную фразу можно по-разному интерпретировать. С одной стороны, она отсылает к широко понимаемой польской повстанческой традиции, в рамках которой национальные бунты против Австрии, Пруссии или России в XIX веке или антигерманские и антисоветские (антикоммунистические в целом) выступления в XX веке рассматриваются как борьба за независимость.

Но другое объяснение напрашивается при прочтении переписки Кеневича. Мнением об этом гражданском акте он поделился с другом Х. Верещицким, отметив в письме, что его участие в кампании — исключительно заслуга «Баси Грохульской,... которая подумала обо мне»⁴⁵⁴. При этом Кеневич в том же письме пессимистично оценивал действия оппозиции: «Сожалею, но, как и раньше, я не могу высечь из себя искру чрезмерного оптимизма. Не из-за возможной интервенции с востока, которую боится запад, а также наши партийцы, — потому что я знаю ту страну (Россию. — А.С.). Скорее я боюсь, что ненадолго хватит нашего минутного увлечения (*słomianą ogień*), что голословные заявления и обещания не поставят нас на ноги, что мало кто захочет у нас признать не только нехватку приличной работы, но и низкий уровень жизни»⁴⁵⁵. В молодости Кеневич упрекал своего учителя А. Скалковского в пессимистическом видении истории Польши. Но дожив до его лет, сам стал размышлять о национальной судьбе в тех же категориях. А фраза «всему этому учились...» может значить, что история

⁴⁵³ *Grochulska B.* Op. cit. S. 41.

⁴⁵⁴ *Stefan Kieniewicz — Henryk Wereszycki.* Korespondencja... S. 527.

⁴⁵⁵ *Ibid.* S. 528.

повторяется, опять начинается борьба за свободу, восстание против власти, но это вновь может привести лишь к поверхностным изменениям.

Документальных подтверждений более активного участия историка в деятельности профсоюза в настоящий момент нет. Однако его семья не стояла в стороне. В архиве Варшавского университета осталось упоминание о членстве дочери Кеневича Терезы в «Солидарности»⁴⁵⁶. В письме Верещицкому Кеневич сетовал, что семья столкнулась с «проблемами, вызванными забастовкой в университете, в которой в разных ролях замешаны сын, дочь и внук»⁴⁵⁷. К изначально студенческой забастовке в Варшавском университете против изменений в законе о высшем образовании присоединились также сотрудники (12 ноября — 8 декабря 1981 года). Среди участников был студент Лешек Кеневич, внук известного историка и сын тогдашнего заместителя директора Яна Кеневича. Однако Стефан Кеневич философски оценивал и саму забастовку, и оппозиционную деятельность младших членов семьи: «Эта дилемма напоминает мне 1905 год — углубляющийся конфликт поколений, раздор среди молодежи, потому что *de facto* оккупирует крыши небольшое меньшинство, а среди остальных кто-то бездельничает, кто-то недоумевает. Не говорю уж о себе, а вот моим детям очень сложно найти общий язык с политически ангажированными студентами»⁴⁵⁸.

Даже косвенная связь с оппозиционным движением привлекла внимание Службы безопасности к Кеневичу, хотя, как отмечал историк, «особых неприятностей со стороны этого института не имел, не считая того, что несколько лет не выдавали заграничный паспорт. В конце концов, это можно было как-то пережить»⁴⁵⁹. Скорее всего, по этим же причинам в начале 1980-х годов Кеневич попал в «черный список» польских ученых, чьи работы было запрещено упоминать в советских изданиях, на что указывает

⁴⁵⁶ *Archiwum UW, Akta pracownicze Stefana Kieniewicz, sygn. K.12.323.*

⁴⁵⁷ *Stefan Kieniewicz — Henryk Wereszycki. Korespondencja... S. 587.*

⁴⁵⁸ *Ibid. S. 587-588.*

⁴⁵⁹ *Kieniewicz S. O sobie i historii // Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo... S. 289.*

Л.Е. Горизонтов⁴⁶⁰. Снова Кеневич оказался в списках неблагонадежных личностей, только в этот раз за его плечами был жизненный и исследовательский опыт. Активное сопротивление не было характерно для него поведения, так что историк продолжал работу, которой посвятил свою жизнь.

В монографии «Январское восстание» Кеневич представил собственную концепцию восстания 1863 года в результате долгой и кропотливой работы с источниками и сложного творческого пути со всеми его перипетиями. Историк объединил разные подходы к пониманию прошлого, оставаясь верным своим первым довоенным разработкам, в которых восстание было представлено как национальная борьба за независимость, и развивая марксистское видение — не обходя вниманием общественные процессы, которые происходили во второй половине XIX века.

§3. Роль Стефана Кеневича в исторической науке

Помимо научной работы, Кеневич выполнял, как он это называл, «профессорские функции»⁴⁶¹: читал лекции на историческом факультете Варшавского университета (его курс охватывал историю Польши в 1764—1864 годах), вел семинары со студентами и докторантами. По данным К. Гронёвского в магистерских семинарах приняло участие более 245 человек, а докторских — 71⁴⁶². В правдоподобности второй цифры сомневается В. Цабан, который, однако, не приводит других данных⁴⁶³. Данные К. Гронёвского близки к реальности, учитывая, что Кеневич в автобиографии 1980 года указал, что число докторантов приближается к пятидесяти⁴⁶⁴. Были среди учеников историка и иностранцы, в том числе два японца: Хироши Бандо и Макото Хаясака, которые, как вспоминал Кеневич, присылали ему копии

⁴⁶⁰ Горизонтов Л.Е. Путь историка... С. 28.

⁴⁶¹ Kieniewicz S. Z rozmyślań dziejopisa... S. 260.

⁴⁶² Groniowski K. Op. cit. S. 406, 417.

⁴⁶³ Caban W. Op. cit. S. 112.

⁴⁶⁴ Kieniewicz S. Z rozmyślań dziejopisa... S. 260.

своих исследований, написанные по-японски⁴⁶⁵. Советские исследователи, приезжая в командировку в Варшаву, нередко приходили к польскому профессору на консультации⁴⁶⁶.

Свои педагогические способности историк оценивал критично: «...не научился интересно проводить занятия, склонить слушателей к активному участию»⁴⁶⁷. Однако много внимания уделял свои магистрантам и докторантам. В. Сливовская вспоминает: «Не единожды из какой-нибудь поездки привозил написанные собственноручно карточки и вручал эти „дарования” со словами: „это может пани (или пану) пригодиться”»⁴⁶⁸.

В предисловии к третьему изданию «Январского восстания» ученик Кеневича А. Шварц указывает, что авторитет профессора был настолько весом, что на его семинары для аспирантов даже приходила одна «очень пожилая женщина, которая к героям 1863 года выражала, как это сейчас говорят, „культовое” отношение. Разбавленная молодежь, к которой относился и я (А. Шварц. — А.С.), в начале семидесятых годов в шутку видела в ней последнюю прямую связь с восстанием. В конце концов, ей удалось при большой помощи Профессора защитить докторскую диссертацию об образе Траугутта⁴⁶⁹ в историографии, хорошую в публицистическом и литературном отношении. Ей тогда уже было больше 80 лет»⁴⁷⁰. К слову, в корреспонденции с Х. Верещицким Кеневич вспоминал в 1979 году о разговоре, посвященном Траугутту, со слушателями курсов «Университета третьего возраста» (возможно среди них была и пожилая аспирантка), тепло отзываясь о своих «студентах»: «[На занятие] пришло 300 человек, атмосфера была душевной, а в

⁴⁶⁵ *Kieniewicz S. Z rozmyślań dziejopisa...*

⁴⁶⁶ АРАН. Ф. 1965 Оп. 1. Д. 451. Л. 22, 181; Ф. 1965. Оп. 1. Д. 475. Л. 171.

⁴⁶⁷ *Kieniewicz S. Z rozmyślań dziejopisa...* S. 260.

⁴⁶⁸ *Sliwowska W. Stefan Kieniewicz — edytor // Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo w polskiej historiografii...* S. 159.

⁴⁶⁹ *Траугутт Ромуальд* (1826—1864) — генерал, революционер, диктатор Январского восстания 1863 года.

⁴⁷⁰ *Szwarc A. Przedmowa do trzeciego wydania...* S. XII.

конце даже включили на проигрывателе *Gaudeamus*»⁴⁷¹. Так что Кеневич напрасно опасался по поводу преподавательского таланта. Может он и не был высококлассным оратором, но привлекал студентов любого возраста doskonaльным знанием истории, высоким профессионализмом и уважительным отношением к собеседникам. Шварц также обращает внимание, что к Кеневичу часто приходили «случайные гости» в поисках информации о своих предках, принимавших участие в восстании⁴⁷².

Было бы слишком смелым утверждать, что в Польше сложилась школа Кеневича, в этом сомневался и сам историк, отвечая в анкете еженедельника «Культура» в 1976 году, «что может быть поспособствовал образованию научной группы исследователей историков XIX века»⁴⁷³. Х. Дылёнгова обращает внимание, что учеников историка «можно узнать не только по их публикациям, но и по докладам на разных исторических или вообще публичных форумах. Тех, кто считает себя связанным с Его семинаром, характеризует отсутствие националистической черствости и признание патриотизма соотечественников, а также подход к исследовательской работе, требующий добросовестности и порядочности»⁴⁷⁴. Ей вторит Р. Желиховский, добавляя, что ученый учил не только истории, но и ее изложению красивым литературным польским языком⁴⁷⁵. Современный исследователь А. Новак, рассматривая историографию польско-российских отношений в XIX веке, берет слово «школа» в кавычки, упоминая об историке А. Шварце как ученике Кеневича⁴⁷⁶. Авторитет ученого настолько высок в польской историографии, что создается впечатление, как будто уже сама по себе отсылка к его творчеству, его преподавательской деятельности может говорить о научной значимости работы.

---

⁴⁷¹ *Stefan Kieniewicz — Henryk Wereszycki. Korespondencja... S. 493.*

⁴⁷² *Ibid. S. XII-XII.*

⁴⁷³ *Kieniewicz S. Po nas potopu nie będzie. Kto po mnie? // Kultura. 1976. № 51/52. S. 8.*

⁴⁷⁴ *Dylągowa H. Op. cit. S. 212-213.*

⁴⁷⁵ *Żelichowski R. Op. cit. S. 150.*

⁴⁷⁶ *См.: Новак А. Указ. соч. С. 432-433.*

На семинарах Кеневич старался донести до студентов основы работы историка, о чем вспоминает В. Сливовская: «После основательного изучения литературы предмета, составления карточек и заметок, исследователь приступает к приносящему историку настоящее наслаждение — соприкосновение с источниками». Я запомнила эти слова вроде бы дословно (и цитировала пару раз), потому что в то время всех нас, двадцать с чем-то летних студентов, они рассмешили, и мы повторяли неоднократно, что знаем также другие наслаждения. Сегодня, спустя годы, я склонна согласиться с Профессором...»⁴⁷⁷

Стоит заметить, что в ходе многолетнего совместного труда между С. Кеневичем и советскими историками (И.С. Миллером и В.А. Дьяковым) завязалась дружба. «Профессор Кеневич одаривал обоих советских ученых, а особенно первого, которого знал дольше, огромным уважением, принимал у себя дома», — пишет В. Сливовская⁴⁷⁸. В интервью ученица профессора добавила, что он высоко ценил И.С. Миллера и В.А. Дьякова за то, что «с ними было легко сотрудничать, можно было не говорить обиняками» [Można było im powiedzieć prawdę, nie trzeba było owijać w bawełne tego]⁴⁷⁹. Им удалось найти общий язык и взаимопонимание, хотя сложная политическая ситуация, условия работы и цензура вряд ли способствовали установлению более близких неофициальных контактов между учеными двух стран.

В переписке с Х. Верещицким и автобиографической статье «О себе и истории» он в шутку называл их «друзья-москали»⁴⁸⁰, отсылая тем самым к отрывку из поэмы Адама Мицкевича «Дзяды»⁴⁸¹. Это сравнение символично и в некоторой степени отражает отношение польского историка к советским ученым, и в целом атмосферу, в которой приходилось работать исследователям

⁴⁷⁷ *Sliwowska W.* Stefan Kieniewicz — edytor // *Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo...* S. 154.

⁴⁷⁸ *Ibid.* S. 160.

⁴⁷⁹ *Сливовская В.* Интервью (2015)...

⁴⁸⁰ *Stefan Kieniewicz — Henryk Wereszycki.* Korespondencja... S. 391; *Kieniewicz S.* O sobie i historii // *Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo...* S. 288.

⁴⁸¹ Указанный отрывок вошел в приложение к третьей части поэмы, которая была издана в 1832 году, но часто публикуется как отдельное стихотворение.

прошлого. Поэт-романтик посвятил стихотворение декабристам, воспевая их борьбу и кляня царский деспотизм⁴⁸²:

*Забут ли я вами? Когда пробежит вереница
Поляков казненных, погибших в тюрьме и в изгнаны,
И ваши встанут предо мной чужеземные лица,
И образам вашим дарю я любовь и вниманье.*

*Где все вы теперь? Посылаю позор и проклятье
Народам, предавшим пророков своих избиенью...
Рылеев, которого братски я принял в объятия,
Жестокою казнию казнен по цареву веленью⁴⁸³.*

Конечно, И.С. Миллер и А.В. Дьяков не поднимали бунта против власти, и аналогия прослеживается в другом — цензура, тотальный контроль государства, ограничение свободы и репрессии были характерны как для николаевской России, так и Советского Союза. Многие историки в разные годы советской власти были репрессированы, и большинство было вынуждено лавировать между собственными самобытными идеями и официальной трактовкой⁴⁸⁴. Даже для наблюдателя из Народной Польши их жизнь казалась

⁴⁸² Стихотворение цитируется в переводе А.К. Виноградова. *Мицкевич А.* Избранные произведения. М., Л., 1929. С. 246.

⁴⁸³ Wy, czy mnie wspominać! ja, ilekroć marzę
O mych przyjaciół śmierciach, wygnaniach, więzieniach,
I o was myślę: wasze cudzoziemskie twarze
Mają obywatelstwa prawo w mych marzeniach.

Gdzież wy teraz? Szlachetna szyja Rylejewa,
Którąm jak bratnią ścisnął carskimi wyroki
Wisi do hańbiącego przywiązana drzewa;
Klątwa ludom, co swoje mordują proroki.

Mickiewicz A. Do przyjaciół moskali. URL: <https://literat.ug.edu.pl/dziadyo/0017.htm> (дата обращения: 15.10.2018).

⁴⁸⁴ См., например: *Дубровский А.М.* Указ. соч.; *Сидорова Л.А.* Оттепель в исторической науке...; *Сидорова Л.А.* Советская историческая наука середины XX века...

во много раз тяжелее, чем жизнь потомков А. Мицкевича, который также сочувствовал своим современникам.

В. Сливовская вспоминает об еще двух русских друзьях Кеневича: Ольге Павловне Морозовой — «личности высокой культуры и большого личного обаяния, которая многократно принимала польских ученых у себя дома и во время каждого визита в Польшу была желанным гостем на [улице] Викторской (где жил С. Кеневич. — А.С.)», и Юрии Ивановиче Штакельберге, «который имел за собой годы лагерей и ссылок, проблемы с поиском работы и их изданием... большую часть своих ученых работ мог издать только в Польше, в том числе в «Пшеглёнде хисторычном» и наших издательствах, прежде всего благодаря рекомендациям проф. Кеневича»⁴⁸⁵. В письме Х. Верещицкому в августе 1983 года Кеневич писал по поводу книги Ю.И. Штакельберга: «Пришло согласие Москвы на печать в Варшаве дела Ю. Штакельберга о сфрагистике Январского восстания — важная работа, не только для специалистов»⁴⁸⁶. Речь шла о монографии «Повстанческие печати 1863—1864»⁴⁸⁷, которая была опубликованная, с предисловием польского историка, только в 1988 году. В ней советский ученый представил анализ 547 штампов, использованных Национальным правительством (Rząd Narodowy), его отделами, гражданскими и военными властями воеводств и повятов, командирами партизанских отрядов и разных институтов, действовавших в годы восстания. Важность этой монографии для истории Январского восстания подчеркнул А. Шварц в рецензии: «В сущности Штакельберга интересует не только размер, форма, типографика и иконографическая сторона повстанческих штампов. Он стремится объяснить их символику, которая часто отражала идейные и политические споры [между участниками восстания]»⁴⁸⁸.

В целом, советские историки с уважением, может, даже с некоторым пиететом, относились к Кеневичу. В советской историографии практически

⁴⁸⁵ *Sliwowska W.* Stefan Kieniewicz — edytor... S. 160.

⁴⁸⁶ *Stefan Kieniewicz — Henryk Wereszycki.* Korespondencja... S. 625-626.

⁴⁸⁷ *Sztakelberg J.* Pieczęcie powstańcze 1863—1864. Warszawa, 1988.

⁴⁸⁸ *Szwarc A.* „Pieczęcie powstańcze 1863—1864”... S. 630.

отсутствовала критика его работ, а для некоторых специалистов, например для того же В.А. Дьякова, он был «высшим авторитетом», о чем пишет Л.Е. Горизонтов⁴⁸⁹. Кроме того, ученые из СССР регулярно ссылались на работы Кеневича в рамках исследования революционного движения (В.А. Дьяков, И.С. Миллер, И.М. Нефёдов и другие⁴⁹⁰) и аграрного вопроса (В.М. Зайцев, И.И. Костюшко, З.Я. Тальвирская и другие⁴⁹¹). Характерной особенностью является то, что историки использовали фактический материал из трудов Кеневича, ссылались на его выводы, не давая никакого анализа, а иногда органично встраивая его тезисы в собственные тексты со ссылкой на источник⁴⁹². Нередко цитаты сопровождались такими благожелательными характеристиками, как «правильно отметил», «выразил совершенно справедливую мысль», «виднейший исследователь»⁴⁹³. Это подтверждает тезис о том, что в советской историографии его зачастую воспринимали как ортодоксального историка-марксиста.

При этом творчество польского историка все же оставалось практически неизвестным в СССР. Об этом говорит тот факт, что за все время на русском

---

⁴⁸⁹ Горизонтов Л.Е. Путь историка... С. 28.

⁴⁹⁰ *Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов. Сборник статей и материалов...*; Дьяков В.А. Революционная деятельность и мировоззрение Петра Сцегенного (1801–1890)... С. 13; Дьяков В.А. Освободительное движение в России 1825—1861 гг. ... С. 172, 246; Миллер И.С. Некоторые общие проблемы истории русско-польских революционных связей... С. 14; Миско М.В. Указ. соч.; Морозова О.П. Указ. соч. С. 46-86; Нефёдов И.М. Указ. соч. С. 194, 196, 197, 201, 202, 205.

⁴⁹¹ Зайцев В.М. Сословный состав участников восстания 1863—1864 гг. на территории Царства Польского (по материалам Аудиториатского департамента Военного министерства)... С. 16, 23, 26; Зайцев В.М. Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. (опыт статистического анализа)... С. 59, 61, 69, 74, 85, 87; Костюшко И.И. К столетию восстания 1863 г. в Царстве Польском, Литве, Белоруссии и на Правобережной Украине... С. 93, 95, 96; Тальвирская З.Я. Указ. соч. С. 41.

⁴⁹² См., например: *Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов. Сборник статей и материалов*; Зайцев В.М. Сословный состав участников восстания 1863-1864 гг. ...; Костюшко И.И. Крестьянская реформа 1864 года в Царстве Польском...; Миско М.В. Указ. соч.; Попков Б.С. Указ. соч. С. 150-164; Тальвирская З.Я. Указ. соч. С. 40-45.

⁴⁹³ Дьяков В.А. Революционная деятельность и мировоззрение Петра Сцегенного (1801–1890)... С. 13; Лейкина-Свирская В.Р. Указ. соч. С. 682; Миско М.В. Указ. соч. С. 138; Морозова О.П. Указ. соч. С. 68; Смирнов А.Ф. Восстание 1863 г. в Литве и Белоруссии... С. 110.

языке была издана только одна его книга — об Иоахиме Лелевеле (1970) в популярной серии «Жизнь замечательных людей»⁴⁹⁴, а вот «Январское восстание» (1972), как и другие работы, касавшиеся прошлого России и Польши, так и не были переведены. Кеневич все так же не фигурировал в списках литературы вузовских учебников по истории⁴⁹⁵, в которых встречались разве что работы Г. Яблонского. Хотя как минимум его монография о Лелевеле могла быть полезным подспорьем в изучении революционного движения в Европе в XIX веке в целом и Ноябрьского восстания 1831 года, участником которого, в частности, был герой исследования.

Так что к творчеству Кеневича могло обратиться только небольшое количество советских историков, владевших польским языком. При этом в советской историографии его характеризовали как историка-марксиста⁴⁹⁶, а в университетском учебнике «Историография Новой и Новейшей истории стран Европы и Америки» И.М. Белявская писала о Кеневиче: «Его поворот к марксизму ознаменовался созданием ряда ценных работ по вопросам польского освободительного движения и социально-экономических отношений в первой половине XIX в.»⁴⁹⁷ В сноске, конечно, были указаны только идеологически и методологически приемлемые работы. Такое замалчивание объясняется неоднозначностью теоретико-методологических взглядов Кеневича.

Приходилось Кеневичу браться за организационную и административную работу, несмотря на то что она ему не нравилась; историк отмечал, что выполнял такие задачи плохо, к тому же не был предприимчивым и амбициозным⁴⁹⁸. Ученый с 1953 по 1968 год исполнял обязанности заместителя директора по научной части Института истории ПАН, с 1969 по 1978 год — председателя Комитета исторических наук. Вторую должность историк, по его

⁴⁹⁴ Кеневич С. Лелевель.

⁴⁹⁵ *История южных и западных славян. Курс лекций.* М., 1979; *Новая история стран Европы и Америки. Первый период.* М., 1986.

⁴⁹⁶ *Зашильняк Л.А.* Указ. соч. С. 65, 67; *Королюк В.Д., Миллер И.С.* Указ. соч. С. 178; *Костюшко И.И.* Указ. соч. С. 87–88; *Смирнов А.Ф.* «Мужицкая правда»... С. 13.

⁴⁹⁷ *Белявская И.М.* Указ. соч. С. 327.

⁴⁹⁸ *Kieniewicz S.* Z rozmyślań dziejopisa... S. 261.

собственному убеждению, занял скорее случайно, в силу сложившихся обстоятельств. В статье «О себе и истории» писал: «Так случилось, что в марте 1968 года не было меня в Польше. Был за границей в Чикаго, где полгода читал лекции в местном университете. Вернулся в августе, накануне вторжения стран Варшавского договора в Чехословакию, и был единственным, можно сказать, из чистых, не ангажированных ни по одну, ни по другую сторону. Может быть, случайность привела к тому, что я был признан возможным кандидатом на достаточно ответственную должность, а именно — председателя Комитета исторических наук»⁴⁹⁹. Служебные функции, которые выполнял историк, никогда не приносили ему удовольствия, во много это было связано с тем, что они отрывали его от дела более важного — занятия наукой. К тому же, как заметил И.С. Миллер, Кеневич был человеком «от природы несмелый»⁵⁰⁰, что мешало как-то более уверенно отстаивать свои интересы и коллектива на административном поприще. До 1970 года эти функции выполнял директор Института истории ПАН — Т. Мантейфель. «Это был, — вспоминал Кеневич, — человек, которого мы все любили, который был авторитетом для всех и который нас, так сказать, защищал своей воинственностью в конфликтах с властью»⁵⁰¹.

В общественную и политическую деятельность историк не вовлекался, а также старался избегать публичных выступлений, о чем вспоминают его ученики⁵⁰². Б.В. Носов указывает, что во время студенческих волнений 1968 года Кеневич сочувствовал стремлениям польской молодежи к обновлению, разделял патриотические воззрения польского студенчества, но все же он «настороженно относился к проявлениям радикализма, особенно тогда, когда таковые, независимо от субъективных намерений инициаторов, могли нанести вред родной стране»⁵⁰³.

⁴⁹⁹ *Kieniewicz S.* O sobie i historii // *Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo...* S. 288-289.

⁵⁰⁰ *Дьяков В.А.* Стефан Кеневич и его место в польской исторической науке... С. 185.

⁵⁰¹ *Kieniewicz S.* O sobie i historii // *Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo...* S. 289.

⁵⁰² *Wyrobisz A.* Op. cit. S. 206.

⁵⁰³ *Носов Б.В.* Стефан Кеневич (1907—1992)... С. 30.

В то же время в некоторых речах Кеневича где-то с 1970-х годов можно обнаружить вполне конкретные оценки. Так, в докладе «Об этике профессии историка», прочитанном на пленарном заседании Товарищества любителей истории в Варшаве в 1974 году, он размышлял о том, что каждый историк, формируя «наши суждения о прошлом собственного народа, подвергается двойной репрессии. С одной стороны, общественное мнение старается нам навязать точку зрения типичную для болельщиков международного матча... С другой, каждый историк должен считаться со своим меценатом... Сегодня меценат один единственный, поэтому всеисильный, только он уже не является личностью, только группой почти безличных институтов»⁵⁰⁴. Кеневич здесь не только критикует власть за установленные ею рамки для творчества ученых, но и рефлексировал на тему своего собственного выбора, совершенного после войны, — принятия марксизма.

«Хорошо это или плохо, — продолжает рефлексии историк, — это уже другой вопрос, но наш меценат наблюдает большую часть наших начинаний, особенно научных, с достаточно большого расстояния»⁵⁰⁵, утверждая тем самым, что некая степень свободы все же остается за исследователем. В случае Кеневича — это была творчески понимаемая им марксистская теория, от которой он не отказался ни в годы «Солидарности», ни с началом трансформации. В 1980 году историк полемизировал с А. Валицким, который «высмеял» идеи Ф. Энгельса о консервативном характере Ноябрьского восстания и о возможности аграрной революции в Восточной Европе в XIX веке⁵⁰⁶. Так что Кеневич, по справедливому замечанию Б.В. Носова, является «образцом научной корректности, неприятия искажающих исторический процесс стереотипов, и независимости от находящихся за пределами науки конъюнктурных течений»⁵⁰⁷.

---

⁵⁰⁴ *Kieniewicz S.* O etyce zawodu historyka // *Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo...* S. 241.

⁵⁰⁵ *Ibid.*

⁵⁰⁶ *Kieniewicz S.* Sens czy też bezsens walk o niepodległość?... S.29.

⁵⁰⁷ *Носов Б.В.* Стефан Кеневич (1907—1992)... С. 30.

Сам Кеневич немного высказывался о своих теоретических взглядах, но не раз указывал, что иногда они менялись. Так, он писал: «Когда-то может быть займется Кеневичем историк историографии. Если хватит ему терпения узнать, что мои взгляды на те или иные проблемы истории Польши после разделов менялись на протяжении полувека; что одно писал перед войной, а другое после нее; что иначе формулировал оценки в 50-х, 60-х, 70-х годах. Верю, что будущего исследователя не огорчит такая эволюция взглядов. Лежит она в природе вещей. Сам могу ее оценить только субъективно. Мне кажется, что если изменял оценку того или иного исторического факта, то потому, что в этом конкретном примере в самом деле пришел к другому мнению»⁵⁰⁸.

Анализ работ Кеневича показывает, что он не сторонился марксистской методологии и после идеологического наступления в сталинские годы, а в своих воспоминаниях отстаивал их даже на закате ПНР. Однако неосторожная попытка отнести Кеневича к какому-либо лагерю будет перекликаться с практикой ортодоксальных сталинистов, упорно деливших историков на группы. Для историка было важнее продолжать начатое исследование польской повстанческой традиции, тщательно выверять факт и подтверждать любые выводы и суждения источниками.

Нельзя не отметить влияние Кеневича на семью. Двое детей (из трех) пошли по стопам отца. Так, Ян Кеневич (1938 г.р.) стал историком-иберистом и сделал карьеру в университете занимая должности заведующего кафедрой иберистики (1975—1981) и заместителя директора Института истории (1981—1988) Варшавского университета. Дочь Тереза Кеневич (1944—2008) изучала английскую литературу. Свою монографию «Мужчина, женщина и автор. Факты и вымысел в американских романах 1870-х и 1880-х годов», изданную в США, она посвятила отцу, написав на титульном листе по-английски: «Тому, кто научил меня понимать и ценить девятнадцатый век»⁵⁰⁹. К слову, в своих

---

⁵⁰⁸ *Kieniewicz S. Z rozmyślań dziejopisa... S. 265.*

⁵⁰⁹ *Kieniewicz T. Op. cit.*

письмах Х. Верещицкому С. Кеневич регулярно отмечал успехи отпрысков⁵¹⁰ и всегда делился важными семейными событиями. Можно сказать, что практически вся семья Кеневичей погрузилась в исследование прошлого. Квартира историка в Варшаве за многие годы профессиональной деятельности превратилась в библиотеку, как это свойственно интеллектуалам. После Второй мировой войны комплектовать ее пришлось заново, поскольку все нажитое ранее сгорело в пожаре Варшавского восстания. «Каждые пару лет, — вспоминает историк, — добавлялась очередная новая полка для книг, до тех пор, пока не были заставлены все свободные стены. Потом новые приобретения укладывались на шкафах, на мебели, под мебелью, — так что сегодня книжная коллекция, рост которой радовал меня когда-то, превратилась в обременительного соседа, который готов выселить из квартиры меня и мою жену»⁵¹¹. Конечно, большинство книг были связаны с исследованием истории XIX века, так что супруга Кеневича сокрушалась, что «в доме, заваленном книгами, нечего читать»⁵¹². Жена оказывала большую поддержку мужу в научной работе. Так, во время командировки Кеневича во Францию она переписывала для него документы в парижской Польской библиотеке⁵¹³.

Отдушиной для Кеневича, по его собственному свидетельству⁵¹⁴, от административной работы и не всегда благоприятной действительности было не только непосредственное исследование XIX столетия, но и редактирование журнала «Пшеглэнд хисторычны» (с 1952 года) и написание статей для «Польского биографического словаря».

Редакторские функции, собственно как и все, чем занимался историк, исполнял добросовестно на протяжении сорока лет. А. Выробищ, член редколлегии, вспоминает о работе с ученым: «Он читал абсолютно все тексты, которые поступали в редакцию, оценивал их по существу и допускал к печати

⁵¹⁰ *Stefan Kieniewicz — Henryk Wereszycki. Korespondencja... S. 223, 362, 597, 600.*

⁵¹¹ *Kieniewicz S. A ja do biblioteki... S. 296.*

⁵¹² *Ibid.*

⁵¹³ См. письмо Кеневича Верещицкому от 13 декабря 1961 года. *Stefan Kieniewicz — Henryk Wereszycki. Korespondencja... S. 181-182.*

⁵¹⁴ *Ibid. S. 262*

или отказывал, давал авторам советы и замечания, принятые к печати тексты собственноручно редактировал, вылавливая самые мелкие существенные погрешности, поправляя языковые запинки и ошибки, придавая статьям и рецензиям окончательный образ. Был беспощадным в потоплении научной недобросовестности, нерадивости, языкового неряшества и неуклюжести»⁵¹⁵.

Высоко ценил Кеневич работу над «Польским биографическим словарем», считая важным оставить память обо всех персонажах польской истории, о которых удавалось найти хоть малейшую информацию, зачастую во время кропотливой работы в архивах. Его первая статья была опубликована во втором томе в 1936 году о прусском генерале и военном писателе Генрихе Брандте⁵¹⁶, тогда как последняя — незадолго до смерти в 1992 году⁵¹⁷. За все это время из-под его пера вышли 182 биографии, сообщают Х. Маркевич, редактор словаря в 1989—2002 годах, и сотрудница И. Хомоля-Скомпская⁵¹⁸. В 1949 году Кеневич стал членом Ученого совета «Словаря», а с 1970 — его председателем. Историк настолько был вовлечен в работу над биографическими заметками о возможно даже не самых выдающихся личностях, что написал: «Я являюсь наиболее ревностным энтузиастом и любителем Польского биографического словаря»⁵¹⁹. За такую отдачу делу историк сыскал большое уважение коллектива. Х. Маркевич и И. Хомоля-Скомпская вспоминают, что «когда состояние здоровья сделало невозможным его приезды в Краков на заседания Ученого совета, то он хотел отказаться от его предводительства, но охотно принял предложение коллектива, чтобы собрания перенести в Варшаву и таким образом сделать возможным его дальнейшее председательство»⁵²⁰. На последнем собрании 5 декабря 1991 года

---

⁵¹⁵ *Wyrobisz A.* Op. cit. S. 204.

⁵¹⁶ *Kieniewicz S.* Brandt Henryk // PSB. T. 2. Kraków. S. 388.

⁵¹⁷ См.: *Polski słownik biograficzny.* Wrocław, 1992. T. 34.

⁵¹⁸ *Homola-Skapska I., Markiewicz H.* Op. cit. S. 24.

⁵¹⁹ *Kieniewicz S.* Zeszyt 47 Polskiego słownika biograficznego // *Kwartalnik Historyczny.* 1965. R. 72, № 2. S. 428.

⁵²⁰ *Homola-Skapska I., Markiewicz H.* Op. cit. S. 27.

«управлял еще умело и энергично»⁵²¹. Последнее письмо выслал 29 марта 1992 года. В нем Кеневич ссылаясь на плохое здоровье, рекомендовал авторов для новых статей и решал прочие вопросы издания. Закончил письмо словами: «Еще раз заканчиваю с сожалением, что уже не смогу, как некогда, так служить *Словарю*. Сердечно благодарю также за предыдущее письмо со сроками ближайших томов. Радуюсь, что работа идет верно. Всегда искренне ваш С. Кеневич»⁵²². Второго мая 1992 года историк Стефан Кеневич скончался.

Рассмотрение педагогической и редакторской деятельности ученого, работы в «Польском биографическом словаре» помогает оценить его вклад в развитие польской науки. Он охотно делился своими знаниями с молодыми историками, которые спустя десятилетия с уважением вспоминают о своем учителе.

Но все же главной его страстью было исследование прошлого. В центре творчества Кеневича стоит история Январского восстания. Неоценимую помощь в проведении исследования оказало Кеневичу участие в польско-советском издании источников Январского восстания. В монографии он представил новую концепцию польского движения, в которой объединил две интерпретации восстания: марксистскую и национально-патриотическую. В основе такой трактовки лежал жизненный опыт историка: несмотря на методологический поворот к марксизму, он вернулся к своему довоенному видению событий 1863 года.

Смешение подходов для изучения прошлого не было уникальным в Польше. Так, Р. Стобецкий отмечает, что «несмотря на вмешательство властей, а возможно даже вопреки ему, обращение к марксизму польскими историками было выборочным. В этой рецепции пересекались друг с другом теоретико-методологические и идеологические линии, здравый смысл и сознательный выбор способа исследования»⁵²³.

---

⁵²¹ *Homola-Skapska I., Markiewicz H. Op. cit. S. 27.*

⁵²² Цит. по.: *Homola-Skapska I., Markiewicz H. Op. cit. S. 27.*

⁵²³ *Stobiecki R. Historiografia PRL... S. 182.*

В случае Кеневича синтез, представленный в «Январском восстании» позволил историку остаться в стороне от главного для поляков исторического вопроса «борьба или примирение»: Кеневич не пошел на открытый конфликт с властью, адаптировал марксистский подход и при этом не отказался от, по сути, патриотических идей, выработанных им в 1930-е годы. Его выбор заключался добросовестном труде ученого (поиск, анализ, публикация источников, исследование прошлого) и учителя (обучение мастерству историка студентов и аспирантов), который сохраняет и умножает знание о прошлом.

Заключение

Стефан Кеневич является одним из выдающихся польских историков, исследования которого занимают важное место в исторической науке, а обращение к событиям Январского восстания и Польши во второй половине XIX века трудно представить без использования его работ.

Мировоззрение Кеневича и взгляды на прошлое сформировались до Второй мировой войны. Значительное влияние на них оказало дворянское происхождение историка, его религиозность и общая атмосфера национального подъема в связи с возрождением польского государства. Историк был далек от националистических идей, но общее патриотическое настроение, царившее в межвоенной Польше, отразилось в его восприятии польских восстаний в XIX веке. В первых работах, посвященных революции 1848 года и Январскому восстанию 1863 года, он рассматривал повстанческую традицию как национальную борьбу за независимость, борьбу против государств, участвовавших в разделах Польши. Результатом этой борьбы стало возрождение страны в 1918 году.

Послевоенная сталинизация Польши была настоящим вызовом для Кеневича. Историк не только нужно было адаптироваться к новым политическим реалиям, но и определиться со своим отношением к насаждаемому сталинистскому марксизму. Будучи по характеру человеком скромным и нерешительным, ученый не стал вступать в конфликт с давившими на него партийными историками, как это сделал его коллега Х. Верещицкий. Кеневич опубликовал ряд статей, которые разительным образом отличались от его предыдущих работ. В их основе лежала официальная марксистская теория.

Однако начавшаяся десталинизация позволила ему уйти от насаждаемой властью модели истории и перейти к разработке собственной концепции, которая получила свое воплощение в монографии «Январское восстание» (1972 года). На основе широкой источниковой базы Кеневич представил

политическую историю восстания, затронув ряд общественно-экономических вопросов, связанных с изменением структуры польского общества, развитием национального самосознания и другие. В данной работе Кеневич интерпретировал восстание не только как национально-освободительную и классовую борьбу, что вписывалось в рамки марксистской интерпретации, но и как патриотическое движение за независимость, вернувшись, таким образом, к своим довоенным взглядам.

Обращение Кеневича к марксистской теории не было добровольным решением, но это не помешало ему переосмыслить ее и найти полезные для науки и своих исследований методы. Даже с началом трансформации Польши в 1989 году ученый не стал отказываться от своих научных взглядов, оставляя их на суд истории. Приверженность принципу научности и здравому смыслу позволила Кеневичу пройти сложный профессиональный путь и разработать собственную концепцию истории Январского восстания, которая до сих пор занимает центральное положение в историографии этой темы.

Важной вехой в научной деятельности Кеневича было издание совместно с советскими историками (И.С. Миллером, В.А. Дьяковым и другие) источников по истории Январского восстания. Международный коллектив ученых за четверть века проделал колоссальную работу, подготовив и опубликовав 25 томов документов.

На примере биографии Кеневича видно, что польским коммунистам не удалось полностью лишить автономии историческую науку. Было проведено масштабное реформирование исторической науки по советскому образцу, которое лишь формально символизировало победу нового порядка. Не все польские историки поддержали новую политику после войны, но, несмотря на давление властей и ангажированных в реформирование науки ученых, в целом многие сохранили свое положение в науке. Польские исследователи пользовались и относительной свободой творчества (особенно в сравнении с советскими коллегами). Марксизм был на протяжении всей истории ПНР «единственно правильной» теорией, однако как методология творчески

понимался многими историками, которые старались избежать идеологизации науки. Даже в международных контактах (как со странами социалистического лагеря, так и «буржуазными») пропартийным историкам не удалось сохранить монополию сталинистского периода.

Несмотря на политическую конъюнктуру и лишение автономии, историческая наука в ПНР продолжала развиваться, в ее рамках возможны были плодотворные исследования на основе строгого соблюдения научных стандартов. Многие из этих работ не потеряли своей актуальности со временем. Одним из самых убедительных доказательств этого тезиса служит творчество выдающегося польского историка — Стефана Кеневича.

Список источников и литературы

1. Источники

1.1. Делопроизводство научных и партийных институтов

1.1.1. Архивные материалы

1. *Архив* Российской академии наук (далее — АРАН). Ф. 1965. Оп. 1. Д. 184. Протокол заседания дирекции Института об организации работы по изданию документов польского восстания 1863 г. 14.05.1957.
2. *АРАН*. Ф. 1965. Оп. 1. Д. 194. Отчеты сотрудников Института о поездках в зарубежные командировки. 27.02—10.04.1957.
3. *АРАН*. Ф. 1965. Оп. 1. Д. 229. Отчеты сотрудников института о научных командировках в зарубежные страны за 1959 г.
4. *АРАН*. Ф. 1965. Оп. 1. Д. 276. Отчеты сотрудников института о научных командировках в зарубежные страны за 1961 г.
5. *АРАН*. Ф. 1965. Оп. 1. Д. 430. Отчеты сотрудников института о зарубежных научных командировках за 1970 г.
6. *Archiwum Polskiej Akademii Nauk* (далее — АРАН), I Kongres Naukowy, sygn. I-10/36 «Komitet wykonawczy (sprawozdania z działalności Biura, Sekcji i Podsekcji. 1950—1951)».
7. *Archiwum Akt Nowych* (далее — ААН), Akta Jakuba Bermana, sygn 325/13. Pisma, notatki, informacje i tp.
8. ААН, Akta Jakuba Bermana, sygn 325/18. Notatki i informacje. 1947—1955.
9. ААН, Akta Żanny Kormanowej, sygn 1573/242.
10. ААН, Wydział Nauki KC PZPR, sygn. 237/XVI-178. Sprawozdanie Wydziału Nauki za m-c październik 1955 r.

11. *Archiwum Instytutu Historii Polskiej Akademii Nauk* (dalej — *Archiwum IH PAN*), Akta osobowe prof. S. Kieniewicza 1953—1968, sygn. 2/205.
12. *Archiwum Uniwersytetu Warszawskiego* (dalej — *Archiwum UW*), Akta pracownicze Stefana Kieniewicza, sygn. K.12.323.
13. *Archiwum Uniwersytetu Jagiellońskiego*, Akta Stefana Kieniewicza, sygn. Whm 36 Kieniewicz Stefan.

1.1.2. Опубликованные документы

14. *Соглашение 1957 года о научном сотрудничестве между Академией наук СССР и Польской академией наук // Сотрудничество российских и польских историков: достижения, проблемы, перспективы. Изучение и публикация исторических источников в России и Польше. М., 2011. С. 25-33.*
15. *Powszechne Zjazdy Historików Polskich w Polsce Ludowej. Dokumenty i materiały. Toruń, 2014. 682 s.*

1.2. Воспоминания и корреспонденция

16. *Сливовская В. Интервью (2015) / беседовал А.А. Солдатов. Варшава, 23.11.2015 (личный архив автора).*
17. *Kieniewicz A. Nad Prypecią, dawno temu... Wspomnienia zamierzchłej przeszłości. Wrocław, 1989. 556 s.*
18. *Kieniewicz S. Z rozmyślań dziejopisa czasów porozbiorowych (Autobiografia) // Kwartalnik historii nauki i techniki. 1980. R. XXV, № 2. S. 243-267.*
19. *Kieniewicz S. To i owo 1938—1948 // Polskie Towarzystwo Historyczne 1886—1986. Zbiór studiów i materiałów. Wrocław, 1990. S. 233-235.*
20. *Kieniewicz S. Sens czy też bezsens walk o niepodległość? // Kultura i społeczeństwo. 1991. № 35/2. S. 23-31.*

21. *Kieniewicz S.* O sobie i historii // *Przegląd Historyczny*. 1993. T. 84, № 1. S. 7-12.
22. *Kieniewicz S.* O sobie i historii // *Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo w polskiej historiografii / pod red. A. Szwarca*. Warszawa, 2010. S. 283-291.
23. *Stefan Kieniewicz — Henryk Wereszycki*. *Korespondencja z lat 1947—1990*. Wstęp i opracowanie Elżbiety Orman. Kraków, 2012. 791 s.

1.3. Публицистика и беллетристика

24. *Geremek B., Vidal J.C.* *Rozmowy*. Warszawa, 2015. 260 s.
25. *Jarocki R.* *Opowieść o Aleksandrze Gieysztorze*. Warszawa, 2001. 359 s.
26. *Kieniewicz S.* *Bezdomni. Powieść z czasów rewolucji rosyjskiej 1917 r.* Mysłowice, 2007. T. 1. 96 s.
27. *Kieniewicz S.* *Po nas potopu nie będzie. Kto po mnie?* // *Kultura*. 1976. № 51/52. S. 8.
28. *Kieniewicz S.* *Rachunek sumienia* // *Tygodnik Powszechny*. 1989. Nr. 52-53. S. 5.

1.4. Исторические работы С. Кеневича

29. *Kieniewicz S.* *Brandt Henryk* // *PSB*. T. 2. Kraków. S. 388.
30. *Kieniewicz S.* *Ignacy Działyński 1754—1797*. Kórnik, 1930. 177 s.
31. *Kieniewicz S.* *Spółeczeństwo polskie w powstaniu poznańskim 1848 r.* Warszawa, 1935. 455 s.
32. *Kieniewicz S.* *Adam Sapieha i Galicyjskie Towarzystwo Gospodarskie w przededniu powstania styczniowego (1860—1862)* // *Ziemia Czerwińska*. 1936. R. 2, z. 1. S. 70-111.
33. *Kieniewicz S.* *Pułkownik Ludwik Sczaniecki o powstaniu poznańskim 1848 roku* // *Rocznik Historyczny*. 1936. R. 12. S. 117-130.

34. *Kieniewicz S.* Udział Galicji w powstaniu // *Przegląd Historyczny.* 1937—1938. T. 34, № 2. S. 611-614.
35. *Kieniewicz S.* Adam Sapieha (1828—1903). Lwów, 1939. 474 s.
36. *Kieniewicz S.* Dookoła Lelewela // *Tygodnik Powszechny.* 1946. № 37. S. 6.
37. *Kieniewicz S.* Sprawa włościańska a sprawa niepodległości w dobie porozbiorowej // *Nauka i Sztuka.* 1946. R. 2, t. 4. S. 267-283.
38. *Kieniewicz S.* Opinia, parlament, praca // *Tygodnik Powszechny.* 1947. № 14/15. S. 13-14.
39. *Kieniewicz S.* Historia narodu czy historia państwa? W związku z art. Henryka Wereszyckiego «O problematykę najnowszej historii Polski» (*Dzieje Najnowsze.* 1947. T. 1. Z. 1) // *Dzieje Najnowsze.* 1947. T. 1, z. 3-4. S. 373-383.
40. *Kieniewicz S.* Sprawa włościańska w Galicji w 1848 // *Przegląd Historyczny.* 1948. T. 38. S. 61-128.
41. *Kieniewicz S.* Wstęp // *Handelsman M. Adam Czartoryski.* T. 1. Warszawa, 1948.
42. *Kieniewicz S.* Walka klasowa chłopów polskich w XIX i XX w. W oświetleniu historiografii polskiej // *Kwartalnik historyczny.* 1950/1951. R. 58, № 1. S. 39-57.
43. *Kieniewicz S.* Rec.: Miller Ilja S.: Nakanunie itmieny barszczyny w Galicji. Iz istorii idieno-politiczeskoj bor'by w polskom obszczestwie w 30-40 godach XIX stoletija // *Uczonyje Zapiski Instituta Sławianowiedienija.* 1949. T. 1. S. 119-240 // *Przegląd Historyczny.* 1951. T. 42. S. 455-463.
44. *Kieniewicz S.* Historiografia polska wobec powstania styczniowego // *Przegląd Historyczny.* 1953. T. 44, № 1-2. S. 1-34.
45. *Kieniewicz S.* Sprawa włościańska w powstaniu styczniowym. Wrocław, 1953.
46. *Kieniewicz S.* Jeszcze na temat zadań historii historiografii // *Kwartalnik Historyczny.* 1954. R. 61, № 3. S. 197-200.
47. *Kieniewicz S.* Echa „Trybuny Ludów” we Włoszech // *Kwartalnik Historyczny.* 1956. R. 63, № 4-5. S. 153-158.

48. *Kieniewicz S.* Chłowie a walki powstańcze o niepodległość. Rola klas posiadających i ich ocena // *Kwartalnik Historyczny*. 1957. R. 64, № 4-5. S. 195-200.
49. *Kieniewicz S.* Między ugodą a rewolucją. Andrzej Zamojski w latach 1861—1862. Warszawa, 1962. 318 s.
50. *Kieniewicz S.* Pokłosie rocznicy powstania styczniowego. (Przegląd wydawnictw 1962 i 1963) // *Przegląd historyczny*. 1964. T. 55, № 1. S. 46-61.
51. *Kieniewicz S.* Zeszyt 47 Polskiego słownika biograficznego // *Kwartalnik Historyczny*. 1965. R. 72, № 2. S. 425-428.
52. *Kieniewicz S.* Materiały pamiętnikarskie w moim warsztacie badawczym // *Pamiętnikarstwo Polskie*. 1971. T. 4, № 2. S. 29-33.
53. *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. Warszawa, 1972. 800 s.
54. *Kieniewicz S.* Wpływy zaboru rosyjskiego na świadomość społeczeństwa polskiego // *Dzieje Najnowsze*. 1977. T. 9, z. 4. S.105-115.
55. *Kieniewicz S.* Historia narodu czy historia państwa? W związku z art. Henryka Wereszyckiego «O problematykę najnowszej historii Polski» (*Dzieje Najnowsze*. 1947. T. 1. Z. 1) // *Historyk a świadomość narodowa*. Warszawa, 1982. S. 373-383.
56. *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. Warszawa, 1983. 799 s.
57. *Kieniewicz S.* Dereszewicze 1863. Wrocław, 1986. 191 s.
58. *Kieniewicz S.* Powojenny dorobek historiografii okresu powstań narodowych // *Kwartalnik Historyczny*. 1987. R. 94, № 1. S. 145-158.
59. *Kieniewicz S.* Przedmowa // *Kieniewicz Antoni. Nad Prypecią, dawno temu...* Wspomnienia zamierzchłej przeszłości. Wrocław, 1989. S. 5-19.
60. *Kieniewicz S.* Z doświadczeń edytora źródeł historycznych // *Archeion*. 1990. T. 87. S. 123-131.
61. *Kieniewicz S.* A ja do biblioteki... // *Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo w polskiej historiografii / pod red. A. Szwarca*. Warszawa, 2010. S. 293-297.
62. *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. Warszawa, 2009. 809 s.
63. *Кеневич С. Лелевель. М.*, 1970. 191 с.

2. Исследования

2.1. Исследования по истории Польши XIX—XX веков

64. *Бурджалов Э.Н.* Отмена крепостного права в России. Революционно-демократическое движение в конце 50-х и начале 60-х годов. Стенограмма лекций, прочитанных 17, 21 и 22 марта 1940 г. М., 1940. 99 с.
65. *Воронин В.Е.* Польское восстание 1863 года: опыт «примирительной политики» русского правительства. М., 2008. 432 с.
66. *Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов.* Сборник статей и материалов / под ред. В.Д. Королюка, И.С. Миллера. М., 1960. 731 с.
67. *Восстание 1863 года.* Материалы и документы. Показания и записки о польском восстании 1863 года Оскара Авейде. М., 1961. 662 с.
68. *Восстание 1863 года.* Материалы и документы. Переписка наместников Королевства польского январь-август 1863 г. Wrocław; М., 1974. 411 с.
69. *Дьяков В.А.* Революционная деятельность и мировоззрение Петра Сцегенного (1801–1890). М., 1972. 330 с.
70. *Дьяков В.А.* Освободительное движение в России 1825—1861 гг. М., 1979. 288 с.
71. *Зайцев В.М.* Сословный состав участников восстания 1863—1864 гг. на территории Царства Польского (по материалам Аудиториатского департамента Военного министерства) // Исследования по истории польского общественного движения XIX в. — начала XX в. М., 1971. С. 7-39.
72. *Зайцев В.М.* Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. (опыт статистического анализа). М., 1973. 232 с.
73. *Западные окраины Российской империи.* М., 2007. 605 с.

74. *История Польши*: в 3 т. / под ред. В.Д. Королюка, И.С. Миллера, П.Н. Третьякова. М., 1954. Т. 1; М., 1955. Т. 2; М., 1958. Т. 3.
75. *История южных и западных славян*. Курс лекций. М., 1979. 590 с.
76. *Каиштанова О.С.* Восстание 1863 г. в российской историографии и публицистике // *Польское Январское восстание 1863 г. и исторические судьбы России и Польши (к 150-летию восстания)*. М., 2014. С. 51-80.
77. *Костюшко И.И.* Крестьянская реформа 1864 года в Царстве Польском. М., 1962. 494 с.
78. *Костюшко И.И.* К столетию восстания 1863 г. в Царстве Польском, Литве, Белоруссии и на Правобережной Украине // *Вопросы истории*. 1963. № 1. С. 86-99.
79. *Лейкина-Свирская В.Р.* Показания о Январском восстании. Рецензия // *Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов*. Сборник статей и материалов / под ред. В.Д. Королюка, И.С. Миллера. М., 1960. С. 675-682.
80. *Миллер И.С.* Накануне отмены барщины в Галиции (Из истории идейно-политической борьбы в польском обществе в 30-40-х годах XIX столетия) // *Ученые записки Института славяноведения*. 1949. Т. 1. С. 119-240.
81. *Миллер И.С.* Некоторые общие проблемы истории русско-польских революционных связей // *Связи революционеров России и Польши XIX — начала XX в.* М., 1968. С. 7-19.
82. *Миско М.В.* Польское восстание 1863. М., 1962. 336 с.
83. *Морозова О.П.* Бронислав Шварце как историк восстания 1863-1864 гг. // *Исследования по истории польского общественного движения XIX — начала XX в.* / под ред. В.А. Дьякова, И.С. Миллера, А.М. Орехова. М., 1971. С. 46-86.
84. *Нефёдов И.М.* О революционной агитации в частях австрийской армии накануне краковского восстания 1846 г. и участия в нем солдат украинцев // *Связи революционеров России и Польши XIX — начала XX в.* М., 1968. С. 194-214.

85. *Новак А.* Борьба за окраины, борьба за выживание: Российская империя XIX в. и поляки, поляки и империя (обзор современной польской историографии) // *Западные окраины Российской империи.* М., 2007. С. 429-466.
86. *Новая история стран Европы и Америки. Первый период.* М., 1986. 662 с.
87. *Польское Январское восстание 1863 года. Исторические судьбы России и Польши (к 150-летию восстания).* М., 2014. 414 с.
88. *Польша в XX веке: очерки политической истории / отв. ред. А.Ф. Носкова.* М., 2012. 949 с.
89. *Попков Б.С.* Польские современники о политической деятельности Иоахима Лелевеля в эмиграции // *История и культура славянских народов. Польское освободительное движение XIX–XX вв. и проблемы истории культуры.* М., 1966. С. 150-164.
90. *Смирнов А.Ф.* «Мужицкая правда» // *Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов. Сборник статей и материалов / под ред. В.Д. Королюка, И.С. Миллера.* М., 1960. С. 11-62.
91. *Смирнов А.Ф.* *Восстание 1863 г. в Литве и Белоруссии.* М., 1963. 392 с.
92. *Тальвирская З.Я.* К истории аграрной программы «Мужицкой правды» // *Исследования по истории польского общественного движения XIX в. — начала XX в.* М., 1971. С. 40-86.
93. *Assorodobraj N.* W sprawie kriterium postępowości w historii historiografii // *Kwartalnik historyczny.* 1953. R. 60, №4. S. 150-186.
94. *Bardach J.* Optymistyczna czy pesymistyczna ocena przeszłości. Kształtowanie się narodu i świadomości narodowej. Problem rewolucji agrarnej // *Kwartalnik Historyczny.* 1957. R. 64, № 4-5. S. 44-46.
95. *Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich.* Warszawa, 1961—1987. T. 1-11.
96. *Djakow W.A., Gałkowski A., Śliwowska W., Zajcew W.M.* Uczestnicy ruchów wolnościowych w latach 1832—1855 (Królestwo Polskie). Przewodnik biograficzny. Wrocław, 1990. 560 s.

97. *Dutkiewicz J.* Marcei Handelsman jako badacz epoki napoleonowskiej // *Przegląd Historyczny*. 1966. T. 57, № 4. S. 512-527.
98. *Feldman J.* Sprawa posłka w roku 1848. Kraków, Warszawa. 1933. 352 s.
99. *Halicz E.* Optymizm czy pesymizm? Chłopsstwo w walkach narodowowyzwoleńczych // *Kwartalnik Historyczny*. 1957. R. 64, № 4-5. S. 70-71.
100. *Historia Polski (1764—1854)*. Makieta. T. 2. Cz. 2 / pod red. S. Kieniewicza, W. Kuli. Warszawa, 1955. 861 s.
101. *Historia Polski (1764—1854)*. T. 2. Cz. 3. / pod red. S. Kieniewicza, W. Kuli. Warszawa, 1959. 546 s.
102. *Kieniewicz T.* Men, Women, and the Novelist. Fact and Fiction in the American Novel of the 1870s and 1880s. Washington, 1982. 171 p.
103. *Koberdowa I.* Wielki Książę Konstanty w Warszawie 1862—1863. Warszawa, 1962. 305 s.
104. *Kunert A. K.* Słownik biograficzny konspiracji warszawskiej. 1939—1944. Warszawa. 1987. T. 2. 244 s.
105. *Leskiewiczowa J.* Ogólna ocena ujęcia problematyki agrarnej // *Kwartalnik Historyczny*. 1957. R. 64, № 4-5. S. 95-98.
106. *Mazur G.* Biuro Informacji i Propagandy SZP-ZWZ-AK 1939—1945. Warszawa, 1987. 481 s.
107. *Polski słownik biograficzny*. T. 34. Wrocław, 1992. 629 s.
108. *Powstanie styczniowe. Materiały i dokumenty. Восстание 1863 года. Материалы и документы*. T. 1-25. Wrocław; M., 1961—1986. T. 1-25.
109. *Przyborowski W.* Przyczyny upadku Polski. Warszawa, 1910. 266 s.
110. *Rewolucyjna konspiracja w Królestwie Polskim w latach 1840—1845*. Edward Dembowski. Wrocław, 1981. 815 s.
111. *Serejski M.* Joachim Lelewel. Z dziejów postępowej myśli historycznej w Polsce. Warszawa, 1953. 137 s.
112. *Skalkowski A.M.* Jan Henryk Dąbrowski. Cz. 1. Na schyłku dni Rzeczypospolitej (1755—1795). Warszawa, 1904. 392 s.

113. *Skalkowski A.M.* Książę Józef. Bytom, 1913. 479 s.
114. *Spoleczeństwo polskie i próby wznowienia walki zbrojnej w 1833 roku.* Wrocław, 1984. 808 s.
115. *Stowarzyszenie Ludu Polskiego w Królestwie Polskim. Gustaw Ehrenberg i «świętokrzyżcy».* Wrocław, 1978. 477 s.
116. *Sztakelberg J.* Pieczęcie powstańcze 1863—1864. Warszawa, 1988. 388 s.
117. *Tymieniecki K.* Procesy twórcze formowania się społeczeństwa polskiego w wiekach średnich. Warszawa, 1921. 359 s.
118. *Wereszycki H.* Historia polityczna Polski 1864—1918. Kraków, 1947. 374 s.
119. *Wereszycki H.* Pesymizm błędnych tez // *Kwartalnik historyczny.* 1957. R. 64, №4-5. S. 13-30.
120. *Wereszycki H.* Rec.: Irena Koberdowa. Wielki Książę Konstanty w Warszawie 1862—1863, Warszawa 1962, s. 308 // *Przegląd Historyczny.* 1963. T. 54, № 1. S. 350-353.
121. *Wereszycki H.* Dzieło o powstaniu styczniowym // *Tygodnik Powszechny.* 1972. R. 26. № 32. S. 1-2.
122. *Wiosna ludów na ziemiach polskich / pod red. N. Gąsiorowskiej.* Warszawa, 1948—1955. T. 1-4.
123. *Żychowski M.* Związek między walką antyfeudalną chłopstwa a walką o niepodległość. Ocena Ludwika Mierosławskiego // *Kwartalnik Historyczny.* 1957. R. 64, № 4-5. S. 165-166.

2.2. Исследования по польской историографии и методологии истории

124. *Белявская И.М.* Развитие исторической науки в Польше (1945—1964) // *Историография Новой и Новейшей истории стран Европы и Америки.* М., 1968. С. 325-333.
125. *Бухарин Н.И.* Интеллигенция Польской Народной Республики. М., 1977. 182 с.

126. *Вольневич М.* Советская дискуссия о макете второго тома *Истории Польши* // *Rozprawy z Dziejów Oświaty/ pod red. J. Schiller-Walickiej.* Warszawa, 2017. Т. LIV. S. 147-181.
127. *Гатилова А.В.* Виктория Сливовская как историк польской ссылки // *Clio Moderna. Зарубежная история и историография.* Казань, 2011. Вып. 8. С. 57-71.
128. *Горизонтов Л.Е.* Историческая наука послевоенного десятилетия // *Марксизм и историческая наука в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (1870—1965).* М., 1991. С. 127-155.
129. *Горизонтов Л.Е.* «Методологический переворот» в польской историографии рубежа 40—50-х гг. и советская историческая школа // *Славяноведение.* 1993. № 6. С. 50-66.
130. *Горизонтов Л.Е.* Путь историка // *Дьяков Владимир Анатольевич (1919—1995).* М., 1996. С. 10-37.
131. *Горизонтов Л.Е.* «Методологический переворот» в польской историографии рубежа 40—50-х гг. и советская историческая школа // *W kręgu historii historiografii i polityki.* Łódź, 1997. S. 103-126.
132. *Дубровский А.М.* Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930—1950-е годы). Брянск, 2005. 800 с.
133. *Дьяков В.А.* Стефан Кеневич и его место в польской исторической науке // *Вопросы истории.* 1992. № 11-12. С. 185-192.
134. *Зашкильняк Л.А.* Формирование и развитие исторической науки в Польше. Львов, 1986. 81 с.
135. *Королюк В.Д., Миллер И.С.* О совместной советско-польской публикации источников по истории восстания 1863—1864 годов. // *Новая и Новейшая история.* 1958. № 5. С. 178-181.
136. *Марней Л.П.* Комиссия историков СССР и ПНР 1965—1968 годов: к истории основания // *Россия в польской историографии, Польша в*

- российской историографии (к 50-летию Комиссии историков России и Польши). М., 2017. С. 43-60.
137. Миллер И.С., Штакельберг Ю.И. S. Kieniewicz. Powstanie styczniowe // Советское славяноведение. 1973. № 4. С. 114-116.
138. Миллер И.С. «Восстание 1863 года» (об опыте подготовки советско-польского серийного издания документов) // Археографический ежегодник за 1972 г. М., 1974. С. 36-47.
139. Миллер И.С. Восстание 1863 г. (По поводу монографии Ст. Кеневича «Январское восстание». Варшава, 1972) // Миллер И.С. Исследования по истории народов центральной и Восточной Европы XIX в. М., 1980. С. 193-218.
140. Носов Б.В. Стефан Кеневич (1907—1992). К 100-летию со дня рождения // Столица и провинция в истории России и Польши. К 50-летию Соглашения о научном сотрудничестве между Российской академией наук и Польской академией наук. М., 2008. С. 23-30.
141. Носов Б.В. Сотрудничество российских и польских историков в 1940—1950-е годы (в свете документов Архива Российской академии наук) // Akademia nauk, uniwersytety, organizacje nauki. Polsko-rosyjskie relacje w sferze nauki XVIII—XX w. Warszawa, 2013. S. 175-202.
142. Петровская И.Ф. Биографика: Введение в науку и обозрение источников биографических сведений о деятелях России 1801—1917 годов. СПб., 2010. 384 с.
143. Ретина Л.П. Контексты интеллектуальной истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2008. Вып. 25/1. С. 6-11.
144. Россия в польской историографии, Польша в российской историографии (к 50-летию Комиссии историков России и Польши) / отв. ред. Н.А. Макаров. М., 2017. 487 с.
145. Сидорова Л.А. Оттепель в исторической науке. Советская историография первого послесталинского десятилетия. М., 1997. 288 с.

146. *Сидорова Л.А.* Советская историческая наука середины XX века: синтез трех поколений историков: автофер. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009. 37 с.
147. *Синицын В.О.* Польская интеллигенция после Второй мировой войны. Виктория и Рене Сливовские: дис. ... канд. ист. наук: (07.00.03 — Всеобщая история). Казань, 2012. 182 с.
148. *Сливовская В.* Совместная советско-польская комиссия и издание исторических источников // *Clio Moderna*. Зарубежная история и историография. Казань, 2001. Вып. 8. С. 17-31.
149. *Солдатов А.А.* «Оттепель» в польской исторической науке: дискуссия второй половины 1950-х годов о роли крестьянства в Январском восстании 1863 года // *Ретроспектива*. Всемирная история глазами молодых исследователей: сборник научных статей. Калининград, 2015. Вып. 9. С. 134-141.
150. *Солдатов А.А.* Творчество Стефана Кеневича в оценках современных польских историков // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. 2015. Вып. 6. С. 147-155.
151. *Солдатов А.А.* Англия и объединение Германии в оценках польских историков // *Nonogis causa*: сборник научных статей, посвященный 70-летию профессора Виктора Владимировича Сергеева. СПб., 2016. С. 277-285.
152. *Солдатов А.А.* Историческая наука между Сциллой и Харибдой: советско-польские научные отношения в 1945—1964 гг. Рец.: Szumski J. *Polityka a historia. ZSRR wobec nauki historycznej w Polsce w latach 1945—1964*. Warszawa, 2016 // *Историческая экспертиза*. Журнал рецензий. 2018. № 2 (15). С. 155-162.
153. *Солдатов А.А.* «Соус в котором нас готовят...» Стефан Кеневич и польская историческая наука первого послевоенного десятилетия // *Диалог со временем*. Альманах интеллектуальной истории. 2018. Вып. 63. С. 248-266.

154. *Солдатов А.А.* Рецепция творчества Стефана Кеневича в советской историографии // Известия Смоленского государственного университета. 2018. № 1 (41). С. 178-192.
155. *Туманин В.Е.* Ян Рутковский и развитие социально-экономических исследований в Польше // *Clio Moderna*. Зарубежная история и историография. Казань, 2008. Вып. 6. С. 119-133.
156. *Туманин В.Е.* «Historia — moje życie»: Научное наследие Ежи Топольского. Казань, 2008. 240 с.
157. *Фалькович С.М.* Новый шаг на пути изучения революционной ситуации в России и Царстве Польском в 60-х годах XIX в. // История СССР. 1963. № 6. С. 203-207.
158. *Шарифжанов И.И.* Профессор Виктория Сливовская: «наша любовь» // *Clio Moderna*. Зарубежная история и историография. Казань, 2011. Вып. 8. С. 7-16.
159. *Шартье Р.* Интеллектуальная история или история ментальностей: двойная переоценка? // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/66/shart2.html> (дата обращения: 15.10.2018).
160. *Шварц А.* Стефан Кеневич и российские исследователи истории Польши XIX в. // Российско-польские научные связи в XIX-XX вв. М., 2003. С. 218-226.
161. *Bando H.* Jestem uczniem Stefana Kieniewicza // Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo w polskiej historiografii. Warszawa, 2010. S. 209-212.
162. *Berghauzen J., Groniowski K., Rymaszyna M., Zahorski A.* Konferencja w Sulejówku (14—17.IV.1957 r.) // Kwartalnik historyczny. 1957. R. 64, №4-5. S. 4-12.
163. *Bobińska C.* Spór o ujęcie pozytywizmu i historyków pozytywistów // Kwartalnik Historyczny. 1954. R. 61, № 1. S. 178-204.

164. *Bobińska C.* Walka z wulgaryzacją a marksistowska metoda krytyczna. Programy polityczne w sprawę chłopskiej // *Kwartalnik Historyczny*. 1957. R. 64, № 4-5. S. 171-177.
165. *Borejsza J.W.* Stefan Kieniewicz. Historyk i jego epoka // *Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo w polskiej historiografii*. Warszawa, 2010. S. 17-28.
166. *Caban W.* Stefan Kieniewicz jako historyk i inspirator badań powstania styczniowego // *Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo w polskiej historiografii*. Warszawa, 2010. S. 103-120.
167. *Chudyński M.* Pamięci profesora Stefana Kieniewicza // *Notatki Płockie*. 1992. № 37-3. S. 37-41. URL: http://mazowsze.hist.pl/40/Notatki_Plockie/826/1992/1315/3_152/31808 (дата обращения: 15.10.2018).
168. *Dylągowa H.* Seminarium Profesora Stefana Kieniewicza // *Tradycja a współczesność. Księga pamiątkowa Instytutu Historycznego Uniwersytetu Warszawskiego 1930—2005*. Warszawa, 2005. S. 211-215.
169. *Dyskusja* nad obecnym stanem i możliwościami rozwojowymi naszej nauki historycznej // *Kwartalnik historyczny*. 1956. R. 63, № 6. S. 72-87.
170. *Gąsiorowska N.* Z problemów dyskusyjnych w historiografii epoki przejściowej od feudalizmu do kapitalizmu w Polsce // *Kwartalnik Historyczny*. 1957. R. 64, № 4-5. S. 56-63.
171. *Górny M.* Przede wszystkim ma być naród. Marksistowskie historiografie w Europie Środkowo-Wschodniej. Warszawa, 2007. 468 s.
172. *Grabski A.F.* Zarys historii historiografii polskiej. Poznań, 2000. 277 s.
173. *Grochulska B.* O sztuce krytyki. Stefan Kieniewicz — recenzent // *Przegląd Historyczny*. 1993. T. 84, № 1. S. 39—46.
174. *Groniowski K.* Seminarium Stefana Kieniewicza // *Przegląd Historyczny*. 2000. T. 91, № 3. S. 405-433.
175. *Hayasaka M.* Mistrz dydaktyki historycznej — ze wspomnień o Profesorze Stefanie Kieniewiczu // *Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo w polskiej historiografii*. Warszawa, 2010. S. 213-216.

176. *Handelsman M.* Historyka. Zarys metodologii i teorii poznania historycznego. Zamość, 1921. 332 s.
177. *Homola-Skapska I., Markiewicz H.* Biografistyka w twórczości Stefana Kieniewicza // *Przegląd historyczny*. 1993. T. 84, № 1. S.13-27.
178. *Hübner P.* Nauka polska po II wojnie światowej — idee i instytucje. Warszawa, 1987. 266 s.
179. *Hübner P.* Polityka naukowa w Polsce w latach 1944—1953. Geneza systemu. Wrocław, 1992. T. 2. S. 477-849.
180. *Kancewicz J.* Żanna Kormanowa (1900—1988) // *Kwartalnik Historyczny Ruchu Zawodowego*. 1988. № 4. S. 161-163.
181. *Kieniewicz J.* Kilka słów wyjaśnienia // *Kieniewicz S.* Bezdomni. Powieść z czasów rewolucji rosyjskiej 1917 r. Mysłowice, 2007. T. 1. S. V-XIII.
182. *Konarska B., Sokołowska S., Szwarc A.* Bibliografia prac Stefana Kieniewicza za lata 1930—1986 // *Losy Polaków*. Warszawa, 1987. S. 5-53.
183. *Kula W.* W sprawie naszej polityki naukowej // *Kwartalnik historyczny*. 1956. R. 63, № 3. S. 151-166.
184. *Koroluk W., Miller I., Misko M.* Nauka polska na VII Zjeździe Historyków we Wrocławiu w 1948 r. // *Zbiór artykułów historycznych o Polsce w literaturze radzieckiej*. Warszawa, 1950. S. 257-309.
185. *Langlois C.-V., Seignobos C.* Introduction aux études historiques. Paris, 1898. 308 p.
186. *Leśnodorski B.* Nauka historii w pierwszym dziesięcioleciu Polski Ludowej // *Kwartalnik historyczny*. 1955. R. 62, № 1. S. 18-58.
187. *Łazuga W.* Wokół początków poznańskiego środowiska historycznego // *Środowiska historyczne II Rzeczypospolitej. Część II*. Warszawa, 1987. S. 176-185.
188. *Malewski A., Topolski E.* Materializm historyczny w pracach historyków polskich // *Studia Filozoficzne*. 1959. № 6. S. 3-17.
189. *Maternicki J.* Historiografia polska XX wieku. Cz. 1. Lata 1900—1918. Wrocław, 1982. 248 s.

190. *Orman E.* O paradoksach i historiografii w czasach PRL-u na przykładzie Henryka Wereszyckiego i Stefana Kieniewicza // Stefan Kieniewicz — Henryk Wereszycki. Korespondencja z lat 1947—1990. Kraków, 2012. S. 5-82.
191. *Pierwsza Konferencja metodologiczna historików polskich.* Warszawa, 1953. T. 1. 535 s.
192. *Romek Z.* Cenzura a nauka historyczna w Polsce 1944—1970. Warszawa, 2010. 358 s.
193. *Rutkowski T.P.* Kormanowa Żanna // Encyklopedia Białych Plam. Radom , 2003. T. 10. S. 124-126.
194. *Rutkowski T.P.* Nauki historyczne w Polsce 1944—1970. Zagadnienia polityczne i organizacyjne. Warszawa, 2007. 632 s.
195. *Rutkowski T.P.* IX Powszechny Zjazd Historików Polkich, Warszawa 1963 r. // Powszechne Zjazdy Historików Polskich w Polsce Ludowej. Dokumenty i materiały. Toruń, 2014. S. 148-151.
196. *Serejski M.* Studia nad historiografią Polski. Cz. I. K.B. Hoffman. Łódź, 1953.
197. *Skowronek J.* Profesora Stefana Kieniewicza metodologia praktyczna // Historyka. Studia metodologiczne. 1993. T. 23. S. 65—81.
198. *Skowronek J.* Stefan Kieniewicz (1907—1992) // Nauka Polska. 1993. № 4. S. 161-167.
199. *Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo w polskiej historiografii /* pod red. A. Szwarca. Warszawa, 2010. 298 s.
200. *Stobiecki R.* Historiografia PRL. Ani dobra, ani mądra, ani piękna... ale skomplikowana. Studia i szkice. Warszawa, 2007. 364 s.
201. *Stobiecki R.* Witold Kula (1916—1988). Historycz zaplątany w historii // Historycy polscy wobec wyzawań XX wieku. Poznań, 2014. S. 273-306.
202. *Stobiecki R.* Żanna Kormanowa (1900—1988). Szkic do portretu «wojującej» marksistki // Historycy polscy wobec wyzawań XX wieku. Poznań, 2014. S. 205-233.
203. *Szumski J.* Polityka a historia. ZSRR wobec nauki historycznej w Polsce w latach 1945—1964. Warszawa, 2016. 429 s.

204. *Szwarc A.* „Pieczęcie powstańcze 1863—1864”, Jurij I. Sztakelberg, przekład autoryzowany Wiktorii Śliwowskiej, przedmową poprzedził Stefan Kieniewicz. Tablice pieczęci i ilustracje do druku przygotował Stefan K. Kuczyński, Warszawa 1988 [recenzja] // *Przegląd historyczny*. 1989. T. 80, № 3. S. 629-630.
205. *Szwarc A.* Bibliografia prac Profesora Stefana Kieniewicza za lata 1987—1992 // *Przegląd Historyczny*. 1993. T. 84, № 1. S. 1-6.
206. *Szwarc A.* Przedmowa do trzeciego wydania // *Kieniewicz. S. Powstanie styczniowe*. 2009. S. IX-XVI.
207. *Szwarc A.* Przedmowa // *Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo w polskiej historiografii* / pod red. A. Szwarca. Warszawa, 2010. S. 9.
208. *Szwarc A.* Stefan Kieniewicz jako historyk społeczeństwa polskiego XIX wieku // *Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo w polskiej historiografii*. Warszawa, 2010. S. 121-130.
209. *Śliwowska W.* Stefan Kieniewicz — edytor // *Przegląd historyczny*. 1993. T. 84, № 1. S. 29-38.
210. *Śliwowska W.* Stefan Kieniewicz jako wydawca źródeł do dziejów powstania styczniowego // *Annales universitatis Mariae Curie-Skłodowska*. Lublin, 1993. S. 1-5.
211. *Śliwowska W.* Stefan Kieniewicz — edytor // *Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo w polskiej historiografii* / pod red. A. Szwarca. Warszawa, 2010. S. 153-165.
212. *Topolski E.* Polish Historians and Marxism after World War II // *Studies in Thought*. 1992. Vol. 43, № 2 (Polish Philosophy at the Crossroad). P. 169-183.
213. *Wolniewicz M.* Między tradycją legionową a «tradycjami postępowymi». Powstania narodowe w refleksji historycznej Stefana Kieniewicza // *Klio Polska. Studia i materiały z dziejów historiografii polskiej po II wojnie światowej*. 2006. T. 2. S. 91-119.
214. *Wolniewicz M.* W poszukiwaniu utraconego «optymizmu» Powstania narodowe w refleksji historycznej Stefana Kieniewicza (1956—1958) // *Klio*

Polska. Studia i materiały z dziejów historiografii polskiej po II wojnie światowej. 2008. T. 3. S. 163-186.

215. *Wyrobisz A.* Wspomnienie o Stefanie Kieniewiczzu jako redaktorze naczelnym «Przeglądu Historycznego» w latach 1952—1992 // *Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo w polskiej historiografii.* Warszawa, 2010. S. 203-208.
216. *Zdrada J.* O Stefana Kieniewiczza koncepcji dziejów porozbiorowych // *Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo w polskiej historiografii.* Warszawa, 2010. S. 29-102.
217. *Żelichowski R.* Dzieje Warszawy w twórczości naukowej Stefana Kieniewiczza // *Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo w polskiej historiografii.* Warszawa, 2010. S. 131-152.